

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 81 № 6 2022 Ноябрь—Декабрь

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанини* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСл РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Герд Хентшель* (Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, г. Ольденбург, Германия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР)
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://izv-oifn.ru>

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk
SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

Bulletin of the Russian Academy of Sciences:
Studies in Literature and Language

Volume 81 No. 6 2022 November–December

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Founder and Publisher: Russian Academy of Sciences
Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philology),
Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Herd Hentschel*, Prof., Carl von Ossietzky Universität Oldenburg (Oldenburg, Germany), *Tat'yana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, **Scholarly Editor**, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, **Deputy Editor-In-Chief**, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Olga I. Lukashenko*, **Managing Editor**, *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, **Executive Editor**, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zherebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://izv-oifn.ru>

-
- © The Russian Academy of Sciences, 2022
 - © The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2022
 - © Editorial Board of "Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language" (editing and composing), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2022, Том 81, Номер 6

Криптопоэтика и формы ее проявления <i>М. Дьёндьёши, С. А. Кибальник</i>	5
Художественные ресурсы пунктуации в произведениях В. В. Набокова: от языкового к образному знаку <i>А. В. Леденёв, И. Н. Коржова</i>	16
М. А. Шолохов в англоязычной кросс-культурной коммуникации: к истории перевода романа “Тихий Дон” на английский язык <i>Д. С. Московская</i>	26
А. М. Ремизов и наследники: тайные тропы филологической прозы конца XX века <i>Н. Л. Блищ</i>	34
Неизвестная статья Б. А. Садовского “Философия брака”: пушкинский контекст <i>Ю. А. Изумрудов</i>	44
О заглавиях басен, или Кто главный в поэтическом мире графа Хвостова <i>О. Л. Довгий</i>	53
Надо ли реконструировать для прасамодийского * <i>ō</i> : источники <i>o</i> после палатальных согласных в первых и непервых слогах в тундровом ненецком <i>А. Ю. Урманчиева</i>	61
Лексикализованные обозначения времени: опыт корпусной разметки <i>С. П. Тимошенко</i>	70
Кто такой <i>дикий ревнивец</i> и почему нам <i>дико интересно</i> : полисемия прилагательных типа <i>дикий</i> в сфере человеческого <i>М. В. Орлова</i>	89
Маркирование глагола по числу в нахско-дагестанских языках <i>А. Н. Закирова</i>	102

Рецензии

Демидова О. Р., Потехина Е. А. Гендерные модели в культуре, или О философии мужского и женского. СПб.: Алетейя, 2023. 178 с. <i>В. Б. Зусева-Озкан</i>	115
Авторский указатель тома 81, 2022 год	118

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.
2022, Volume 81, Issue 6

Cryptopoetics and Forms of Its Manifestation

- M. Gyöngyösi, S. A. Kibalnik* 5
- Artistic Resources of Punctuation in V. V. Nabokov's Works: from Linguistic to Figurative Sign
- A. V. Ledenev, I. N. Korzhova* 16
- M. A. Sholokhov in English-Language Cross-Cultural Communication: on the History of Translation of the Novel "The Quiet Don"
- D. S. Moskovskaya* 26
- A. M. Remizov and His Heirs: Secret Paths of Philological Prose of the Late 20th Century
- N. L. Blishch* 34
- Unknown Article by B. A. Sadovsky "Philosophy of Marriage": the Pushkinian Context
- Yu. A. Izumrudov* 44
- On Headings of Paroemias: or Who is the Principal in Khvostov's Poetical World
- O. L. Dovgy* 53
- Is it Necessary to Reconstruct for Proto-Samoyedic *ö: Sources of *o* after Palatal Consonants in the First and Non-First Syllables in Tundra Nenets
- A. Yu. Urmanchieva* 61
- Lexical Expressions with Temporal Semantics: the Corpus Study
- S. P. Timoshenko* 70
- How One Can be *Wildly Jealous* and *Wildly Interested*: the Polysemy of Adjectives Denoting Wild Animals in the Field of Human Life
- M. V. Orlova* 89
- Number Marking of the Verb in the East Caucasian Languages
- A. N. Zakirova* 102

Reviews

Demidova O. R., Potekhina E. A. Gender Models in Culture, or On the Philosophy of the Masculine and the Feminine. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2023, 178 p. [In Russ.]

- V. B. Zuseva-Özkan* 115
- Index of Authors (Volume 81, 2022) 118

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800023670-3

Криптопоэтика и формы ее проявления

© 2022 г. М. Дьёндьёши

Доктор филологии,
доцент кафедры русского языка и литературы
Университета им. Лоранда Этвеша,
H-1088 Budapest Múzeum krt. 4/D
gyongyosi.maria@btk.elte.hu

© 2022 г. С. А. Кибальник

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
kibalnik007@mail.ru

Резюме. В статье устанавливаются границы относительно новой области поэтики: близость и в то же время несовпадение криптопоэтики с такими понятиями, как “автобиографический подтекст”, “эзопов язык”. Показаны различные типы суггестивной адресности, присущей криптографическим произведениям: современник, детально знающий подробности личной жизни автора, или будущий “провиденциальный” читатель. Проанализированы и различные варианты “ключа” / шифра к криптографическому тексту. Рассмотрена специфика криптографических текстов, как она проявляется, с одной стороны, в эпических, а с другой – в лирических произведениях. Освещено, какими криптографическими средствами обладает лирический род (метр, рифма, строфика; акротекст, акrostих и т.д.). Особое внимание уделено символистской поэзии, имеющей, как и криптография, магические, культовые корни. Конкретным материалом для анализа послужила цифровая символика в одном из ранних стихотворений А.А. Блока и его вступление к сборнику стихов “Земля в снегу”. Показано взаимоотношение смыслов символа “комета”, конституирующихся в диалоге двух эпиграфов предисловия и в лирическом сюжете цикла “Снежная маска”.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 21-512-23008: “Криптопоэтика русской литературы нового времени”.

Ключевые слова: криптопоэтика, тайнопись, подтекст, автобиографический, анаграмма, “роман с ключом”, лирика, аллюзивность, акrostих, аллегория, символ.

Для цитирования: Дьёндьёши М., Кибальник С.А. Криптопоэтика и формы ее проявления // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 5–15. DOI: 10.31857/S160578800023670-3

Cryptopoetics and Forms of Its Manifestation

© 2022 Mária Gyöngyösi

PhD, Dr. habil.
Associate professor of the Department of Russian Language and Literature,
Eötvös Loránd University, Faculty of Humanities, H-1088 Budapest Múzeum krt. 4/D
gyongyosi.maria@btk.elte.hu

© 2022 Serguei A. Kibalnik

Doct. Sci. (Philol.),
 Leading Researcher at the Institute of Russian Literature
 (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
 4 Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
 kibalnik007@mail.ru

Abstract. The article establishes the boundaries of this relatively new area of poetics: the proximity and at the same time the discrepancy of this concept with such as “autobiographical subtext”, “Aesopian language”. Various types of suggestive targeting inherent in cryptographic works are shown: a contemporary who closely knows the details of the author's personal life or a future “providential” reader. Many variants of the “key” / cipher to the cryptographic text are also analyzed. The specificity of cryptographic texts is considered, as it manifests itself, on the one hand, in epic, and on the other hand, in lyrical works. It is highlighted what cryptographic means the lyrical gender has (meter, rhyme, stanza; acrotext, acrostic, etc.). Particular attention is paid to symbolist poetry, which, like cryptography, has magical, cult roots. The specific material for the analysis was the digital symbolism in one of the early poems by A.A. Blok and his introduction to the collection of poems “The Earth in the Snow”. The relationship of the meanings of the symbol “comet” is shown, which are constituted in the dialogue of two epigraphs of the preface and in the lyrical plot of the cycle “Snow Mask”.

Acknowledgements. This study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 21-512-23008.

Key words: cryptopoetics, cryptography, subtext, autobiographic, anagram, “novel with a key”, lyrics, allusiveness, acrostic, allegory, symbol.

For citation: Gyöngyösi M., Kibalnik S.A. *Kriptopoetika i formy yeyo proyavleniya* [Cryptopoetics and Forms of Its Manifestation]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 6, pp. 5–15. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800023670-3

1

“Зачем же превращать литературное произведение в донос на самого себя?” — однажды резонно заметил В.В. Набоков. Как и он сам, его предшественники и современники в русской литературе мастерски владели искусством сокрытия автобиографического подтекста.

В то же время, о ком же еще писать писателю, как не о самом себе? Чего будет стоить его произведение, если в нем не будет искреннего самовыражения? И, конечно же, русские писатели — не только поэты-лирики, но и прозаики — писали в основном именно о самих себе.

Тот же Набоков прямо противопоставлял свое творческое кредо авторам “выдуманных книг”. «Будь я литератором, — говорит явно автобиографический герой его рассказа “Весна в Фиальте”, — лишь сердцу своему позволял бы иметь воображение, да еще, пожалуй, допускал бы память, эту длинную вечернюю тень истины...» [1, с. 312].

Нередко русским писателям вполне удавалось закамouflировать автобиографический подтекст своих произведений. Однако при этом шифры, посредством которых их можно разгадать, все же

оставались — причем на страницах самих этих произведений.

Некоторые же писатели намеренно оставили их там, чтобы скрывааемый ими острый политический или автобиографический подтекст мог быть считан — пусть не всеми и не обязательно сразу — наиболее “проницательными читателями”. Так что у них это чаще всего сознательное послание читателю грядущих времен — “провиденциальному собеседнику”, как называл такого читателя О.Э. Мандельштам. А иногда оно адресовано современникам — только не всем, а избранным.

Так или иначе, во всех этих случаях в литературных произведениях русских писателей имеет место своего рода “тайнопись” (этим термином, кстати сказать, нередко пользовались уже писатели Серебряного века — например, И.Ф. Анненский) [2, с. 339].

2

Такой “тайнописью” стало почти все позднее творчество А.С. Пушкина, созданное им в последние годы его жизни, когда говорить откровенно о своих действительных, довольно драматичных обстоятельствах он, по вполне

понятным причинам, ни с кем не мог, а размышлять о них в своих произведениях, естественно, не переставал.

Вот почему многие поздние произведения Пушкина — это действительные или мнимые переложения чужих текстов: Шекспира (“Анджело”), братьев Гримм (“Сказка о рыбаке и рыбке”), арабских сказаний (“Сказка о золотом петушке”). Между тем, не только история “старого доброго Дука” в поэме “Анджело” напоминает внезапно исчезновение с политической арены Александра I [4], но и его “наместник” Анджело — безусловное скрытое размышление о личности Николая I. А в пушкинской Изабеле и — парадоксальным образом — в “старухе” из “Сказки о рыбаке и рыбке”, как убедительно показали исследователи, преломились некоторые черты и эпизоды из личной жизни Н.Н. Пушкиной [5]; [6].

Во многом от Пушкина искусство такой “тайнописи” восприняли Н.В. Гоголь (см.: [7]; [8, с. 23–32]; [9, с. 313–346]; [10]; [11]) и Ф.М. Достоевский. Когда последний в романе “Село Степанчиково и его обитатели” создавал образ Егора Ростанева, вздумавшего уравнивать с собой в имущественных владениях (недаром сама фамилия этого героя представляет собой анаграмму слова “равенство”) своего “приживала” Фому Опискина, при этом он не только открыто высмеивал позднего Гоголя, но и скрыто пародировал идеи французских и русских социалистов (в первую очередь Белинского и петрашевцев).

Поскольку большинство из последних все еще оставались в Сибири, делать это открыто Достоевскому было, разумеется, не с руки. Вот почему Опискин вначале попадает в “фалангу огорченных” (первое слово из словаря социального утописта Шарля Фурье, второе — из начала письма Белинского к Гоголю), а в финале романа уже и вовсе “созидает всеобщее счастье” (см.: [12]).

Сходным образом Н.Г. Чернышевский в своем хрестоматийном романе “Что делать?”, оказывается, не только прямо критиковал царскую Россию, но заодно и создал своего рода закамуфлированный памфлет против А.И. Герцена и Н.П. Огарева, решительно отказав им обоим в праве называться “новыми людьми” [13].

Широко присутствует это явление и в русской литературе советского времени. Так, в “малой прозе” К.К. Вагинова “Монастырь господ Бога нашего Аполлона” (1921) и в некоторых его стихотворениях встречаются анаграмматические криптонимы “Дзержинский”, “ЧЕКА” [14, с. 63–64] (см. также: [15]; [16]). Не редкость в ней и

использование понятия “криптографии”. Например, Н.К. Чуковский писал, что произведения Вагинова “представляют собой как бы криптограммы, как бы зашифрованные документы, причем ключ от шифра он не дал никому” [17, с. 179].

В повести Л.Ф. Пантелеева “Республика ШКИД”, по признанию самого писателя, зашифрованы 10 христианских заповедей. Леонид Леонов, по его собственным словам, всю жизнь “держал фигу в кармане”, создавая произведения по принципу “вывернутой перчатки”. А Андрей Платонов оставлял отметки своего возраста на могильных надписях своих героев и давал им имена, содержащие аллюзии к современной европейской философии, с которой его произведения внутренне связаны (например, Сарториус в “Счастливой Москве”).

Очевидно, что такое криптографическое письмо представляет собой форму высказывания писателя на политические темы и отчасти напоминает явление “эзопова языка”. Однако последнее является скорее метафорой, чем научным понятием. Недаром ему посвящено не так много научных работ (см.: [18]). Не случайно и то, что, за исключением терминов “экран” и “маркер”, у исследователей “эзопова языка” так и не появилось других понятий для анализа этого аспекта поэтики.

Для обозначения “тайнописи” литературы иногда, помимо “эзопова языка”, используется другое понятие — автобиографического подтекста¹. А ведь речь при этом снова идет о тех или иных способах сокрытия истинного смысла — только на сей раз уже относящегося к личности и биографии автора и его знакомых. Приемы полного или частичного сокрытия автобиографического подтекста, следовательно, здесь те же, что и в выше охарактеризованной “политической криптопоэтике”: это все те же аллюзии или анаграммы, криптонимы, интертекстуальные маркеры и др.

“Роман с ключом”, или, шире, литературное произведение с ключом, — на первый взгляд, явление противоположное по отношению к “тайнописи”. Однако, во-первых, в обоих случаях — как явной, так и скрытой прототипичности — имеет место определенная зашифрованность. Во-вторых, как правило, в произведениях “с ключом”, помимо героев, прототипы которых имеют прозрачный характер (например, Н.А. Добролюбов и сам Н.Г. Чернышевский в его романе “Пролог”

¹ Некоторые исследователи предпочитают говорить в таких случаях о “прототипическом подтексте” [10].

или Н.С. Гумилев в “Козлиной песни” Вагинова), имеются и криптографические образы. Так, в образе Илатонцева небезосновательно видят некоторые черты и элементы биографии Герцена [19], а сразу в нескольких образах “Козлиной песни” – черты Ахматовой [20]; [21]. Наконец, в-третьих, многие образы имеют полигенетический характер, так что наряду с явными прототипами у них зачастую есть и тайные. Следовательно, все эти явления должны также входить в сферу криптопоэтики.

Наконец, третий вид “тайнописи” в литературе – это “тайнопись” интертекстуальная, актуализирующая полемическую соотнесенность с какими-то произведениями предшественников или современников, а то и их стилем вообще. Это далеко не обязательно только скрытое пародирование какого-то художественного произведения или чьего-либо стиля, о котором в основном в данной связи писал Р.Г. Назиров [22]. К такой же «интертекстуальной “тайнописи”» относятся и случаи иного варианта диссонансного модуля соотнесенности с претекстом – например, довольно распространенное, однако редко пока выделяемое явление скрытой полемической интерпретации претекста без его пародирования (см., например: [23]).

Таким образом, понятие “криптопоэтика” необходимо и ничем не заменимо именно как понятие синтетического типа – не совпадающее со смежными по отношению к нему явлениями политического и автобиографического (или “прототипического”) подтекста, “эзопова языка”, скрытого автобиографизма, аллюзионности, “энигматичности”, анаграмматичности [24], произведений “с ключом” и т.п., но включающее в себя их все.

Существование некой общей “криптопоэтики” позволяет осмыслить все эти родственные явления в рамках общей теории, а также описать действие и взаимодействие основных категорий поэтики литературного произведения, на которых строится криптопоэтика: аллюзий, анаграмм, криптонимов, криптопосов, криптограмм, интертекстуальных маркеров и других знаков криптографичности.

Особое внимание в рамках этой дисциплины, очевидно, должно быть уделено некоторым специальным шифрам или особым языкам, которые используют те или иные писатели. Так, у целого ряда русских писателей имеет место своего рода “фармакологическая” криптография, при которой упоминаемое в художественном произведении лекарство – чаще всего в виде

рецепта – несет скрытую семантику, определяемую его предназначением.

Нередко в таких случаях – например, у А.П. Чехова в таких известных произведениях, как пьесы “Безотцовщина” и “Три сестры”, – даже среди современников писателя большинство читателей, как правило, не имеет представления о том, для чего назначают данные препараты. Между тем, эта скрытая семантика дана автором сознательно и несет важную функцию скрытой символической характеристики героев [25].

Аналогичное явление представляет собой шахматная криптография Набокова, смысл которой сам писатель неоднократно отрицал. Между тем, он есть и до сих пор остается неразгаданным [26].

3

Трудно оспаривать высказываемое иногда утверждение о том, что творения великих мастеров являются криптограммами [27, с. 324]. При этом различные роды литературы обладают собственными криптографическими средствами. Так, эпике, о которой речь шла в предыдущем разделе, свойственны криптохронологические связи (читателю задана реконструкция синхронности отдельных, якобы независимых друг от друга, побочных событий), криптонимы и вещественные символы (см.: [28]; [29]), прием использования скрытых исторических или сакральных прототипов (см.: [30]; [31]; [32]).

Такие виды авторской тайнописи, как аллегория и символ (см., например: [33]; [34]), возможны во всех литературных родах. Это же относится к энигматичности как фигуре, структурно близкой аллегории, параболе и символу (см.: [35]).

Однако лирический род имеет и свои собственные криптографические средства. Поэты широко используют анаграмму, реже – палиндром, который может осуществиться в рамках слога, слова или стиха, но возможна и целая книга из палиндромов (см., например: [36], [37]). Анаграмма и палиндром являются формами пермутации, имеющей магические, культовые корни [37, с. 251]. Паронимы, аллитерации и ассонансы могут кодировать в тексте ключевое слово, выделить семантический вес какой-то лексемы, создать дополнительные смыслообразующие связи в стихе, соседних стихах, строфе или стихотворении.

Помимо лексических аллюзий (см., например: [38]) на претекст или некую традицию потенциально может указать и тождественный (или похожий) метр [39]. Так, галлиамб у М. Волошина со своей античной окраской подчеркивает

греческую составляющую в культурном палимпсесте киммерической земли: “Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...” [40, с. 117].

Аллюзивность может передаваться идентичными словами в рифмовке, как, например, рифмы “птицы – вереницы” (в стихотворении Блока “Я и мир – снега, ручьи...”) и “вереницы – птицы” (в стихотворении Фета “Это утро, радость эта...”) при тематическом сходстве двух стихотворений [41, т. 1, с. 531]. Строфика также носит информацию об источнике или традиции (как в “Песни Ада” Блока, написанной терцинами Данте), например: [42, с. 163–165], [43, с. 156].

Кроме этого, лирик может написать акротекст, где начальные буквы слов воспроизводят алфавит (“Июльская ночь” Брюсова). В акростихе же (см., например: [44]) (более редкие формы – телестих и мезостих) начальные (соответственно конечные, средние) буквы стиха складываются в слово, чаще всего – имя (сонеты Брюсова “М.А. Кузмину. Акростих” и Кузмина “Валы стремят свой яростный прибой...”). Особый вид акростиха (в немецкой терминологии *wandernder Akrostichon*) – это когда 1-я буква 1-го стиха, 2-я буква 2-го стиха и т.д. образуют какое-либо слово, имя.

Так, акростих руководителя немецкого символистского кружка Стефана Георге “Hier schließt das tor: schickt unbereite fort...” (в его сборнике “Звезда Союза”, 1914) скрывает имя Гельдерлина, к поэзии которого в данном цикле имеются интертекстуальные отсылки. Поскольку в стихотворении Георге говорится о герметической скрытости этого культового общества и обете молчания, акростих согласуется с лирическим сюжетом под эгидой криптичности.

Эзотерические, мистические и культовые свойства присущи не только немецкому, но и русскому символизму, поэтому правомерно предположить, что русские символисты охотно прибегали к средствам криптографии, имеющей также культовые, герметические корни.

Таким приемом оказывается символ. Согласно определению Вяч. Иванова, восходящему к Гёте, символ “многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине” [45, с. 713]. А.Ф. Лосев, понимая символ гораздо более широко, также подчеркивает это, когда пишет о “бесконечной смысловой заряженности символов” [46].

Особую роль в рецепции символистской лирики мы должны отвести “собеседнику”, читателю (ср.: [47]), от которого требуется определенный уровень знаний. Для осмысления символистского

стихотворения также важны, как считали сами символисты, другие стихотворения цикла, вся книга стихов, в которую оно входит, и все лирическое творчество данного автора.

Криптография в первоначальном понимании обозначает тайнопись, а обладание зашифрованным текстом и кодом гарантирует его дешифровку. Разгадка – если она найдена – однозначна, нет бесконечных перспектив осмысления, характерных для рецепции символистских произведений. И тем не менее, криптограммы символистскому тексту отнюдь не противопоказаны.

Из ранних стихов Блока с этой точки зрения особого интереса заслуживает загадочное стихотворение “Пять изгибов сокровенных...”. В стихотворении на языке условных знаков повествуется об особом душевном состоянии лирического Я. Ключ к этому стихотворению дает собственное мемуарное свидетельство Блока: «В таком состоянии я встретил Любовь Дмитриевну <7 марта 1901 г.> на Васильевском острове <...>. Она вышла из саней на Андреевской площади и шла на курсы по 6-й линии, Среднему проспекту — до 10-й линии, я же, не замеченный Ею, следовал позади <...>. Отсюда появились “пять изгибов”. <...>. Тогда же мне хотелось *ЗАПЕЧАТАТЬ* мою *тайну*, вследствие чего я написал *шифрованное* стихотворение, где пять изгибов линий *означали* те улицы, по которым она проходила, когда я следил за ней, не замеченный ею» [48, с. 281, 285 (курсив наш. — М.Д., С.К.)]. Л.Д. Менделеева, однако, его заметила [41, т. 4, с. 520]). В этом фрагменте из дневника Блока можно видеть явление, которое иногда обозначают как “отрефлектированная криптопоэтика” [49, с. 44].

Отметим присутствие криптологических слов и в этом стихотворении, написанном через три дня после встречи, и в другом, написанном в самый день встречи, под заглавием “Сбылось пророчество мое...”: *сокровенный* (дважды), *загадка*, *тайна*, *вещие слова*, *пророчество* [41, т. 1, с. 53].

Установка Блока на криптический характер его лирики усиливается упоминанием Пифии, во-первых, в записи на греческом языке на белом автографе “Пять изгибов...”: “Пифия прогуливающаяся и страждущая”, во-вторых — сопоставлением с его ранним стихотворением “В Дельфийском храме новый бог...” (1900) [41, т. 4, с. 519, 118].

Однако почему четыре раза повторяется числительное “5”? По мнению А.А. Александрова, код к его разгадке можно найти в пифагорейской цифровой символике (интерес молодого Блока

к учениям пифагорейцев в доказательствах не нуждается [50]). У пифагорейцев “5” является символом бракосочетания (соединение мужских “3” и женских “2”) [41, т. 4, с. 520], [51, с. 226].

Беловой автограф стихотворения “Пять изгибов...” содержал эпиграф из Пушкина: “Он имел одно виденье, / Непостижное уму” (“Жил на свете рыцарь бедный...” из “Сцен из рыцарских времен”). Этот эпиграф бросает свет на одну из ипостасей Вечно-Женственного у Блока – богородичную. Она также – античная богиня, мифическая Пифия и Мировая Душа Оригена. Перед нами символический, мистический, криптоичный образ, многозначность которого реконструируема на основе большого числа текстов (в принципе – всего цикла “Стихи о Прекрасной Даме”). Сам Блок Андрею Белому признавался: «...в “славословии, благодарении и прощении” всегда прибегну к Ней. Из догматов нашей церкви Она, думается, коснулась самых непомерных: Троичности Лиц и Непорочного Зачатия. Первый, заключающий в себе “мысль” о Св. Духе, наводит на замирание души о том, Она ли – Св. Дух, Утешитель? Второй ясно отмечает Ее след, но не обязывает к вере в тождество Ее и Божьей Матери, т.е. в полное воплощение Ее в Божьей Матери. Тем менее обязывают к такой вере примеры других писаний, кроме Священного (Офелия, Гретен, наша современность)» [52, с. 69].

К этому многозначному, таинственному образу адресованы и следующие строки:

Возлюбить, возненавидеть
Мироздания скрытый смысл,
Чет и нечет мертвых чисел,
И вверху – Тебя увидеть! [41, т. 1, с. 105]

Эта строфа не только представляет адресата цикла как Мироправительницу (еще одна ипостась), но и содержит новый намек на символику чисел, скорее всего, пифагорейскую – один из древних видов криптографии.

Более позднему циклу Блока “Снежная Маска” (1906–1907) предпослано посвящение “Н.Н.В.”. За этими инициалами скрывается, как известно, имя Натальи Николаевны Волоховой, игравшей в это время в театре Комиссаржевской, в том числе и в “Балаганчике” Блока. Цикл повествует об истории одной любви с момента ее зарождения до гибели лирического героя. Цикл завершается символом снежного костра, которому передан “он”, и словами героини, готовой разместить его пепел “по равнине снеговой” [41, т. 2, с. 171].

Среди символов цикла с точки зрения криптографии особенно интересным представляется “комета”.

В свете ночной, звездной, космической символики цикла естественно появление в нем “кометы”. Она – символ неизбежной любви, но и один из атрибутов героини. Слово “комета” несет символическое наполнение, которое оно получило в русской лирике, в частности, у Ап. Григорьева – поэта, как известно, особенно близкого Блоку из его предшественников.

Помимо стихотворения Ап. Григорьева “Комета” (1843), тут важно и тогда еще не опубликованное стихотворение Л.Д. Блок, жены поэта, посвященное Н.Н. Волоховой, под названием “Venus ad cometam”:

Зачем в наш светлый строй ты ворвалась, комета?
Зачем случайный путь мой верный круг пресек?
Я – Солнца служница, я – отраженье света.
Бросает тень зачем мне твой неверный бег?

В тени, в смятеньи я; где Феб мой златокудрый?
Где свет его очей – палящие лучи?
Его скрываешь ты, и хвост твой изумрудный
Смел, затенил меня и потерял в ночи.

На миг всевластная, ты, знаю я, случайна,
И в бури новые твой путь тебя стремится.
Наш светлый строй хранит законов светлых тайна.
Сияй, предвечный круг, страданием омыт! [41, т. 2, с. 881]

Первую строку этого стихотворения Блок использовал как криптоическую цитату в качестве 1-го эпиграфа вступления (“Вместо предисловия”) к своему сборнику стихов “Земля в снегу” (1908), обозначив под стихом инициалы Л.Б. (о понятии “криптоической цитаты” см., например: [53]). Вторым эпиграфом он взял как раз стихотворение Ап. Григорьева “Комета”.

Помимо тождественной темы, эти два стихотворения объединяют вопрошания о причинах появления кометы: “Зачем...?” и “Что нужды...?”. Григорьев в концовке своего стихотворения дает ответ на этот вопрос. По воле Блока стихи Л.Б. и Григорьева вступают в диалог, и ответ на вопрос Л.Б. заключен в финале стихотворения Григорьева:

...Она
Из лона отчего, из родника творенья
В создання стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосоздания. [54, с. 84]

Так Блок пытался оправдать не только незаконный путь кометы и “разрушение” ею “гармонии” миропорядка, но, на автобиографическом

уровне, пожалуй, и свою роль в любовной истории с Натальей Николаевной.

“Комету” в “Снежной маске” Блока мы вправе считать криптограммой, придающей блоковскому символу дополнительный скрытый смысл. Она вносит в сюжет цикла пропущенное автором звено и смысловой пласт: сюжет жизненной драмы и участие третьего персонажа любовного треугольника.

В паратексте сборника, однако, Блок лишает стих-криптограмму драматичности, переосмысляя и трансформируя ее в литературный источник, тематически связанный со стихотворением Ап. Григорьева. Читатель, современный Блоку и знакомый с личными обстоятельствами поэта, мог разгадать инициалы “Л.Б.” и читать стихи о неизбежности любви к “комете” в жизненном контексте любящего и двух соперниц. (Ю.Е. Галанина, ссылаясь на книгу Вл. Орлова, цитирует и другое стихотворение Л.Д. Блок с более драматичным сюжетом, начинающееся так: “Зачем ты вызвал меня / Из тьмы безвестности — / И бросил?” [55, с. 71].)

Однако, канонизируя состав трех книг своей лирики, Блок снял оба эпитафия и сократил посвящение. При этом криптографический смысл сквозного символа этого цикла “комета” стал непонятен без комментария. Между тем, цикл “Снежная маска” и так изобилует “тайными знаками” [41, т. 2, с. 154] и скрытыми — как маской или рыцарским забралом — смыслами: он криптоичен. (К мотиву “рыцаря” см., например: “Темный рыцарь вкруг девицы / Заплетает вязь” [41, т. 2, с. 161].)

Как мы видели, автобиографическая криптография в лирике не так заметна, как в эпике. Однако все же встречается, например, в символистской поэзии далеко не редко. У лирической криптопоэтики есть своя специфика проявления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Набоков В.В.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1990. 477 с.
2. *Анненский И.* Книги отражений. М.: Наука, 1979. 679 с. (Лит. памятники).
3. *Лотман Ю.М.* Идеальная структура поэмы Пушкина “Анджело” // Пушкинский сборник. Псков, 1973. С. 3–23.
4. *Кошелев В.А.* “Жил старик со своею старухой...”: Биографические аллюзии пушкинской сказки // Болдинские чтения 2019. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 3–13.
5. *Кибальник С.А.* Криптографическая поэтика пушкинской поэмы “Анджело” // Болдинские чтения 2019. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 14–23.
6. *Кораблев А.А.* Криптография “Мертвых душ” // Радуга. 2009. № 8. С. 103–131; № 10. С. 115–140.
7. *Кораблев А.А.* Криптография в “Мертвых душах”: масонский подтекст // Litteraria Humanitas XV. N.V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase (studie o živém dědictví). Brno: Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010. S. 139–147.
8. *Виноградов И.А., Воропаев В.А.* “Дело, взятое из души...” // Гоголь Н.В. Мертвые души / Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М.: Синергия, 1995. С. 5–46.
9. *Виноградов И.А.* Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 448 с.
10. *Двинятин Ф.Н.* Об одном возможном случае прототипического подтекста: персонажи Гоголя и литераторы // Текст и комментарий. Круглый стол к 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: Наука, 2006. С. 167–183.
11. *Кибальник С.А.* Криптопародии Гоголя и Достоевского на “письмо Белинского к Гоголю” // Феномен Гоголя. СПб.: Петрополис, 2011. С. 532–542.
12. *Кибальник С.А.* “Село Степанчиково и его обитатели” как криптопародия // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 19: Памяти Г.М. Фридендера. СПб.: Наука, 2010. С. 108–142.
13. *Кибальник С.* Из рассказов “новых людей” о “новых людях” (Роман Н.Г. Чернышевского “Что делать?” как закамуфлированный памфлет против А.И. Герцена) // Текст и традиция: альманах. Вып. 9. СПб.: Росток, 2021. С. 26–44.
14. *Шатова И.Н.* Анаграмматический карнавал петербургских эмоционалистов // Альманах “XX век”. Вып. 2. СПб.: Островитянин, 2010. С. 55–64.
15. *Шатова И.Н.* Криптографический карнавал М. Кузмина, К. Вагинова, Д. Хармса. Запорожье: КПУ, 2010. 312 с.
16. *Кибальник С.А.* Велимир Хлебников в “Козлиной песни” Константина Вагинова (К вопросу о криптографии в русском авангарде 1920-х гг.) // Новый филологический вестник. 2014. № 2 (29). С. 19–31.
17. *Чуковский Н.К.* Литературные воспоминания. М.: Сов. писатель, 1989. 327 с.
18. *Losev L.* On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature. München: Otto Sagner in Kommission, 1984. XIII, 274 p.
19. *Плимак Е.* Мемуары “забавного” человека: О романе Н.Г. Чернышевского “Пролог” // Вопросы литературы. 1979. № 9. С. 152–162.

20. *Кибальник С.А.* Ахматова о Вагинове и у Вагинова (К постановке проблемы) // Некалендарный XX век. Мусатовские чтения 2009. М.: Азбуковник, 2011. С. 315–327.
21. *Кибальник С.А.* “Роман с ключом” в русской прозе 1920–1930-х годов. (“Женщина-мыслитель” Алексея Лосева и “Козлиная песнь” Константина Вагинова) // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. Вып. 2. С. 24–30.
22. *Назирова Р.Г.* Пародии Чехова и французская литература // Чеховиана: Чехов и Франция. М.: Наука, 1992. С. 52–56.
23. *Кибальник С.А.* Роман Гайто Газданова “Поле” как полемическая интерпретация метаромана И.А. Гончарова // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 214–223.
24. *Топоров В.Н.* К исследованию анаграмматических структур (анализы) // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 193–238.
25. *Кибальник С.А.* Поэтика фармакологического подтекста в прозе и драматургии Чехова // Чехов: тексты и контексты. Наследие А.П. Чехова в мировой культуре: Сб. материалов Международной научной конференции (Мелихово, 24–28 января 2020 г.). М.: Изд-во “Перо”, 2021. С. 43–50.
26. *Кибальник С.А.* Криптопоэтика романа Владимира Набокова “The Real Life of Sebastian Knight” // Emigrantica. Сборник памяти О.А. Коростелева. М.: ИМЛИ РАН, 2022.
27. *Trattner Irma.* Die Farbe in der Mittelalter-Rezeption der Bildenden Kunst und deren Transformationsprozesse // Die Farben imaginierter Welten. Zur Kulturgeschichte ihrer Codierung in Literatur und Kunst vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Berlin: Akademie Verlag, 2012. S. 323–341.
28. *Knapp-Tepperberg Eva-Maria.* Julien Sorels “Familienroman”: Ein kryptischer Leitmotivkomplex in Stendhals “Le Rouge et le Noir” // Poetica. 1972. Vol. 5. № 3/4. S. 64–97.
29. *Harms Ingeborg.* Wortbruch. Niedergeträumt. Kleists Anagramme // MLN. 1995. Vol. 110. № 3. P. 518–539.
30. *Йожа Д.З.* Роман-панacea. Асклепий как прототип образа доктора Живаго: К постановке вопроса // Культура и текст. 2013. № 2. С. 7–41.
31. *Йожа Д.З.* К типу “мифопоэтики” и жанру романа “Доктор Живаго” // Пастернак: проблемы биографии и творчества. К 60-летию Нобелевской премии: Тезисы докладов. Смоленск: Изд. СмолГУ, 2018. С. 52–54.
32. *Józsa György Zoltán.* Kriptográfia Paszternak Zsivago doktor c. regényében: Szakralitás és hagiográfia // Metszésponok: Magyar-szláv vallási és kulturális kapcsolatok. Budapest, 2021. S. 168–183.
33. *Rehder Helmut.* Ursprünge dichterischer Emblemik in Eichendorffs Prosawerken // The Journal of English and Germanic Philology. 1957. Vol. 56. № 4. P. 528–541.
34. *Schild Kurt W.* Die “Bedeutung” von Kafkas Literatursprache vom Symbol zum Parabol // Modern Austrian Literature. 1978. Vol. 11. № 3/4. P. 257–274.
35. *Wohlleben Doren.* Enigmatik: das Rätsel als hermeneutische Grenzfigur in Mythos, Philosophie und Literatur. Antike – Frühe Neuzeit – Moderne. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014.
36. *Баевский В.С., Кошелев А.Д.* Поэтика А. Блока: анаграммы // Блоковский сборник III. Творчество А.А. Блока и русская культура XX века. Тарту, 1979. С. 50–75.
37. *Ernst Ulrich.* Permutation als Prinzip in der Lyrik // Poetica, 1992. Vol. 24. № 3/4. S. 225–269.
38. *Kraft Helga W.* Goethes Farbenlehre und *Das Märchen*: Farbmagie oder -wissenschaft? // Die Farben imaginierter Welten. Zur Kulturgeschichte ihrer Codierung in Literatur und Kunst vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Berlin: Akademie Verlag, 2012. S. 89–110.
39. *Смирнов И.П.* Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. 2-е изд. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 189 с.
40. *Волошин М.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1977. 480 с. (Б-ка поэта, большая серия. Изд. 3-е).
41. *Блок А.А.* Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. Т. 1–4. М.: Наука, 1997–1999.
42. *Силард Л.* Дантов код русского символизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 162–205.
43. *Curtius Ernst Robert.* Dante und das lateinische Mittelalter // Romanische Forschungen. 1943. Bd. 57. H. 2/3. S. 153–185.
44. *Ernst Ulrich.* Häresie und kritische Intellektualität in der mittelalterlichen Stadtkultur. Gottfrieds von Straßburg “Tristan” als Antwort auf die Ketzerverfolgung im 13. Jahrhundert // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 2008. Bd. 137. H. 4. S. 419–438.
45. *Иванов Вячеслав.* Поэт и чернь // Иванов В.И. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. Брюссель, 1971. С. 709–714.
46. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. 320 с.
47. *Мандельштам О.Э.* О собеседнике // Мандельштам О.Э. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. С. 145–150.
48. *Блок А.* Дневник. М.: Советская Россия, 1989. 508 с.
49. *Ernst Ulrich.* Polychromie als literarästhetisches Programm. Von der Buntschriftstellerei der Antike zur Farbtektonik des modernen Romans // Die Farben

- imaginierter Welten. Zur Kulturgeschichte ihrer Codierung in Literatur und Kunst vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Berlin: Akademie Verlag, 2012. S. 33–64.
50. Быстров В.Н. Раннее творчество А. Блока и античная философия // Александр Блок. Исследования и материалы. [Т. 3]. СПб.: Наука, 1998. С. 5–39.
51. Lurker Manfred (Hg.). Wörterbuch der Symbolik. Stuttgart: Kröner, 1991. XVI, 800 S.
52. Андрей Белый – Александр Блок: Переписка 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 606 с.
53. Steland Dieter. “J’embrasse mon rival, mais c’est pour l’étouffer”. Ein kryptisches Seneca-Zitat in Racines Britannicus // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. 2012. Bd. 122. H. 2. S. 158–167.
54. Григорьев А.А. Избр. стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1959. 603 с. (Б-ка поэта, большая серия. Изд. 2-е).
55. Галанина Ю.Е. Любовь Дмитриевна Блок. Судьба и сцена. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 430 с.
9. Vinogradov, I.A. *Gogol – hudozhnik i myslitel: Hristianskiye osnovy mirosozertsamiya* [Gogol – Artist and Thinker: The Christian Foundations of the Worldview]. Moscow, 2000, 448 p. (In Russ.)
10. Dviniatin, F. *Ob odnom vozmozhnom sluchae prototipicheskogo podteksta: personazhi Gogolia i literary* [On one Case of Prototypical Subtext: Gogol’s Characters and Writers]. *Tekst i kommentariy. Kruglyi stol k 75-letiyu Viacheslava Vcevolodovicha Ivanova* [Round Table for the 75th Anniversary of V.V. Ivanov]. Moscow, 2006, pp. 167–183. (In Russ.)
11. Kibalnik, S.A. *Kriptoparodii Gogolia i Dostoevskogo na “pismo Belinskogo k Gogoliu”* [Gogol’ and Dostoevsky’s Cryptoparodies of “The Letter by Belinsky to Gogol”]. *Fenomen Gogolia* [The Gogol Phenomenon]. St. Petersburg, 2011, pp. 532–542. (In Russ.)
12. Kibalnik, S.A. “Selo Stepanchikovo i ego obitateli” *kak kriptoparodiya* [“Stepanchikovo Village and its Inhabitants” as a Cryptoparody]. *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research.]. St. Petersburg, 2010, Vol. 19, pp. 108–142. (In Russ.)
13. Kibalnik, S.A. *Iz rasskazov “novuh liudey” o “novuh liudiah” (Roman N.G. Chernyshevskogo “Chto delat?” kak zakamuflirovannyi pamphlet protiv A.I. Gertsena)* [From the Stories of “New People” about “New People”]. *Tekst i traditsiya: almanah 9* [Text and Tradition: Almanac, Iss. 9]. St. Petersburg, 2021, pp. 26–44. (In Russ.)
14. Shatova, I.N. *Anagrammaticheskii carnaval peterburgskih emotsionalistov* [The Anagram Carnival of Petersburg Emotionalists]. *Almanah “XX vek”* [Almanac “The 20th Century”]. St. Petersburg, 2010, Issue 2, pp. 55–64. (In Russ.)
15. Shatova, I.N. *Kriptograficheskii karnaval M. Kuzmina, K. Vaginova, D. Kharmsa* [The Cryptographic Carnival of M. Kuzmin, K. Vaginov, D. Harms]. Zaporozhye, 2010. 312 p. (In Russ.)
16. Kibalnik, S.A. *Velimir Hlebnikov v “Kozlinoi pesni” Konstantina Vaginova* [Velimir Hlebnikov in “The Goat Song” by Konstantin Vaginov]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2014, No. 2 (29), pp. 19–31. (In Russ.)
17. Chukovsky, N.K. *Literaturnye vospominaniya* [The Literary Memoirs]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ., 1989. 327 p. (In Russ.)
18. Losev, L. On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature. München, 1984. XIII, 274 p.
19. Plimak, E. *Memuary “zabavnogo” cheloveka: O romane N.G. Chernyshevskogo “Prolog”* [The Memoirs of a “Funny” Man: About N.G. Chernyshevsky’s Novel “Prologue”]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 1979, No. 9, pp. 152–162. (In Russ.)
20. Kibalnik, S.A. *Ahmatova o Vaginove i u Vaginova* [Ahmatova about and by Vaginov]. *Nekalendarnyi*

REFERENCES

1. Nabokov, V. *Sobraniye sochineniy v 4 t.* [Complete Works in 4 Vols.]. Vol. 4. Moscow, 1990. 477 p. (In Russ.)
2. Annensky, I. *Knigi otrazheniy* [The Books of Reflections]. Moscow, 1979. 679 p. (In Russ.)
3. Lotman, Yu.M. *Ideynaya struktura poemy Pushkina “Andzhelo”* [The Ideological Structure of Pushkin’s Poem “Angelo”]. *Pushkinskiy sbornik* [Pushkin Collection]. Pskov, 1973, pp. 3–23. (In Russ.)
4. Koshelev, V.A. “Zhil starik so svoeyu staruhoi” [“An Old Man Lived with His Old Woman”]. *Boldinskiye chteniya 2019* [Boldino Readings 2019]. Nizhniy Novgorod, 2019, pp. 3–13. (In Russ.)
5. Kibalnik, S.A. *Kriptograficheskaya poetika pushkinskoy poemy “Andzhelo”* [The Cryptographic Poetics of Pushkin’s Poem “Angelo”]. *Boldinskiye chteniya 2019* [Boldino Readings 2019]. Nizhniy Novgorod, 2019, pp. 14–23. (In Russ.)
6. Korabliov, A.A. *Kriptografiya “Miortvyh dush”* [The Cryptography of “The Dead Souls”]. *Raduga* [Rainbow]. 2009, No. 8, pp. 103–131; No. 10, pp. 115–140. (In Russ.)
7. Korabliov, A.A. *Kriptografiya “Miortvyh dush”: masonskiy podtext* [The Cryptography of “The Dead Souls”: the Masonry Subtext]. *Litteraria Humanitas XV. N.V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase (studie o živém dědictví)*. Brno, 2010, pp. 139–147. (In Russ.)
8. Vinogradov I.A., Voropayev V.A. “Delo, vziatoye iz dushi” [“The Affaire Taken from the Soul”]. Gogol, N.V. *Miortvyie dushi* [The Dead Souls]. Moscow, Sinergiya Publ., 1995, pp. 23–32. (In Russ.)

- XX vek* [The Non-Calendar 20th Century. Musatov Readings 2009]. Moscow, 2011, pp. 315–327. (*Musatovskiyе cheniya* 2009). (In Russ.)
21. Kibalnik, S.A. “Roman s kluchom” v russkoi proze 1920–1930-h godov [“The Novel with a Key” in Russian Prose of 1920–1930s]. *Vestnik SPbGU. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of the St. Petersburg State University. Series 9: Philology. Asian Studies. Journalism]. 2014, Issue 2, pp. 24–30. (In Russ.)
22. Nazirov, R.G. *Parodii Chekhova i frantsuzskaya literatura* [Chekhov’s Parodies and French Literature]. *Chekhiviana. Chekhov i Frantsiya* [Czechoviana. Chekhov and France]. Moscow, 1992, pp. 52–56. (In Russ.)
23. Kibalnik, S.A. *Roman Gayto Gazdanova “Poliot” kak polemicheskaya interpretatsiya metaromana I.A. Goncharova* [Gayto Gazdanov’s Novel “The Flight” as a Polemic Interpretation of I.A. Goncharov’s Metanovel]. *Izvestia Uralskogo federalnogo un-ta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2013, No. 4 (120), pp. 214–223. (In Russ.)
24. Toporov, V.N. *K issledovaniyu anagrammicheskikh struktur (analizy)* [On the Anagram Structures: Analyses]. *Issledovaniya po strukture teksta* [Research on the Structure of the Text]. Moscow, 1987, pp. 193–238. (In Russ.)
25. Kibalnik, S.A. *Poetika farmakologicheskogo podteksta v proze i dramaturgii Chekhova* [The Poetics of Pharmacological Subtext in Chekhov’s Prose and Drama]. *Chekhov: teksty i konteksty. Naslediye A.P. Chekhova v mirovoi kulture* [Chekhov: Texts and Contexts. A.P. Chekhov’s Legacy in World Culture]. Moscow, 2022, pp. 43–50. (In Russ.)
26. Kibalnik, S.A. *Kriptopoetika romana Vladimira Nabokova “The Real Life of Sebastian Knight”* [Cryptopoetics of Nabokov’s Novel “The Real Life of Sebastian Knight”]. *Emigrantica. Sbornik pamiati O.V. Korosteliyeva* [Emigrantica. Collection of the Memory of O.A. Korostelev]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2022. (In Russ.)
27. Trattner, Irma. Die Farbe in der Mittelalter-Rezeption der Bildenden Kunst und deren Transformationsprozesse. *Die Farben imaginierter Welten. Zur Kulturgeschichte ihrer Codierung in Literatur und Kunst vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Berlin, 2012, S. 323–341. (In Germ.)
28. Knapp-Tepperberg, Eva-Maria. Julien Sorels “Familienroman”: Ein kryptischer Leitmotivkomplex in Stendhals “Le Rouge et le Noir”. *Poetica*. Juli–Oktober 1972, Vol. 5, No. 3–4, S. 64–97. (In Germ.)
29. Harms, Ingeborg. Wortbruch. Niedergeträumt. Kleists Anagramme. *MLN*, 1995, Vol. 110, No. 3, pp. 518–539. (In Germ.)
30. Józsa, György Zoltán. *Roman-panatseya. Asklepiy kak protoobraz doktora Zhivago (K postanovke voprosa)* [Panacea Novel. Asclepius as the Antecedent of Doctor Zhivago (Setting the Question)]. *Kultura i tekst* [Culture and Text]. 2013, No. 2, pp. 7–41. (In Russ.)
31. Józsa, György Zoltán. *K tipu “mifopoetiki” i zhanru romana “Doktor Zhivago”* [Addenda to the “Mythopoetics” and the Genre of the Novel Doctor Zhivago]. *Pasternak: problemy biografii i tvorчества* [Pasternak: Problems of Biography and Creativity]. Smolensk, 2018, pp. 52–54. (In Russ.)
32. Józsa, György Zoltán: *Kriptográfia Paszternak Zsivago doktor c. regényében: Szakralitás és hagiográfia* [Cryptography in Pasternak’s Novel Doctor Zhivago. Sacrality and Hagiography]. *Metszéspontok: Magyar-szláv vallási és kulturális kapcsolatok*. Budapest, 2021, pp. 168–183. (In Hung.)
33. Rehder, Helmut. Ursprünge dichterischer Emblematis in Eichendorffs Prosawerken. *The Journal of English and Germanic Philology*. 1957, Vol. 56, No. 4, pp. 528–541. (In Germ.)
34. Schild, Kurt W. Die “Bedeutung” von Kafkas Literatursprache vom Symbol zum Parabol. *Modern Austrian Literature*. 1978, Vol. 11, No. 3–4, pp. 257–274. (In Germ.)
35. Wohlleben, Doren. *Enigmatik: das Rätsel als hermeneutische Grenzfigur in Mythos, Philosophie und Literatur. Antike – Frühe Neuzeit – Moderne*. Heidelberg, 2014. (In Germ.)
36. Baevskiy, V.S., Koshelev, A.D. *Poetika A. Bloka: anagrammy* [The Poetics of A. Blok: Anagrams]. *Blokovskiy sbornik 3* [Blok’s Collection. Iss. 3]. Tartu, 1979, pp. 50–75. (In Russ.)
37. Ernst, Ulrich. Permutation als Prinzip in der Lyrik. *Poetica*. 1992, Vol. 24, No. 3–4, S. 225–269. (In Germ.)
38. Kraft, Helga W. Goethes Farbenlehre und ‘Das Märchen’: Farbmagic oder -wissenschaft? In: *Die Farben imaginierter Welten*. Berlin, 2012, S. 89–110. (In Germ.)
39. Smirnov, I.P. *Porozhdenie interteksta (Elementy intertekstualnogo analiza s primerami iz tvorчества B.L. Pasternaka)* [Emerging of the Intertext (Elements of the Intertextual Analysis with Examples from the Works of B. Pasternak)]. St. Petersburg, 1995. 189 p. (In Russ.)
40. Voloshin, M. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, 1977. 480 p. (In Russ.)
41. Blok, A.A. *Polnoye sobranie sochinenij i pisem v 20 t.* [Complete Works and Letters in 20 Vols]. Vols. 1–4. Moscow, 1997–1999. (In Russ.)
42. Szilárd, Lena. *Dantov kod russkogo simvolizma* [The Dante Code of Russian Symbolism]. Szilárd, Lena. *Germetizm i germenevtika* [Hermetism and Hermeneutics]. St. Petersburg, 2002, pp. 162–205. (In Russ.)
43. Curtius, Ernst Robert. Dante und das lateinische Mittelalter. *Romanische Forschungen*. 1943, Bd. 57, H. 2–3, S. 153–185. (In Germ.)

44. Ernst, Ulrich. Häresie und kritische Intellektualität in der mittelalterlichen Stadtkultur. Gottfrieds von Straßburg “Tristan” als Antwort auf die Ketzerverfolgung im 13. Jahrhundert. *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. 2008, Bd. 137, H. 4, S. 419–438. (In Germ.)
45. Ivanov, Vyacheslav. *Poet i chern’* [The Poet and the Mob]. *Ivanov, Vyacheslav. Sobranie sochineniy v 4 t.* [Collected Works in 4 Vols.]. Brussels, 1971, Vol. 1, pp. 709–714. (In Russ.)
46. Losev, A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The Symbol Problem and Realistic Art]. Moscow, 1995. 320 p. (In Russ.)
47. Mandelshtam, O.E. *O sobesednike* [On the Conversationalist]. Mandelshtam, O.E. *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 Vols.]. Moscow, 1990, Vol. 2, pp. 145–150. (In Russ.)
48. Blok, A.A. *Dnevnik* [Journal]. Moscow, 1989. 508 p. (In Russ.)
49. Ernst, Ulrich. Polychromie als literarästhetisches Programm. Von der Buntschriftstellerei der Antike zur Farbtektonik des modernen Romans. *Die Farben imaginierter Welten. Zur Kulturgeschichte ihrer Codierung in Literatur und Kunst vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Berlin, 2012, S. 33–64. (In Germ.)
50. Bystrov, V.N. *Ranee tvorchestvo A. Bloka i antichnaya filosofiya* [The Early Work of A. Blok and Ancient Philosophy]. *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy* [Alexander Blok. Research and Materials]. St. Petersburg, 1998, Issue 3, pp. 5–39. (In Russ.)
51. Lurker, Manfred (Hg.). *Wörterbuch der Symbolik*. Stuttgart, 1991. XVI+800 S. (In Germ.)
52. *Andrej Belyj – Aleksandr Blok. Perepiska 1903–1919* [Andrey Bely – Aleksandr Blok. Correspondence 1903–1919]. Moscow, 2001. 606 p. (In Russ.)
53. Steland, Dieter. “J’embrasse mon rival, mais c’est pour l’étouffer”. Ein kryptisches Seneca-Zitat in Racines “Britannicus”. *Zeitschrift für französische Sprache und Literatur*. 2012, Bd. 122, H. 2, S. 158–167. (In Germ.)
54. Grigoryev, A.A. *Izbrannye stikhotvoreniya* [Selected Poems]. Leningrad, 1959. 603 p. (In Russ.)
55. Galanina, Yu.E. *Lyubov’ Dmitrievna Blok. Sudba i stsena* [Lyubov’ Dmitrievna Blok. Destiny and Stage]. Moscow, 2009. 430 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 12 июня 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 21 сентября 2022 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2022 г.

Дата публикации: 31 декабря 2022 г.

Received by Editor on June 12, 2022

Revised on September 21, 2022

Accepted on October 15, 2022

Date of publication: December 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800023674-7

Художественные ресурсы пунктуации в произведениях В. В. Набокова: от языкового к образному знаку

© 2022 г. А. В. Леденёв

Доктор филологических наук,
профессор Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэнь,
КНР, 518172, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган,
Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1,
профессор Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
aledenev@mail.ru

© 2022 г. И. Н. Коржова

Кандидат филологических наук.
докторант Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51,
доцент Московского финансово-промышленного университета,
Россия, 125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80
clean24@yandex.ru

Резюме. В статье исследованы художественные ресурсы знаков препинания в творчестве В.В. Набокова. Известно, что писатель пристально следил за сохранением авторской пунктуации в переводах своих книг и оставил суждения о пунктуации у Флобера как значимой стилистической черте. Многократное обращение писателя к знакам препинания как источнику метафор позволяет говорить о семантизации знаков. Материалом работы стали произведения Набокова, созданные на двух языках и принадлежащие ко всем трем родам литературы. Возможность рассмотрения англоязычных произведений вместе с написанными по-русски обусловлена взаимной интерференцией принципов пунктуации и самим выходом графической системы за пределы сугубо языкового уровня. В статье изучено употребление многоточия, тире, скобок и восклицательного знака как элементов не пунктуационной (опирающейся на синтаксис), а образной системы. Так, устойчиво использование многоточия и реже тире для указания на невербализуемую сущность бытия, изнанку жизни. Скобки связаны со сферой театральности в широком смысле, ими отмечены претензии героев на авторство в собственной жизни. Возможно употребление скобок для разделения нескольких нарративных потоков. Установлены случаи, когда включение метаописания знака не согласуется с пунктуацией, оформляющей эти фрагменты. Такие случаи указывают на ненадежность повествователя. Особое явление составляет иконическое использование знаков препинания, когда их смысловые параметры задаются графическим обликом. Например, многоточие визуально напоминает оставленные следы, а скобки – круг. Тире становится зримым знаком скорости, вектора движения или соединения, внутреннего родства. Рассмотренный материал позволяет видеть в знаках препинания у Набокова единицы, обладающие собственной семантикой, относительно устойчивой на всем протяжении творчества автора. Оговоримся, что эта позиция может быть применена далеко не к каждому использованию знака препинания. Случаи, когда пунктуационные знаки становятся элементами образного, а не только языкового уровня, индивидуализированы и определены широким контекстом произведения.

Ключевые слова: Набоков, поэтика, знаки препинания, пунктуация, метаязыковой уровень, семантизация, иконический знак.

Для цитирования: Леденёв А.В., Коржова И.Н. Художественные ресурсы пунктуации в произведениях В.В. Набокова: от языкового к образному знаку // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 16–25. DOI: 10.31857/S160578800023674-7

Artistic Resources of Punctuation in V. V. Nabokov's Works: from Linguistic to Figurative Sign

© 2022 Alexander V. Ledenev

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of Shenzhen MSU-BIT University,
No. 1, International University Park Road,
Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen,
Guangdong Province, 518172, PRC,
Professor of the Lomonosov Moscow State University,
1 Bld. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
aledenev@mail.ru

© 2022 Inessa N. Korzhova

Cand. Sci. (Philol.),
Doctoral student of the Lomonosov Moscow State University,
1 Bld. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia,
Associate Professor of the Moscow university for industry and finance,
80 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125190, Russia
clean24@yandex.ru

Abstract. The article examines the artistic resources of punctuation marks in V.V. Nabokov's works. It is known that the writer closely monitored the preservation of the author's punctuation in the translations of his books and left judgments about Flaubert's punctuation as a significant stylistic feature. The writer's repeated reference to punctuation marks as a source of metaphors allows us to talk about the semantics of signs. The article focuses on the works of Nabokov, created in two languages and belonging to all three modes of literature. The possibility of considering English-language works together with those written in Russian is due to the mutual interference of the principles of punctuation and the very output of the graphic system beyond the purely linguistic level. The article examines the use of ellipsis, dashes, brackets and exclamation marks as elements of a figurative system rather than punctuation (based on syntax). So, the use of ellipsis and less often dashes is stable to indicate the non-verbalized essence of being, the underside of life. Brackets are associated with the sphere of theatricality in a broad sense, they mark the claims of the characters to authorship in their own lives. It is possible to use brackets to separate several narrative streams. There are cases when the inclusion of the meta description of the sign does not agree with the punctuation that forms these fragments. Such cases indicate the unreliability of the narrator. A special phenomenon is the iconic use of punctuation marks, when their semantic parameters are set by a graphic appearance. For example, the ellipsis visually resembles the traces left, and the brackets are a circle. The dash becomes a visible sign of speed, vector of movement or connection, internal kinship. The considered material allows us to see in Nabokov's punctuation marks units that have their own semantics, relatively stable throughout the author's work. We stipulate that this position cannot be applied to every use of the punctuation mark. The cases when punctuation marks become elements of the figurative, and not only the linguistic level, are individualized and determined by the broad context of the work.

Key words: Nabokov, poetics, punctuation, metalanguage level, semantics, iconic sign.

For citation: Ledenev, A.V., Korzhova, I.N. *Khudozhestvennyie resursy punktuatsii v proizvedeniyakh V.V. Nabokova: ot yazykovogo k obraznomu znaku* [Artistic Resources of Punctuation in V.V. Nabokov's Works: from Linguistic to Figurative Sign]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 6, pp. 16–25. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800023674-7

Виртуозный стилист, В. Набоков не любил устных импровизаций: к нему было бы неприменимо модное ныне слово “спикер” — и на русском, и на английском он был именно “писателем”. Преподавая в Америке, он читал свои тщательно составленные лекции; от интервьюеров требовал перечень вопросов и потом не отходил от заранее продуманных, записанных ответов. Словесный экспромт, как и воссоздание звучащей речи в литературе (за исключением случаев, когда речевой портрет становился важной частью образа персонажа), находились для него за рамками подлинного искусства. Это обусловлено тем, что Набоков сделал предметом анализа или рефлексии в своих произведениях не только изображаемое, но и “изображающее”. Отсюда глобальная тенденция к дополнительной семантизации как собственно языковых единиц, так и способов их визуального предъявления.

Очевидно, что для Набокова приоритетной формой существования художественного слова был письменный текст. С этим связана важнейшая роль визуальных маркеров авторской интенции, прихотливая буквенно-графическая организация текста, воспринять которую можно, только если одновременно иметь перед глазами все полотно текста — как своего рода законченную картину. Ориентация на пространственное, надвременное восприятие объясняет продуманную архитектуру произведений, разделенных на значимое число фрагментов (глав или строф)¹, иконическое использование графики, шрифтов и пунктуации.

Метафорическое осмысление пунктуационной вязи как образа творчества в период эмиграции возникло у М. Цветаевой. В стихотворении “Куст” (1934) к заглавному “герою” обращен вопрос:

Чего не видал (на ветвях
Твоих — хоть бы лист одинаков!)
В моих преткновения пнях,
Сплошных препинания знаках? [1, с. 438]

Поэт реализует внутреннюю форму слова “препинание”, буквально указывающего на спотыкание, преткновение, а ассоциативно — на прерывистую, “рваную” речь. У Набокова, как и у его старшей современницы, знаки препинания

¹ Наиболее явные примеры такой композиции — семантически значимое количество глав книги “Другие берега”, такое же число рассказов сборника “Весна в Фиальте” и англоязычных стихотворений сборника “Poems and Problems” (во всех трех случаях 14). Приверженность писателя к таким построениям, вероятно, указывает на его стремление использовать структурные аллюзии на форму онегинской строфы или сонета.

не только поддерживают синтаксическую структуру фразы и становятся ее интонационной партитурой, но порой наделяются окказиональной смысловой нагрузкой и даже выступают в качестве полноценного образа.

В статье мы сосредоточим внимание на использовании пунктуационных знаков как значимом аспекте набоковской микростилистики. Первым на эту ее грань указал Д. Бартон Джонсон [3]. Понимание Набоковым пунктуации как отражения мировидения уже в начале его творчества (на этапе работы над переводом “Приключений Алисы в Стране Чудес” Л. Кэрролла) раскрыто в работе Л.В. Полубиченко [4]. Функции ненормативной пунктуации у писателя изучались Ю.Г. Безгодько [5], Н.Ф. Щербак [6], С.В. Лавровой [7]. Но лишь И.В. Труфанова [8] рассматривает знаки препинания (тире в “Лолите”) как семантизированную единицу лексического уровня.

Большинство названных работ остается в рамках изучения авторской пунктуации. Под этим явлением вслед за Н.С. Валгиной мы понимаем использование знаков, которые “не связаны жесткими правилами расстановки и всецело зависят от воли пишущего, воплощают индивидуальное ощущение их необходимости. Такие знаки включаются в понятие авторского слога, они приобретают стилистическую значимость” [9, с. 402–403]. Их роль (усиление знаковой позиции, передача мелодики, темпа и ритмики текста [9, с. 403–404]), по существу, расширяет основные функции нормативных знаков препинания.

В настоящей работе пунктуация будет рассмотрена не как отражение грамматического членения предложения, но в роли графического знака-образа. Этот подход позволяет на равных опираться на материал как русскоязычных, так и написанных по-английски произведений Набокова.

Особая роль пунктуации, превосходящая слепое следование нормам письма, осмыслена в романе “Прозрачные вещи”. Об идиостиле вымышленного писателя, Мистера R.², который “писал по-английски лучше, чем говорил”, Набоков сообщает: “Соприкасаясь с бумагой, его язык обретал богатство, стать, зримый напор (an ostensible dash), побуждая кое-кого из <...> критиков облюбованной им страны (in his adopted

² Можно увидеть здесь прием, аналогичный приему Замятина в романе “Мы”. Там поэт фигурирует под присвоенным ему обозначением R-13, что может быть прочитано при зеркальном переворачивании как “Я, Евгений Иванович”. Мистер R. — такой же “зеркальный” намек на авторское “Я”.

country) именовать его великолепным стилистом. <...> Мистер R. <...> был настоящим художником, сражавшимся собственным оружием и на собственной территории за право использовать неправоверную пунктуацию, отвечающую неповторимой манере мышления (for the right to use an unorthodox punctuation corresponding to singular thought)" [10, т. 5, с. 28–29]³. Думается, этот фрагмент можно трактовать как рефлексия Набокова над собственным стилем.

Б. Николсон отмечает, что пунктуация в первых англоязычных произведениях Набокова (особенно в романе "The Real Life of Sebastian Knight") имеет нехарактерные для английского языка черты, так, показательное многократное (более 60 раз) соединение запятой и тире [2, р. 85]. Очевидно, что перед нами случай языковой интерференции: воздействия на англоязычное письмо особенностей русской пунктуации.

Но следует говорить и об обратной тенденции: перенесении основ английской пунктуации (менее формализованной, опирающейся преимущественно на семантику) в русскоязычные тексты. Забота Набокова о сохранении пунктуационного рисунка его произведений становится ясна из письма Веры Набоковой Мерилл Коуди от 9 июля 1966 г. Жалуясь на недобросовестность издателей английского перевода "Приглашения на казнь", допустивших многочисленные опечатки в гранках, она пишет: "чтобы избежать новых опечаток, муж крепя сердце дает согласие на замену тире точками <...> хотя такая замена неудачна ввиду того, что и точки, и тире, и кавычки передают в оригинале тщательно продуманное значение" (цит. по [12, р. 171])⁴.

Комбинацию пунктуационных знаков как *осознанный прием* Набоков находил, например, у любимого им Флобера, роман "Госпожа Бовари" которого он – по аналогии с "Мертвыми душами" – называл "поэмой в прозе, но лучше построенной, с более плотной и тонкой фактурой" [13, с. 231]. «Чтобы сразу окунуться в суть дела, – говорил по этому поводу Набоков, – я прежде всего хочу обратить ваше внимание на то, как Флобер употребляет предлог "и" после точки с запятой. (Точку с запятой в английских переводах иногда заменяют просто запятой, но мы вернем правильный знак на место.) Пара "точка с запятой – и" следует за перечислением

действий, состояний или предметов; точка с запятой создает паузу, а "и" завершает абзац, вводя ударный образ, живописную деталь – описательную, поэтическую, меланхолическую или смешную. Это особенность флюберовского стиля» [13, с. 231–232].

Очевидно, что ресурсы пунктуации для Набокова далеко превосходили задачи синтаксического оформления. Знаки препинания становились источником ярких метафор. Например, в одиннадцатой главе "Speak, Memory" (не включенной в русскоязычный вариант воспоминаний) тире (графически не представленное) становится метафорически-иконическим знаком. Находясь в беседке с цветными стеклами, повествователь замечает, как стихающий ливень оставляет за собой "oblique lines of silent gold breaking into short and long dashes" [11, р. 543] (буквально "наклонные линии безмолвного золота, разбивающиеся на длинные и короткие тире"). Семантическую нагрузку обретают слова "линии" (lines) и "тире" (dashes).

Основой метафоры становится визуальное сходство, усиленное графикой буквы "l", "рассекающей" текст вертикальными полосами – следами сбегающих по стеклу капель. Значимо не только превращение графем в иконические знаки, но и контекст всего эпизода, соединившего образ авторской пунктуации с темой пробуждения для творчества: глава посвящена рождению в сознании героя первого стихотворения.

Остановимся на художественных функциях одного из набоковских пунктуационных фаворитов – многоточия. Это предпочтение ярко реализовано в рассказе "Памяти Л.И. Шигаева", имитирующем жанр некролога: 20 раз на протяжении семи страниц повествователь замолкает, не договорив. Многоточие указывает на возможные лакуны, болезненные обрывы живых воспоминаний о только что умершем человеке (такое использование знака вполне традиционно). Другая функция многоточия – указание на взволнованность повествователя, потерявшего самого близкого для него человека: "Позвольте же мне... Всего несколько отрывочных, сумбурных, в сущности непрощенных..." [14, т. 3, с. 648]. В подобных фрагментах реализована внутренняя форма самого понятия "знак препинания": многоточие становится знаком "запинки", "преткновения" в речи рассказчика.

Приведенный рассказ ценен тем, что авторская пунктуация в первом же абзаце обретает метафорическую комментарий: "Умер Леонид Иванович Шигаев... Общепринятое некрологическое многоточие изображает, должно быть, следы на

³ Русскоязычный текст дан в переводе С. Ильина. Фрагменты англоязычного оригинала цитируются по изданию [11]. Приведенный пример указан Д.Б. Джонсоном [3].

⁴ Указано Д. Бартоном Джонсоном.

цыпочках ушедших слов — наследили на мраморе — благоговейно, гуськом...” [14, т. 3, с. 648]. Тем самым читатель предупрежден — в горько-иронической манере — о возможности “иконического” использования этого знака препинания.

Значимо, что многоточия использованы в рассказе неравномерно и постепенно иссякают к финалу: в первом абзаце экспозиционной части их 6, далее — 4, 3, а то и 2 на страницу. Этот факт компенсируется другим. В рассказе имя и отчество Шигаева раскрыты лишь в первом предложении, а далее усекаются до инициалов “Л.И.”. Впервые сокращенный вариант появляется в середине рассказа и повторяется еще 6 раз: “трёхточечный” образ обильных в начале рассказа многоточий постепенно оттесняется “двухточечными” вкраплениями. Это и две точки сокращений, и “нормальные” двоеточия (около двадцати употреблений). Финальная точка рассказа — завершение этой графической редукции.

Печальная тема “прощания” оркестрована в рассказе динамикой пунктуационных знаков, приобретающих не только формальное значение. Рассказ заканчивается описанием последнего свидания с Леонидом Ивановичем — на берлинском вокзале его провожали на поезд до Праги: “Думал ли я, что вижу его в последний раз? Конечно, думал. Именно так я думал: вот вижу тебя в последний раз, ибо я думаю так всегда и обо всем, обо всех. Моя жизнь — сплошное прощание с предметами и людьми, часто не обращающими никакого внимания на мой *горький, безумный, мгновенный* привет” [14, т. 3, с. 655]. Здесь многоточия нет, но есть его “ритмический” заместитель — триада определений, окончательно проясняющая смысловую нагрузку этого знака препинания.

М. Эпштейн, пытаясь вывести ключевое значение многоточия и даже отдать побочные функции вымышленному “многоточью”, указывает: “Многоточие означает некую недоговоренность, невыразимый смысл позади слов” [15]. У Набокова эта функция уточняется и одновременно визуализируется: многоточие у него — место для так и не сказанных слов прощания, расставания, ухода. В более очевидной форме подобная иконическая функция многоточия проявлена в стихотворении “Поэты” (1939), предпоследняя строфа которого звучит так:

Сейчас переходим с порога мирского
В ту область... как хочешь ее назови:
Пустыня ли, смерть, отрешенье от слова,
Иль, может быть, проще: молчанье любви. [16, с. 207]

Значимо, что и в стихотворении повторена отмеченная цепочка “многоточие — двоеточие (2 раза) — точка”. Иконически воссоздано “иссякание” реальности, затухание, обездвиженность и безгласность на пороге миров.

Другой знак препинания, нуждающийся во внимании исследователей набоковских текстов, — тире. Вернемся к образу Мистера Р. в “Прозрачных вещах”: его стиль наделяется атрибутом показного, т.е. рельефно отмеченного, зримого порыва (an ostensible dash). Но одно из значений слова “dash” — “тире”. В самом общем, казалось бы, описании стилистической манеры своего героя Набоков прячет указание на конкретику — особенно любимый героем знак препинания.

Уже в ранней поэзии Набокова можно обнаружить примеры, когда тире используется как “графическая поддержка” изображению быстрого движения, порыва. Таково стихотворение “Экспресс” из сборника “Гроздь”. О поезде здесь говорится так:

Весь — порыв
сосредоточенный, весь — напряженье
блаженное, весь — жадность, весь — движенье, —
дрожит живой, огромный паровоз,
и жарко пар в железных жилах бьется... [16, с. 84]

Выразительность описания набирающего движение поезда достигается одновременным использованием стиховых переносов, отчетливых аллитераций и — в немалой степени — графикой пунктуационного знака, сообщающего описываемому движению все новые и новые импульсы. Кстати, момент замедления, тишины, опустившейся на вокзал после ухода поезда, отмечен использованием многоточия: “...потянулись / в зияющий колодез темноты / вагоны удлинённые... И вскоре / забыл вокзал их звон и волшебство, / и стало вновь под водами его / торжественно и пусто, как в соборе” [16, с. 84].

В поэзии Набокова тире обретает функцию указующего маркера, как, например, в навеянном смертью отца стихотворении “Молчи, не вспенивай души...” (22 августа 1922 г.):

Молчи, не вспенивай души,
не расточай своей печали, —
чтоб слезы душу расцветали
в ненарушаемой тиши.

Слезу — бесценный самоцвет, —
таи в сокровищнице черной...
В порыве скорби непокорной
ты погасил бы тайный свет.

Блаженно бережно таи
дар лучезарный, дар страданья, —
живую радугу, рыданья
неизречимые свои... [16, с. 76]

Тире последовательно используется в каждой строфе в сильной позиции: им завершается строка. Чередование тире и многоточий поддерживает идею о вербальной невыразимости подлинного чувства, о неизбежных зияниях и лакунах поэтического высказывания. Автор подходит к осмыслению сферы бессмертия, но останавливается перед тем, что непостижимо для земных чувств и потому невыразимо. Тире-умолчание остается мостиком, по которому не дано пройти человеку, апофатическим знаком, указующим на неизреченность главного.

В стихотворной драме “Скитальцы”, насыщенной по-шекспировски неожиданными метафорами, тире — знак необыкновенно востребованный (здесь, между подлежащим и сказуемым, его употребление строго закреплено: “Вы — князь лесной, чей герб — / кистень, а эпитафия — веревка!” [17, с. 63]). Но в одной из фраз, идеально симметричной графически, за обилием соответствий открывается дерзкая диалектическая задача примирения “да” и “нет”, выстраивания цепочки переходов между ними.

Ты жалок мне... Да, видно, я — звонарь
в стране, где храмов нет... [17, с. 68]

Такими “да” и “нет” миру становятся два брата, разбойник и праведник. Финал венчает метафора, дающая в буквальном смысле визуальный ключ к пьесе. Сильвия, мечтающая спасти озлобленного разбойника Роберта и действительно смиряющая его гнев, бредит:

Тяжелый ключ с гвоздя сейчас сниму...
Ах, не стучись так трепетно! Открою,
открою, мой любимый... Ключ
держу в руке... Нет! Поздно! Превратился
он в лилию... Ты — здесь, ты возвратился?
Ах, не стучись! Ведь только лунный луч
в руке держу, и эту дверь нет мочи
им отпереть... [17, с. 73]

Ключ превращается в луч — тонкую ненадежную линию, соединяющую явления существования. Но графически тире уступает место многоточию — безмолвному указанию на незримую для героев изнанку жизни.

Тире и многоточия вообще часто становятся способом апофатического обозначения потусторонности. Неназванная, она становится предметом диалога в ранней стихотворной драме “Смерть”. Причем расстановка многоточий передает как коммуникативные удачи в полных умолчаний метафизических разговорах, так и утрату понимания. Происходит молчаливый подхват,

когда реплика одного героя заканчивается многоточием, а ответная фраза с него начинается:

Э д м о н д
Я начинаю понимать... Постой же,
постой, я сам...

Г о н в и л
...Жизнь — это всадник. Мчится.
Привык он к быстроте свистящей. [17, с. 86–87]

Но позже Гонвил, сам внушивший другу мысль, что тот находится за гранью смерти, хочет закончить эксперимент.

Э д м о н д
Все отошло. Не выдержал я жизни,
и вот теперь...

Г о н в и л
Довольно!

Э д м о н д
... я за гранью
теперь, — и все, что вижу...

Г о н в и л
Я сказал:
довольно! [17, с. 93]

Метафизический пинг-понг заканчивается, Гонвил не хочет отбивать реплики Эдмонда: начальное многоточие в его ответах отсутствует.

Скобочные конструкции также весьма востребованное средство в художественном арсенале Набокова. Наиболее частотная функция знака — показ той сложной иерархии образов реальности, “бесконечной последовательности ступеней, уровней восприятия, двойных доньшек”, о которых неоднократно говорил писатель. Другая роль знака — разделение точек зрения повествователя и героя.

Скобки играют роль своеобразных ремарок, в них помещается рельефное воплощение второй реальности. В раннем, 1920 года, стихотворении из книги “Горный путь” это созданное творческим тандемом памяти и воображения пространство:

Людам ты скажешь: настало.
Завтра я в путь соберусь.
(Голуби. Двор постоялый.
Ржавая вывеска: Русь).

Скажешь ты Богу: я дома.
(Кладбище. Мост. Поворот).
Будет старик незнакомый
Вместо дубка у ворот. [16, с. 176]

В романах Набокова скобки становятся маркером “сделанности текста”. Показательна фраза из “Лолиты”: “обстоятельства и причина смерти моей весьма фотогеничной матери были довольно

оригинальные (пикник, молния); мне же было тогда всего три года...” [10, т. 2, с. 18]. Здесь скобки включают в себя картину гибели, будто заснятую при фотовспышке, и в то же время комически снижают пафос, придавая изображаемому факту свойство тривиального происшествия.

Встречаются в романах писателя и случаи метафорического использования *образа* скобок, как, например, в той же “Лолите”: “...я смеялся собственным шуткам, и трепетал, и таил трепет, и раза два ощутил беглыми губами тепло ее близких кудрей, тыкаясь к ней со смешным апарте в быстрых скобках...”. В сочетании с французским по происхождению театральным термином (*en aparte*) образ “быстрых скобок” передает здесь самооценку рассказчика (Гумберта Гумберта), уподобляющего себя лицедею.

Другой неудачливый режиссер собственной судьбы, Герман в “Отчаянии”, не метафорически, а буквально корректирует и прерывает себя то ли *aparte*, то ли ремарками. Эти набегающие побочные мысли он стремится оградить скобками: “в неприязни к нему есть нечто детское и предвзятое, вроде ужимки, к которой прибегает моя жена, напрягает ноздри и поднимает бровь (то есть дает детский и предвзятый образ роковой женщины) всякий раз, как смотрится — даже мельком — в зеркало” [14, т. 3, с. 408], “А в крайнем случае (чего я, действительно, боюсь?) отразился бы в нем незнакомый бородач” [14, т. 3, с. 409]. Поразительно, что эта раздвоенность, вторжения Германа-режиссера в конечном счете надоедают ему самому, и он с раздражением восклицает: “Трудно говорить, если меня все время перебивают” [14, т. 3, с. 409].

В русскоязычной прозе 1930-х годов образный, в том числе и иконический, потенциал скобок задействован Набоковым наиболее активно. В малых жанрах их выразительный ресурс оказывается особенно ощутимым, поскольку в небольшом объеме рассказа их смысловая насыщенность возрастает. Плотность скобочных выделений наиболее высока в рассказе “Круг”: на десяти страницах знак появляется 18 раз. Эта тенденция коррелирует с металитературной проблематикой рассказа, центром которого становится сам акт наррации.

В рассказе скобками выделены вставные конструкции, принадлежащие второму нарративному потоку — эмоциональным реакциям героя, относящимся к современности, — сегодняшние наблюдения набегают на основное повествование, построенное на воспоминаниях героя. Главное содержание “скобочных” вставок — это

вербализация чувств героя, потрясенного встречей с прежней возлюбленной, с которой он расстался 20 лет назад.

Однако обилие скобок не только разделяет два нарративных и временных плана (прошлое и настоящее): эту функцию могут брать на себя запятые и тире. В “Круге” скобки, действительно, регулярно перемежаются тире — чередование двух способов оформления создает графический ритм, обеспечивает эффект постоянных остановок, “встряхивания” и возобновления мнемонического потока. Но более значимо, что Набокова в данном рассказе привлекает иконический потенциал скобок, визуализация лейтмотива круга. Поэтому порой скобки выделяют лишь одно слово — мелкий дополнительный штрих, “поправочную” деталь: предметная семантика попадающих в полукружья скобок слов менее значима, чем сама графика мерцающего сквозь печатный текст образа. Это особенно заметно, когда в качестве дополнительного иконического ресурса — наряду со скобками — привлекается графика буквы “О”: “Он жил у тетки (портнихи) на Охте...” [14, т. 3, с. 641]; “...Иннокентий охотно верил рассказам (идиотическим) о его дорожных наложницах...” [14, т. 3, с. 640].

В этом отношении сближающиеся друг с другом скобки попадают в общий поток напоминающих о круге образов: это и золотая монета, влипающая ребром в глину; и круглая жестянка из-под монпансье; и “круглый, беззубый рот” только что пойманного в реке пескаря; и расходящийся по воде “взаимно пересекающимися кругами” дождь; и прелестный овал женского лица на фотографии; и “кольца липовой тени”; и медленное вращение падающего на скатерть “липового летунка”; и “огромная” луна в кульминационной сцене ночного свидания.

Основная функция обильного обращения к скобочным конструкциям — стремление визуализировать состояние лирической взволнованности персонажа, у которого “голова идет кругом”, а также добиться наглядности в демонстрации работы памяти: каждое “скобочное” вкрапление можно уподобить пульсирующей точке, испускающей импульсы в пространстве памяти. Временная ось в рассказе Набокова сворачивается: линия жизненного сюжета преобразуется в неподвластный времени “круг памяти”; а потому “во-вторых” в набоковском “Круге” не следует за “во-первых”, а предшествует ему.

Значимы случаи, когда смысловой пласт (связанный с метафоризацией знака препинания) диссонирует с реальным пунктуационным

оформлением фрагмента. Эти рассогласования – авторское указание на ненадежность повествователя. Примером служит фраза Германа: “(Стоит ли раскрывать скобки? Мы говорили о пустяках <...>)” [14, т. 3, с. 419]. Перед нами своего рода “парадокс лжеца”: если воспринять фразу как самодескриптивную, мы оказываемся перед логическим противоречием.

Герой “Соглядатая” Смуров – более сложный тип ненадежного повествователя, и его слепота к указаниям жизни представлена тоньше: “А Ваня... Да, теперь все было кончено, она не могла не увлечься Смуровым, – и как прелестно ее ресницы расставляли пунктуацию в его речах, какое было трепетное многоточие, когда Смуров остановился, как она покосилась на сестру, – влажный блеск в сторону, – чтобы, вероятно, убедиться, что та не заметила ее возбуждения” [14, т. 3, с. 67]. В буквальном смысле фразу нельзя назвать самореференциальной, ведь Смуров говорит о жизни, а не о тексте. Многоточие (мимическое и графическое) – желание героя, экстраполяция его чувств, но на самом деле Ваня движением глаз прочерчивает тире (что адекватно отражено и в графике). Чуть приметное несоответствие увеличивает зазор между объективным и субъективным планами, которые окончательно расходятся в финале.

Окказиональная семантизация в произведениях Набокова порой распространяется и на восклицательный знак. В романе “Защита Лужина” герой, осваивающий печатную машинку, обнаруживает невольное пристрастие к этому знаку (“!”): “Почему-то – с первого же дня – пристал восклицательный знак, – выскакивал в самых неожиданных местах” [14, т. 2, с. 421]. Важно, что восклицательный знак расположен на верху клавиатуры слева, что при географической проекции указывает на “северо-запад”. На карте России здесь располагается Петербург, где герой провел детство и куда его возвращает повторение узора судьбы. Хотя Лужин после женитьбы забывает о своем шахматном прошлом, сама судьба слово не дает ему выпасть из игры: дело в том, что именно этим знаком в шахматной нотации обозначается сильный, т.е. выигрывающий ход!

Пример метафоризации этого знака находим в “Аде” (здесь в иконической функции, но с подтекстовым значением сильнейшей эмоции). Ада забирается на дерево, Ван следует за ней; девочка едва не срывается, почти падая ему в объятия: “and the next moment, as they regained a semblance of balance, his expressionless face and cropped head were between her legs and a fruit fell with a

thud – the dropped dot of an inverted exclamation point” [11, с. 77]⁵.

Передавая потрясение и изумление, знак “!” обозначает здесь конец эры невинности Вана и Ады, одновременно становясь графическим отражением изображенной сцены. Ствол дерева уподоблен перевернутой вертикальной линии восклицания, а точка передает упавший плод (разумеется, попутно возникают ассоциации с запретным плодом и с библейской историей утраты невинности Адамом и Евой).

Очевидно, что в творчестве Набокова знаки препинания в отдельных случаях могут быть рассмотрены как элементы образной системы. Их функции условно можно разделить на две группы. Знак способен стать иконическим образом, зримо рисуя вертикальную устремленность, нити связей, расходящиеся круги, стирающиеся следы ушедших слов и т.д. Значение таких образов обусловлено визуальным обликом знака. Но подстегивание ассоциаций происходит благодаря контексту, и их направление каждый раз уникально.

Вторая функция, семантизация знаков, реализуется с большей регулярностью. Установлению инвариантных, единых для всей нации смысловых обертонов знаков препинания посвящены работы М. Эпштейна [18] и С.В. Друговой-Должанской [19]. Но у Набокова эта семантическая окраска определеннее: очевидна связь многоточия с темой потусторонности, а скобок с мотивом театральности. Наиболее образно емкими являются фрагменты с метаописанием поставленного тут же знака. Однако речь не может идти о мысленном создании какого-либо особого набоковского “алфавита” или таблицы соответствий. Понимание художественного произведения как автономного целого, замкнутого в себе мира, в котором все до единого элементы не случайны, но мотивированы замыслом творца, – такое понимание было унаследовано Набоковым, вероятно, от Андрея Белого, который писал в книге “Символизм”, что “каждое слово поэта, каждый знак препинания не рождается случайно, а медленно кристаллизуется в сложном, как мир, целом” [20, с. 241]⁶. И роль образа может

⁵ В русском переводе С. Ильина: “...Едва они восстановили подобие равновесия, его лишенное выражения лицо и стриженная голова очутились промеж ее ног, и упало, глухо стукнув, последнее яблоко – точкой, сорвавшейся с перевернутого восклицательного знака”.

⁶ Как известно, эта книга, на которую внимание Набокова обратил М. Волошин, была внимательнейшим образом изучена им в период его пребывания в Крыму в 1918–1919 гг.

быть проявлена окончательно только внутри этого каждый раз неповторимого целого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цветаева М.И. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1990. 822 с. (Б-ка поэта, большая серия. Изд. 3-е).
2. Nicholson B. The History of Punctuation // Nicholson B. The Size of Thoughts: Essays and other Lumber. New York: Vintage, 1997. P. 70–88.
3. Johnson B.D. Nabokov's Typographic Poetics: Transparent Things // URL: <http://www.thenabokovian.org/node/21217>
4. Полубиченко Л.В. О знаках препинания в художественном переводе // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2016. № 3. С. 75–85.
5. Безгодко Ю.О. Пунктуация как средство трансляции культуры в автопереводе (на материале произведения В.В. Набокова “Лолита”) // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы. Вып. 18. М.: РУДН, 2018. С. 36–45.
6. Щербак Н.Ф. Символический язык Владимира Набокова как конститuent разнородных пространственно-временных субсистем // Англистика XXI века. СПб.: Университетские Образовательные Округа, 2019. С. 111–114.
7. Лаврова С.В., Щербак Н.Ф. Выразимые и невыразимые элементы музыкального и литературного языков: роман “Ада” Владимира Набокова и новая музыка // Вестник СПбГУ. Сер. Искусствоведение. 2015. № 2. С. 19–33.
8. Труфанова И.В. Об одном факте авторской пунктуации в романе В.В. Набокова “Лолита” // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2011. № 2. С. 121–125.
9. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис. М.: Высшая школа, 2003. 416 с.
10. Набоков В.В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2004.
11. Nabokov V. Novels 1969–1974. New York: Library of America, 1996. 872 p.
12. Boyd B. “Welcome to the Block”: Priglasenie na kazn' / Invitation to a Beheading. A Documentary Record // Nabokov's Invitation to a Beheading: A Critical Companion. Evanston: Northwestern University Press, 1997. P. 140–179.
13. Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая газета, 1998. 512 с.
14. Набоков В.В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2004.
15. Эпштейн М.Н. Знак препинания „,“, – многопятие // Эпштейн М.М. Сетевой проект “Дар слова”. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar161.html>
16. Набоков В.В. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002. 655 с.
17. Набоков В.В. Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме. СПб.: Азбука-классика, 2008. 640 с.
18. Эпштейн М. Дух буквы // Эпштейн М. Все эссе: В 2 т. Т. 2. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 263–269.
19. Друговейко-Должанская С.В. ...И точка! (О семантизации знаков препинания в художественных текстах и фразеологии) // #Тотсборник: сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта. Вып. 1. Новосибирск, 2017. С. 100–112.
20. Белый А. Символизм. М.: Мусaget, 1910. 633 с.

REFERENCES

1. Tsvetaeva, M.I. *Stikhotvoreniya i poemu* [Poetry and Poems]. Leningrad, 1990. 822 p. (In Russ.)
2. Nicholson, B. *The History of Punctuation*. In: *Nicholson, B. The Size of Thoughts*. New York, 1997, pp. 70–88.
3. Johnson, B.D. *Nabokov's Typographic Poetics: Transparent Things*. URL: <http://www.thenabokovian.org/node/21217>
4. Polubichenko, L.V. *O znakah prepinariya v hudozhestvennom perevode* [Concerning Punctuation Marks in Translation]. *Uchenye zapiski Nacional'nogo obshchestva prikladnoj lingvistiki* [Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics]. 2016, No. 3, pp. 75–85. (In Russ.)
5. Bezgodko, Yu.O. *Punktuaciya kak sredstvo translyacii kul'tury v avtoperevode (na materiale proizvedeniya V.V. Nabokova "Lolita")* [Punctuation in Auto-Translation in V. Nabokov's Novel “Lolita”: Cultural Aspect]. *Professionalno orientirovannyj perevod: realnost' i perspektivy* [Professionally Oriented Translation: Reality and Prospects]. Moscow, 2018, Issue 18, pp. 36–45. (In Russ.)
6. Scherbak, N.F. *Simvolicheskiy yazyk Vladimira Nabokova kak konstituent raznorodnyh prostranstvenno-vremennyh subsistem* [Vladimir Nabokov's Symbolic Language as a Constituent of Heterogeneous Space-Time Subsystems]. *Anglistika XXI veka* [Anglistics of the 21st century]. St. Petersburg, 2019, pp. 111–114. (In Russ.)
7. Lavrova, S.V., Scherbak N.F. *Vyrazimye i nevyrazimye elementy muzykal'nogo i literaturnogo yazykov: roman "Ada" Vladimira Nabokova i novaya muzyka* [Expressible and Inexpressible Elements of the 20th Century Narrative and Musical Anti-Narrative Practices:

- Musical and Literary Languages: the Novel "Ada" by Vladimir Nabokov and New Music]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Saint Petersburg State University. The Art Criticism Series]. 2015, No. 2, pp. 19–33. (In Russ.)
8. Trufanova, I.V. *Ob odnom fakte avtorskoj punktuacii v romane V.V. Nabokova "Lolita"* [About One Fact of an Author's Punctuation in V.V. Nabokov's Novel "Lolita"]. *Uchenye zapiski Zabajkalskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo* [Scientific Notes of the N.G. Chernyshevsky Trans-Baikal State Humanitarian Pedagogical University]. 2011, No. 2, pp. 121–125. (In Russ.)
 9. Valgina, N.S. *Sovremennij russkij yazyk: Sintaksis* [Modern Russian Language: Syntax]. Moscow, 2003. 416 p.
 10. Nabokov, V.V. *Sobranie sochinenij amerikanskogo perioda v 5 t.* [Collected Works of the American Period in 5 Vols.]. St. Petersburg, 2004. (In Russ.)
 11. Nabokov, V. *Novels 1969–1974*. New York, 1996. 872 p.
 12. Boyd, B. "Welcome to the Block": Priglasenie na kazn' / Invitation to a Beheading. A Documentary Record. *Nabokov's Invitation to a Beheading: A Critical Companion*. Evanston, 1997, pp. 140–179.
 13. Nabokov, V.V. *Lekcii po zarubezhnoj literature* [Lectures on Foreign Literature]. Moscow, 1998. 512 p. (In Russ.)
 14. Nabokov, V.V. *Sobranie sochinenij russkogo perioda v 5 t.* [Collected Works of the Russian Period in 5 Vols.]. St. Petersburg, 2004. (In Russ.)
 15. Epshtein, M.N. *Znak prepinaniya,, – mnogopyatie* [Mnogopyatiye. Punctuation Mark]. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar161.html>
 16. Nabokov, V.V. *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg, 2002. 655 p. (In Russ.)
 17. Nabokov, V.V. *Tragediya gospodina Morna. Pjesy. Lekcii o drame* [The Tragedy of Mr. Morne. Plays. Lectures on Drama]. St. Petersburg, 2008. 640 p. (In Russ.)
 18. Epshtein, M. *Duh bukvy* [The Spirit of the Letter]. Epshtein, M. *Vse esse v 2 t.* [All Essays in 2 Vols.]. Ekaterinburg, 2005, Vol. 2, pp. 263–269. (In Russ.)
 19. Drugovejko-Dolzanskaya, S.V. *...I tochka! (O semantizacii znakov prepinaniya v hudozhestvennyh tekstah i frazeologii)* [...Full stop! (On the Semantization of Punctuation Marks in Literary Texts and Phraseology)]. #Totsbornik: sbornik nauchnyh trudov po materialam Totalnogo diktanta [#Tot-Collection: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the Total Dictation]. Novosibirsk, 2017, Issue 1, pp. 100–112. (In Russ.)
 20. Bely, A. *Simvolizm* [Symbolism]. Moscow, 1910. 633 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 29 июля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 5 сентября 2022 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2022 г.

Дата публикации: 31 декабря 2022 г.

Received by Editor on July 29, 2022

Revised on September 5, 2022

Accepted on October 15, 2022

Date of publication: December 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800023675-8

М. А. Шолохов в англоязычной кросс-культурной коммуникации: к истории перевода романа “Тихий Дон” на английский язык

© 2022 г. Д. С. Московская

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8089-9604>
d.moskovskaya@bk.ru

Резюме. Статья посвящена истории перевода на английский язык романа “Тихий Дон”, осуществленного Гарри Стивенсом в издательстве “Патнэм”. Переводчик “Тихого Дона” принадлежал к квакерам, оказывал гуманитарную помощь в охваченном голодом Поволжье и любил Россию, что объясняет страсть, с которой он взялся за работу над переводом. Перевод пользовался огромным успехом в Великобритании и США, однако содержал существенные отличия от оригинала. Ответ переводчика на упреки советских критиков свидетельствует о том, что в момент перевода “Тихого Дона” местные культурные конвенции были нарушены: издатель учитывал “сигналы” потребителя, чтобы разместить новую для английского читателя книгу в нужной рыночной нише. Сокращения и ломка структуры романа затрагивают пространственно-временные “слои” романа. “Транспортировке” легче всего подчиняется “история” — сюжет и жанр более всего обеспечивают взаимопонимание. Упрощение языка и сокращения, допущенные Стивенсом, коснулись словесной репрезентации сюжета: переводчик, которого трудно заподозрить в желании навредить шолоховскому тексту, боролся за “всемирность” романа. Гарри Стивенс, очевидно, понимал “периферийность” для западного читателя многих предметов и сюжетных ответвлений “Тихого Дона”. И, как известно из статистики продаж, борьбу, которую он вел за читательское признание русского автора, он выиграл.

Благодарность. статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 20-012-00539 А “Нобелевские лауреаты Б.Л. Пастернак (1958) и М.А. Шолохов (1965) в европейской кросс-культурной коммуникации. Новые материалы к истории русской литературы 1930–1960-х гг.”.

Ключевые слова: Шолохов, перевод, кросс-культурная коммуникация, культурная гегемония, культурный трансфер, канон большой длительности, всемирная литература.

Для цитирования: *Московская Д.С.* М.А. Шолохов в англоязычной кросс-культурной коммуникации: к истории перевода романа “Тихий Дон” на английский язык // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 26–33. DOI: 10.31857/S160578800023675-8

M. A. Sholokhov in English-Language Cross-Cultural Communication: on the History of Translation of the Novel “The Quiet Don”

© 2022 Daria S. Moskovskaya

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature

of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8089-9604>
d.moskovskaya@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the history of the English translation of the novel “The Quiet Don”, carried out by Harry Stevens. The translator belonged to the Quakers, provided humanitarian aid in the famine-stricken Volga region, and loved Russia, due to this love he took up the work on translation so passionately. The translation contained significant differences from the original: the publisher tried to place a new for the English reader book in the right market niche. The contractions and breaking of the novel’s structure affected the spatio-temporal “layers” of the novel. “Transportation” is most easily subordinated to “history” – the plot and genre provide mutual understanding most of all. The simplification of the language made by Stevens affected the verbal representation of the plot: the translator, who is difficult to suspect of wanting to harm the Sholokhov text, fought for the “universality” of the novel. Harry Stevens obviously understood the “periphery” of many subjects and plot branches of the “Quiet Don” for the Western reader. And, as is known from the sales statistics, he won the struggle and earned the reader’s recognition for the Russian author.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project 20-012-00539 A “Nobel laureates B.L. Pasternak (1958) and M.A. Sholokhov (1965) in European cross-cultural communication. New materials for the History of Russian Literature of the 1930s–1960s”.

Key words: Sholokhov, translation, cross-cultural communication, cultural hegemony, cultural transfer, canon of long duration, world literature.

For citation: Moskovskaya, D.S. *M.A. Sholokhov v angloyazychnoj kross-kulturnoj kommunikacii: k istorii perevoda romana “Tihij Don” na anglijskij jazyk* [M.A. Sholokhov in English-Language Cross-Cultural Communication: on the History of Translation of the Novel “The Quiet Don”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 6, pp. 26–33. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800023675-8

Наиболее известный в англоязычном мире перевод “Тихого Дона” был осуществлен Генри (Гарри) Чарльзом Стивенсом (псевд. Стефан Гарри) в издательстве “Патнэм”¹. Роман сразу приобрел большую популярность: в 1934 г. он был выпущен десятью изданиями с беспрецедентным общим тиражом в 98150 экземпляров. Вскоре членом компрагии США сербом Метом Блаичем были обнаружены неточность и неполнота перевода “Тихого Дона”, осуществленного по заказу “Патнэма”. Сообщение о “негласной расправе” над текстом (так К.И. Прийма определил несогласованные с Шолоховым исправления в переводном издании) было напечатано в мае 1935 г. в газете клуба иностранных рабочих завода Россельмаш “Коминтерновец”: «Из романа вычеркнуты десятки глав, в том числе страницы, связанные с именем Ленина, эпизоды, разоблачающие немецких, английских, французских интервентов на Дону, изъяты многие исторические документы и почти все казачьи песни. В таком виде “Тихий Дон” пришелся бы по душе самому Муссолини, который еще в 1930 г. в Риме

запретил издание романа о красной буре» и проч. [1, с. 197].

Произведенная по заказу К.И. Приймы в начале 1960-х годов сверка перевода Стивенса, выполненного в 1934 г. (он был и остался единственным как в Великобритании, так и США общеизвестным переводом романа), с русским оригиналом (1928–1929 гг.) и с текстом из собрания сочинений писателя (М.: ГИХЛ, 1956–1957) показала, что переводчиком была произведена ломка структуры романа: в английской версии вместо 8 частей представлено 11, которым Стивенс присвоил не согласованные с Шолоховым названия.

На запрос К.И. Приймы от 4 февраля 1966 г. о качестве перевода с перечислением расхождений [1, с. 201–206], посланный им в издательство “Патнэм”, 13 марта 1966 г. Стивенс представил краткий ответ, оригинал которого хранится в Ростовском краеведческом музее. Письмо открывает краткая автобиография². Представленные в ней сведения остаются сегодня единственным доступным источником подробностей жизни Гарри Стивенса. Из нее следует, что переводчик

¹ Издательство “Патнэм” (“Putnam”) существует с 1838 г.

² Ростовский областной музей краеведения (Фонд К.И. Приймы). ОФ 2890–1242.

“Тихого Дона” принадлежал к квакерам и был последовательным в своих христианских убеждениях, т.к. в годы Первой мировой войны предпочел арест и тюрьму службе в армии, от которой отказался “по соображениям совести”. Являясь членом “Общества Друзей” (самоназвание английских протестантов-квакеров), оказывавшего гуманитарную помощь в районах бедствий по всему миру, он после окончания Мировой войны трудился в Польше. Затем оказался в России. Известно, что в 1920-е годы, когда такие крупные благотворительные организации, как Американская Администрация Помощи и Комитет Нансена, уже прекратили свою работу в Советской России, деятельность “Общества Друзей” продолжилась в охваченном голодом Поволжье. Именно в Бузулуке Самарской губернии, где, как следует из автобиографии Стивенса, он трудился, находилась штаб-квартира “Общества Друзей”, занимавшегося в Самарской губернии благотворительной деятельностью: квакеры покупали в Польше трактора фирмы “Форд” и сами проводили вспашку земли, непосредственно прилегающей к открытым ими на свои средства детским домам и больницам. В 1924 г. Стивенс перебрался в московский офис “Друзей”. Это совпало с сокращением с 1925 по 1927 г. квакерских проектов в СССР, вызванным резким уменьшением финансирования [2]. Общее благорасположение советской власти к “Обществу Друзей” способствовало тому, что Стивенс продолжил свою работу в СССР уже во Всесоюзном обществе культурных связей с зарубежьем (ВОКС), созданном советским правительством в 1925 г. с целью поддержки общения представителей творческой интеллигенции, педагогов и спортсменов с зарубежными странами. Безусловно, не только любовь к русской степи, на которую ссылается Стивенс, поясняя свое соответствие трудной задаче переводчика “Тихого Дона”, но глубокое и сочувственное знание России, ее истории и ее бед, а также опирающееся на общие духовные ценности сострадание к “казацкому народу” объясняют ту страсть, с которой Стивенс взялся на предложенную ему “Патнэмом” работу.

Авторизованную машинопись с ответом Стивенса, хранящуюся в Ростовском краеведческом музее³, дополняет там же находящаяся более ранняя и никогда не публиковавшаяся ни на русском, ни на английском языках пространная статья Стивенса, приуроченная к присуждению

Шолохову в 1965 г. Нобелевской премии⁴. Эта статья позволяет лучше понять переводчика и издателей англоязычной версии “Тихого Дона”, чьи стратегии определялись парадигмой культурных ценностей западного мира. Приводим ее с небольшими сокращениями.

Перевод “Тихого Дона”, который вышел на русском языке в двух томах и было неясно, сколько всего еще выйдет, ставил перед переводчиком две или три особые проблемы. Также и перед издателем возникала проблема, одна, но очень большая. Два тома, вышедшие в России, содержали от 350 тыс. до 400 тыс. слов: это намного больше того, чем то, на что готов был пойти любой британский издатель. Сначала хотели издать только первый том, но так как эта часть заканчивалась только началом революции, причем повествование обрывалось на полуслове, Хантингтон отказался от этого, и было решено, что два тома выйдут как один. Мне, как переводчику, нужно было найти какое-то место в романе, которое можно было бы сделать его если не настоящим, то хотя бы псевдоконцом. Это, в свою очередь, означало, что оба тома необходимо будет сократить, потому что бюджет “Патнэма” мог осилить не больше, чем 150–200 тыс. слов. Задача сократить роман была полностью возложена на мое усмотрение. Прочитав два тома, я решил, что при сокращении романа первостепенным является сохранение целостности повествования; было ясно, что последнее зависело от последовательности изложения судеб главных героев – Григория Мелехова и его семьи, и Аксиньи Астаховой, в частности. А описание событий мирной жизни, войны и революции следовало сконцентрировать вокруг этих героев, а не наоборот. Следуя такому плану, можно сократить целые разделы и даже целые главы, не нанося ущерба основной линии повествования, и только таким образом можно было сократить книгу согласно требованиям издателя. И если повествовательное единство романа была основным требованием, то легче всего было бы сократить исторические события, прокламации, военные приказы, газетные сообщения. Сокращению могли бы подлежать и эпизоды, связанные со второстепенными героями. Сокращение целых разделов книги означало, что многие интересные сами по себе события пришлось бы безжалостно уничтожить. В большинстве случаев я делал это против своего желания и предпочтения.

<...> Сокращая роман, я руководствовался исключительно литературным критерием, как я его понимал. Мой подход мог быть ошибочным, но он был свободен от идеологической предвзятости. Во всяком случае мне удалось втиснуть намного больше от оригинала, чем намечали издатели. <...>

Когда книга уже была близка к публикации, возникла одна небольшая, но очень существенная проблема. Каким должно быть ее название?

Понятно, что вопрос о буквальном переводе заглавия “Тихий Дон”, таком, например, как “The Quiet Don” (“Спокойный/тихий Дон”. – Д.М.), “The Silent Don” (“Неслышный/тихий Дон”. – Д.М.) или “The Gentle Don” (“Ласковый/тихий Дон”. – Д.М.) даже

³ Ростовский областной музей краеведения (Фонд К.И. Приймы). ОФ 2890–1242.

⁴ Ростовский областной музей краеведения (Фонд К.И. Приймы). ОФ 2890–1216.

не стоял. От такого “оксбриджа”⁵ следовало отказаться хотя бы потому, что никто не стал бы читать книгу русского автора, посвященную “английским делам”⁶, как это следует из названия. Однако за несколько месяцев до того, в 1931 г., “Патнэм” издал имевший большой успех роман Ремарка “Все спокойно на западном фронте”⁷, и Хантингтон настаивал, чтобы название нашей книги было с ним как-то связано. Это означало, что хотя бы первое слово “Quiet” должно было оставаться в заглавии книги. Но что же делать с невозможным “Quiet Don” (“Спокойным/неспешным/тихим *преподавателем*”. — Д.М.)? Констан Хантингтон, Муррей Рэгг и я полдня провели каждый у себя дома, обдумывая эту проблему. “The Don Runs Quietly”? (“Дон бежит медленно”. — Д.М.). О нет, этот вариант по-прежнему подразумевал какого-то нетренированного профессора: “Quietly Runs the Don” (“Медленно бежит *профессор*”. — Д.М.). Инверсия не спасала от возможной путаницы. Мы пытались избавиться от слова “Дон”, но сошлись на том, что “Тихо течет Река” было бы слишком общо.

Мы должны были сделать все возможное, чтобы придать “Дону” какое-то движение. Таким образом, мы дошли до “Тихо течет Дон”, который отчасти позволил избежать отсылки к оксбриджу (хотя *доны* порой и правда слишком “растекаются мыслью по древу”⁸, по крайней мере, некоторые из них!). Но название все еще не попадало точно в цель. И тут Муррей Рэгг добавил, как я считаю, завершающий штрих — “И тихо течет Дон”, что напоминало о дпящемся до сих пор трудном для России историческом периоде и приблизило нас к цели представить не грамматически, а содержательно точную, говорящую форму названия. Неожиданной данью этой точности стало то, что им до сих пор злоупотребляют всевозможными способами, как нелитературными, так и литературными: “злоупотребляют” в смысле использования в других целях и с другим смыслом. Особенно часто это происходило при жизни *Дона* Брэдмана, австралийского игрока в крикет.

Для переводчика, столкнувшегося с задачей, которую другие называли неразрешимой, эта работа была своего рода вызовом и долгим, хотя временами трудным, наслаждением. Это была одна из самых увлекательных книг из тех пятидесяти, которые я перевел. Язык романа невероятно богат, с громадным словарным запасом русского литературного языка, который я не встречал до сих пор ни у одного советского писателя. Здесь бы мне хотелось пояснить и другое

⁵ Здесь и далее переводы с английского языка выполнены мною. В английских колледжах Оксфорде и Кембридже слово “don” означает преподавателя или профессора колледжа. Прилагательное *donnish*, т.е. “книжный, педантичный, чопорный”, является производным от “оксбриджского” “don”, восходящего к испанскому титулу.

⁶ В английском оригинале “...dealing with English donnish affairs”. Здесь обыгрывается транслитерированная версия русского названия реки “Дон”, которая может быть переведена как “касающиеся английских профессорских дел”.

⁷ В английской версии: “All Quiet on the Western Front”. В оригинале название романа Э.М. Ремарка “Im Westen nichts Neues” — в буквальном переводе “На Западе ничего нового”.

⁸ В оригинале: “ever though dons do flow, awful lot, some of them!”, где “flow” употреблено во втором значении “speech and writing — proceed evenly and continuously”.

недоразумение. Один критик-энтузиаст, разбирая первое английское издание, предположил, что переводчик был, по-видимому, хорошо знаком с украинским языком. Так вышло, что украинский я знал, но на самом деле, украинский язык редко употребляется в романе. Но это недоразумение существует по сей день — некоторые продолжают писать о “родном украинском языке” Шолохова. Его отец был великорус, мать украинка. Но родился он в Вешенском уезде, который находится не на Украине, и прожил там всю свою жизнь. Донские казаки тоже не украинцы и вплоть до 1917 года с презрением относились к “чужакам”, как они между собой называли украинцев. Они поселились в области реки Дон, входящей в состав России, и говорят на русском диалекте. Настоящей проблемой для переводчика, речь идет о диалогах, был не перевод с украинского языка, а поиск удовлетворительного английского эквивалента для русской иносказательной речи, богатой отсылками к традиционным и религиозным смыслам и понятиям и т.д. Мысль о переводе на “саммерсэт” (диалект английского. — Д.М.) была отвергнута: я пришел к выводу, что простой и чистый английский будет лучшим вариантом, и предоставил критикам судить и спорить на этот счет. После публикации критики не нашли в том греха.

Но моим самым большим желанием было передать английскому читателю невероятный дар Шолохова-повествователя, особенно там, где он описывает природу. Это захватывало все мои мысли. К счастью, я много месяцев прожил в русских степях недалеко от Дона (Бузулук Самарской области⁹) сразу же после голода 1921/1922 годов, и я разделяю привязанность автора к вечно изменяющимся в зависимости от времени года степным пейзажам. Степь никогда не угнетала меня, кроме, пожалуй, одного случая, когда поздним зимним вечером меня со сломанным мотоциклом застигла в степи снежная буря. Я восхищался ее бесконечностью, ее цветом, ее величием. С этой точки зрения, я, вероятно, больше, чем кто-либо другой в то время, подходил на роль переводчика. И эта работа стала для меня подлинным наслаждением. Шолохов в “Тихом Доне” — поэт по натуре; в дни, когда русская поэзия переживала трудные времена, он был единственным писателем, который своей поэтической прозой, своими описаниями природы способствовал поддержанию поэтического порыва.

Переводчик, заявляющий, что его работа — совершенство, должен быть или дураком, или мошенником. Промахи — ошибки, непонимание — в моем переводе существуют. Вероятно, их больше во второй части “The Don Flows Down to the Sea” (“Дон течет к морю”. — Д.М.)¹⁰, чем в первой. Издательство “Патнэм” получило рукопись только в начале 1940 года, и Констан Хантингтон настаивал, чтобы работа была сделана в минимальный срок. Был момент, когда он счел, что я работаю слишком медленно, и даже угрожал передать часть текста другому переводчику. Если бы он это

⁹ Город Бузулук находится в 150 км от Самары; до 1934 г. входил в состав Самарской губернии и Средневолжской области. В настоящее время входит в состав Оренбургской области.

¹⁰ Вторая книга, состоявшая из переводов третьей и четвертой частей “Тихого Дона”, вышла в издательстве “Патнэм” под этим названием.

сделал, я думаю, я бы бросил эту работу. Это было бы слишком большой потерей для книги и ранило бы мою гордость. Следовательно, вместо года, как это было при подготовке первого тома, перевод 2-го тома был закончен за четыре месяца. Когда 2-й том был опубликован в издательстве “Патнэм” в сентябре 1940 г., переводчик был подвергнут критике с неожиданной стороны. Издательство “Патнэм” получило машинописный текст раньше, чем роман был опубликован в России, и этот текст включал воззвания, подписанные Троцким, имя которого было табуировано¹¹. И советские власти предположили, раз это имя появилось в книге, то должно быть оно было внесено переводчиком¹². Косвенно, это обвинение было данью моему знакомству с Советами, особенно первых лет революции, но я с презрением его отверг. Не потому, что я разделял взгляды Троцкого. Напротив, я сам спорил с ним в 1927 году относительно того, когда в Англии могла бы начаться революция. Дело не в этом — я резко возражал против любого предположения, что я внес в текст какие-либо изменения. Можно привести некоторые другие подобные примеры.

Тот факт, что Шолохов изменял текст много раз, начиная с первого издания его романного цикла о Доне, и другие события заставили некоторых западных критиков усомниться в его принципиальности как писателя. Сегодня, действительно, трудно сказать, что является окончательным русским текстом “Тихого Дона”: первое его издание или последнее. Но у меня нет никаких сомнений в принципиальной преданности автора своему творческому видению. Нет лучшего тому доказательства, чем последние 20 страниц “Тихого Дона”. Более правдивый советский романист заставил бы героя, Григория Мелехова, или безоговорочно уйти к белым и кончил бы его арестом и казнью, или, более вероятно, заставил бы со стыдом и раскаянием подчиниться красным. Шолохов нашел более человеческое, психологически более точное решение.

Григорий возвращается домой к сыну, к своей земле, но возвращается он с “волчьим билетом”, слишком хорошо сознавая, что ему недолго здесь придется оставаться. “Что ж, и сбилось то немногое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще родило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром”. Значение этого *недолго* ясно каждому, кто знает положение дел в тогдашней Советской России.

“Поднятую целину” как правило считают более политизированной, чем “Тихий Дон”. Однако и для этой истории Шолохов нашел схожую “неполитическую” развязку. Американский журналист Хэрисон Солсбэри (Harrison Salisbury) писал, что Шолохов вначале намеривался дать другой конец своему роману,

¹¹ После разгрома левой оппозиции и исключения из партии ее лидера Л.Д. Троцкого на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. Троцкий был выслан сначала в Алма-Ату, потом за пределы СССР, где был убит 21 августа 1940 г., что совпало по времени с публикацией второй книги “Тихого Дона” в издательстве “Патнэм”.

¹² Публикация последней 8-й части романа “Тихий Дон” была осуществлена в сдвоенном номере журнала “Новый мир” (“Новый мир”. 1940. № 2–3).

который должен был закончиться арестом двух его героев-коммунистов, Давыдова и Нагульнова, и который после 1956 г. должен был внести свой вклад в дело разоблачения Сталина. Но его уговорили изменить это намерение. Но если бы он закончил роман так, как это предлагает Солсбэри, то он бы, по-моему, пожертвовал бы художественностью произведения ради политических целей. Если он собирался дать такой финал, а потом изменил его, то потому, я бы сказал, что понял ложность первоначальной развязки, и теперешний конец (смерть Давыдова и Нагульнова, которые не представляли из себя безупречных коммунистов, которые совершали ошибки) — это следствие неразумного, неосмотрительного их поведения, которое лучше свидетельствует об их слабости как коммунистов, чем любой другой “ортодоксально политический” финал. Итак, и эта история, как и в “Тихом Доне”, заканчивается человеческой трагедией. Последние пять страниц “Поднятой целины” посвящены глубоко личной беде. В этом он верен себе: во всех работах его прежде всего волновала судьба личности, “судьба человека”, как он назвал свою самую знаменитую послевоенную новеллу.

Закончит ли Шолохов свой роман “Они сражались за Родину”, роман о борьбе русских в последней войне, этого никто не может сказать, хотя он обещал советским читателям, что они его получат в середине лета 1966 г. Можно быть уверенным в том, что роман, начатый в 1944 г. и затем возобновленный в 1945 г. (после потери первой рукописи), не был опубликован лишь из-за большой требовательности автора к самому себе. Нет сомнений в том, что если он не доволен результатом, и до тех пор, пока он не будет им удовлетворен, книга издана не будет.

В 60 лет он, вероятно, находится на вершине своих творческих возможностей. С другой стороны, сложность задачи, которую он перед собой поставил, — написать роман о Второй мировой войне, подобный “Тихому Дону”, достаточно трудна, чтобы обескуражить любого автора. Мы только можем ждать возвращения к нему его вдохновения и его решения в надежде, что ожидание не будет слишком долгим.

В поле культуры общение Советской России с Европой и Америкой осуществлялось в 1920–1930-х годах в разнообразных формах — от Всемирных выставок и разнообразных международных конгрессов до создания тематических международных объединений и обществ и спортивных соревнований, однако историю этого взаимодействия лучше всего протоколируют переводческая и издательская деятельность и сопровождающие ее литературно-критические практики. Эта сфера культурного трансфера, где европейская система референций наталкивается одновременно на советскую и национальную систему ценностей, несет в себе следы взаимного интереса, непонимания и конкуренции, отражает психологию “победителя”, стремящегося сохранить свою культурную гегемонию, и сопротивление этому нажиму. Подсознательная борьба за символическую власть в культурном поле

сублимируется в литературной критике, как правило, в политической риторике. Она лучше всего служит выражению идеи пограничья, различению “своего/чужого”, “друга/врага”, что отвечает, в конечном счете, идейному существу литературного спора. Как пишет Моретти, литературная «форма как борьба — именно ее мы получаем в результате: борьба между историей, полученной из ядра, и точкой зрения, которая “принимает” историю на периферии. Тот факт, что на местах этой спайки остаются швы, — не просто эстетическая данность, а проявление скрытого *политического* конфликта» [3, с. 190] (курсив наш. — Д.М.). Верно и обратное, под “швами” политической риторики, которые мы прежде всего обнаружим как в англоязычной критике, так и в отечественной критике, скрыты волновые (в терминологии Моретти) литературные процессы, те, что отвечают за своеобразие сложения мировой литературы. Они свидетельствуют о том, что местные культурные конвенции в момент перевода “Тихого Дона” были нарушены, замечены и стали темой межкультурного общения представителей англо-американского и советского миров.

В рамках этих конвенций, как следует из объяснительной статьи Стивенса, переводчиком была осознана необходимость изменения названия романа “Тихий Дон”. Оксбриджский “дон” сделал невозможной кальку заглавия на английский язык. Более существенной оказалась потребность в изменении заглавия. Отказ от абстрактного “Тихий Дон” в пользу сложного и метафорического “И тихо катит волны Дон” был приглашением к интерпретированию, которое “содержит секрет заглавия-как-рекламы”: “метафоры, запутывая и маня читателя, напротив, заставляли его принимать *активное участие* в романе с первого же слова. Если вы пытаетесь продать продукт, то это именно то, что вам нужно” [3, с. 279]. Кроме того, издатель учитывал специальные “сигналы” потребителя для того, чтобы разместить новую для английского читателя книгу в нужной рыночной нише. Узнаваемый жанрово-тематический код пользовавшегося большим успехом среди англоязычных читателей романа Э. Ремарка “Все спокойно на западном фронте” требовал сохранения этого слова в заглавии советского романа о войне: “Патнэм” был прежде всего рыночно ориентированным издательством.

Другой, более существенный упрек К.И. Приймы издательству и переводчику касался сокращений и ломки структуры романа. Объяснения Стивенса затрагивают броделевские пространственно-временные “слои” [4, с. 115–142],

свойственные любому литературному произведению. Один слой связан с современностью, со стилем мысли данного писателя, его авторской манерой, с вариативностью и трансформациями, подчеркивающими уникальность текста. Другие два указывают на жанровую и сюжетную повторяемость и имеют дело с моделями большой длительности (*longue durée*). Как показал Моретти, “транспортировке” легче всего подчиняется “история”, сюжет, оставаясь более-менее одинаковым в разных контекстах, и жанр более всего обеспечивают взаимопонимание в силу своей естественной принадлежности моделям большой длительности. Из ответов Стивенса следует, что он, прежде всего, стремился к сохранению истории, к целостности, к верности канону большой длительности. О той же значимой европейской целостности писал в своем критическом отзыве и Грэхем Грин, упрекавший Шолохова в неумении соблюсти в сюжете единство времени и места, в превращении общинной жизни в “тему” романа: “тема должна быть ясной и достаточно притягательной, чтобы навязать форму” [5, с. 551]. Он ставил Шолохову в пример “Улисса”, автор которого Дж. Джойс, избрав своей темой жизнь городского квартала, “вынужден был ограничить себя этим пространством, вымерить время действия” [5, с. 551]. Что касается упрека К.И. Приймы в том, что Стивенсом не были переведены казачьи песни, что были опущены политические высказывания и документы, убраны политические сюжетные линии, то переводчик их отверг, ссылаясь на требование экономии издательского бюджета, но также на сложность восприятия этих предметов английским потребителем. Упрек такого рода касался дискурсивного уровня, отвечающего за словесную репрезентацию сюжета. Стиль скрывает глубокие пласты культурных национальных конвенций, вызывающих особые трудности перевода. Они залегают в формальных, т.е. языковых структурах шолоховского романа, трансфер которых остается наиболее трудной для переводчика задачей. Об этих трудностях очень лаконично писал Стивенс, признавшийся в том, что более всего он стремился к поиску “удовлетворительного английского эквивалента для русской иносказательной речи, богатой отсылками к традиционным и религиозным смыслам и понятиям и т.д.”. Как следует из его объяснений, ему пришлось довольствоваться “простым и чистым” английским языком. Показателен в этом отношении обратный перевод фрагмента диалога Гришки Мелехова с Аксиньей. В русской версии “чистого английского” он звучит следующим образом: “Ты дура, Аксинья, дура... Куда

я побегу от своего куреня?.. Я никогда никуда не уйду от земли. Вот степь, и здесь есть чем дышать, а там? Прошлым летом я поехал с отцом на станцию. Я чуть не помер. Машины ревут, в воздухе тяжело от горящего угля. Как там живут люди, я не знаю, может быть, они привыкли! Я никогда не оставлю станицы”. В оригинале эти строки выглядят следующим образом: “— Дура ты, Аксинья, дура! Гутаришь, а послушать нечего. Ну, куда я пойду от хозяйства? Опять же на службу мне на этот год. Не годится дело... От земли я никуда не тронусь. Тут степь, дыхнуть есть чем, а там? Прошлую зиму ездил я с батей на станцию, так было-к пропал. Паровозы ревут, дух там чижелый от горелого угля. Как народ живет — не знаю, может, они привыкли к этому самому угару... — Григорий сплевывает и еще раз говорит: — Никуда я с хутора не пойду” [6, с. 57–58].

Роман, как показал М. Бахтин, в стилевом отношении гораздо больше других форм наполнен сиюминутным идеологическим разноречьем [7, с. 72–233], которое способно разрушить модели большой длительности. И чем сложнее, чем уникальнее эта область, чем больше она укоренена в местную повседневность, тем вероятнее, что ее черты будут утрачены в процессе перевода. Моретти приводит целый ряд примеров из практики переводов европейских романов на арабский и японский языки, потребовавших не только кардинального изменения названий, но также изменения, пропусков и даже добавлений фрагментов в текст, чтобы “угодить вкусам читателей”. Иначе говоря, переводческие усилия Стивенса, которого трудно заподозрить в скрытом желании навредить шолоховскому тексту, были борьбой за его “всемирность”. Закономерно, что одним из действенных рекламных ходов при публикации романа в США в издательстве “Кнопф” оказалась цитата из М. Горького, сравнившего “Тихий Дон” с романом Л. Толстого “Война и мир”¹³, — она была растиражирована заглавиями критических отзывов в американской прессе, став, как и следовало ожидать, предметом обсуждения критиков и разделив их на тех, кто “за”, например, Эдвин Сивер, Александр Каун, Б. Ольстерланд, Эрнест Симмонс, и тех, кто это сходство категорически отверг, например, Маргарет Маршалл, Марк Ван Дорен, Хершел Брикелл. Последние — вольно или невольно — своим отрицанием лишали шолоховский роман статуса произведения мирового

¹³ “It can only be compared with Tolstoy’s War and Peace” (Maxim Gorky). Из рекламы на обложке книги: Sholokhov M. And Quiet Flows the Don. New York, Alfred A. Knopf, Published June 27, 1934.

масштаба и общемировой “понятности”. В качестве еще одного ключа к шолоховскому творчеству должно было стать, по мнению критиков, сравнение “Тихого Дона” с “Сагой о Форсайтах”. Столь же закономерно критические замечания подчас имели цель “подтянуть” романы Шолохова под необходимый для европейского глаза повествовательный стандарт. Несколько наивный в своей простоте американский критик и рецензент “Поднятой целины” Кроненбергер и более утонченный и изысканный британский автор отзыва на “Тихий Дон”, писатель Грэм Грин оказались едины в своем желании объяснить Шолохову, каков должен быть “настоящий роман”. Если Грэму Грину не хватило у Шолохова сбитого вокруг одной темы связного и сквозного действия, то Кроненбергеру требовалась “универсальность”, противостоящая “локальности” романа.

Гарри Стивенс, очевидно, ясно понимал “периферийность” многих предметов, описаний, сюжетных ответвлений в шолоховских романах. И, как мы знаем из статистики продаж, борьбу, которую он вел за читательское признание русского автора, он выиграл.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Прийма К.И.* “Тихий Дон” сражается. Ростов-на-Дону: Ростовское кн. изд-во, 1972. 499 с.
2. *Назарова Т.П.* “Общество Друзей” в Советской России (1920-е годы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9. Вып. 8. Ч. 2. 2010. С. 5–10.
3. *Моретти Ф.* Дальнее чтение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 352 с.
4. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. Под ред. И.С. Кона. М.: РИО БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 328 с.
5. *Greene Gr.* Fiction. The Spectator. April 6. 1934. P. 551.
6. *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Научное издание. В 2-х т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 816 с.
7. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

REFERENCES

1. *Prijma, K.I.* “*Tihij Don*” *srazhaetsya* [“The Quiet Don” is fighting]. Rostov-na-Donu, Rostovskoe kn. izd-vo Publ., 1972. 499 p. (In Russ.)
2. *Nazarova, T.P.* “*Obshchestvo Druzej*” *v Sovetskoj Rossii (1920-e gody)* [“Society of Friends” in Soviet Russia

- (1920s)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University]. 2010, Series 9, Issue 8, Part 2, pp. 5–10. (In Russ.)
3. Moretti, F. *Dalnee chtenie*. [Distant Reading] Moscow, Izd-vo Instituta Gajdara Publ., 2016. 352 p. (In Russ.)
 4. Brodel, F. *Istoriya i obshchestvennye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost'*. [History and Social Sciences. Historical Duration]. *Filosofiya i metodologiya istorii. Pod red. I.S. Kona* [Philosophy and Methodology of History. Ed. by I.S. Kon]. Moscow, RIO BGK im. I.A. Boduena de Kurtene Publ., 2000. 328 p. (In Russ.)
 5. Greene, Gr. Fiction. *The Spectator*. April, 6, 1934, p. 551.
 6. Sholohov, M.A. *Tihij Don. Nauchnoe izdanie*. [The Quiet Don. Scientific Publication: in 2 Vols.]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2017. 816 p. (In Russ.)
 7. Bakhtin, M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*. [Questions of Literature and Aesthetics. Studies of Different Years]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 15 июля 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 августа 2022 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2022 г.

Дата публикации: 31 декабря 2022 г.

Received by Editor on July 15, 2022

Revised on August 25, 2022

Accepted on October 15, 2022

Date of publication: December 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800023668-0

А. М. Ремизов и наследники: тайные тропы филологической прозы конца XX века

© 2022 г. Н. Л. Блищ

Доктор филологических наук,
профессор Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
КНР, 518172, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган,
Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3147-9099>
blishch@list.ru

Резюме. В статье рассматривается творческое преломление стиля А.М. Ремизова в филологической прозе конца XX века. Показано, что именно Ремизов стал источником некоторых филологических идей, а также “ролевой моделью” литературного поведения для некоторых писателей. Ремизов создал серию металитературных книг, где предложил герменевтическое прочтение и совершенно неожиданное толкование произведений классиков. Многие его наблюдения относительно природы творчества и “литературных масок” были восприняты его внимательными читателями-филологами и растворены в их индивидуальных стилях. Раздел “Под маской сказочного вора” посвящен стиливым стратегиям А.Д. Синаевского. В разделе “О тайнописи эссеиста” разбираются некоторые художественные приемы А.К. Жолковского. В статье показывается, как писатели-филологи в индивидуальных авторских формах “довоплощают” ремизовские стиливые приемы и стратегии.

Ключевые слова: А.М. Ремизов, металитературное эссе, жизнетворческие стратегии, филологическое мышление, стиливые приемы, А.Д. Синаевский, А.К. Жолковский, литературные маски, авторефлексия.

Для цитирования: Блищ Н.Л. А.М. Ремизов и наследники: тайные тропы филологической прозы конца XX века // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 34–43. DOI: 10.31857/S160578800023668-0

A. M. Remizov and His Heirs: Secret Paths of Philological Prose of the Late 20th Century

© 2022 Natallia L. Blishch

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of Shenzhen MSU-BIT University,
No. 1, International University Park Road,
Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, 518172, PRC
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3147-9099>
blishch@list.ru

Abstract. The article deals with the creative refraction of Aleksey Remizov’s style in philological prose of the late 20th century. It is shown that it was Remizov who became the source of some philological ideas, as well as a “role model” of literary behavior for some writers. Remizov created a series of metaliterary books, where he offered a hermeneutic reading and a completely unexpected interpretation of the works of the classics. Many of his observations regarding the nature of creativity and “literary masks” were perceived by his attentive readers-philologists and dissolved in their individual styles. The section “Behind the mask of a fabulous thief” is dedicated to the style strategies of A. Sinyavsky. In the section “On the secret writing of the essayist”,

some artistic techniques of A. Zholkovsky are analyzed. The article shows how writers and philologists in individual authors' forms "reincarnate" Remizov's stylistic techniques and strategies.

Key words: A. Remizov, metaliterary essay, life-creating strategies, philological thinking, stylistic techniques, A. Sinyavsky, A. Zholkovsky, literary masks, autoreflexion.

For citation: Blishch, N.L. *A.M. Remizov i nasledniki: tajnye tropy filologicheskoy prozy konca XX veka* [A.M. Remizov and His Heirs: Secret Paths of Philological Prose of the Late 20th Century]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 6, pp. 34–43. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800023668-0

Ремизовский опыт рефлексивного “присвоения” наследия классики, переосмысления ее в иных контекстах оказался плодотворным и дал новые импульсы творчеству писателей второй половины XX века. Присущие А. Ремизову филологическое мышление, умение пересоздавать чужие образы, стремление к выявлению контекстуальной или личностно значимой “подтекстовой” семантики в циклах металитературных эссе о творчестве классиков и современников — все это находит интересную корреляцию в творчестве прозаиков-филологов А.Д. Синявского и А.К. Жолковского.

Под маской сказочного вора...

В 1985 году в Париже А.Д. Синявский пишет эссеистическую статью о литературных масках Алексея Ремизова. Автор цитирует своего кумира по эмигрантским книгам, тогда еще не изданным в СССР (“Учитель музыки”, “Огонь вещей: сны и предсонье”, “Подстриженными глазами”, “Взвихренная Русь”, “Мышкина дудочка” и др.). Эта статья интересна проступающими подтекстами. “У Ремизова не одна, а несколько масок, вступающих в сложные, запутанные и подчас причудливые комбинации” [1, с. 303], — заключает исследователь. Литературные и житнетворческие маски самого А.Д. Синявского также вступают в “причудливые комбинации”: “Синявский один — во многих лицах-ипостасях одновременно существует как индийские боги в аватарах” [2, с. 32].

С нескрываемым интересом Синявский рассматривает ремизовские масочные стратегии: «В облике Ремизова появляются или акцентируются черты “китайца”, “тибетца”, персидского или арабского “мага”, мудрого “гнома” или доброго “беса”» [1, с. 304]. Сквозь портрет Ремизова, столь подробно описанный в статье, просвечивают детали автопортрета: «черты непривлекательные, уродливые, мизерабельные — переломанный во младенчестве нос, “нос — чайником”, всегдашняя подслеповатость, сгорбленность, забитость, нищенский костюм в виде множества

намотанных на себя тряпок» [1, с. 304]. Ремизов сумел преобразовать странности своей наружности и характера в мгновенно узнаваемые образы, многократно отраженные в мемуарной литературе, — образы “сказочного гномика”, “кикиморы”, “домового”, “лешего”. Синявский выстраивал свой литературный имидж с подпольными проекциями на маски Ремизова. В игровых масках, которые он, по свидетельствам современников, примерял на себя, легко опознаются ремизовские: “Он сам был немного домовым или лешим, с его косоватой бородкой, разными глазами, полуавтобиографическими историями про крошку Цореса и Пхенца <...> всегда немного косил, или сквозил, в мир домовых, русалок и виев, туда, где с маленьким фонариком в руке жук-человек приветствует знакомых” [3, с. 26–27].

Другой портрет Синявского кажется еще более “ремизовским”: “Он не смеялся, а хихикал, не говорил, а приговаривал. Глаза его смотрели в разные стороны, отчего казалось, что он видит что-то недоступное собеседнику. Вокруг него вечно вился табачный дым, и на стуле он сидел, как на пеньке. <...> С годами Синявский все больше походил на персонажа русской мифологии — лешего, домового, банника” [4, с. 32]. Упоминание о косоглазии Синявского будто реализует жаргонную метафору “косить под Ремизова”.

Не только ремизовские маски и стратегии тесно связаны с литературным имиджем самого А. Синявского. Автобиографические образы писателей формируются “на заведомых стилистических снижениях” [1, с. 301]. В автобиографическом нарративе Ремизов создает образ гонимого и непризнанного писателя, социально униженного, безнадежно бедного и тотально несчастного человека, что, по мысли Синявского, обусловлено традицией народной сказки. Близкое ремизовскому отношение автора к материалу проступает в автобиографическом романе Абрама Терца “Крошка Цорес”, своим названием отсылающем к сказке Э.Т.А. Гофмана “Крошка Цахес по прозвиению Циннобер”. Ремизов признавался, что его всегда привлекали колдовство, оборотни, превращения, подчеркивал,

что именно Гофман послужил источником для создания некоторых образов персонажей, например, карлика-монашка Паисия из книги “Подстриженными глазами”. Атрибуты заглавного образа в книге Терца (“цорес” в переводе с идиш означает “несчастье”, “горе горькое”) перекликаются с гофмановскими, но очевидна и тенденция к самоуничтожению, самопародированию: “Необходимо объяснить, что я – карлик. Не в полном смысле, а говоря иносказательно – невысокого роста, ниже среднего” [5, с. 12].

Особенно продуктивной в творчестве А. Синявского стала позаимствованная у Ремизова маска “сказочного вора”. В расширительном смысле она применима ко всем русским писателям с лагерно-тюремным прошлым (от протопопа Аввакума до Ф. Достоевского, В. Шаламова, А. Солженицына), которые переплавили свой трагический жизненный опыт в художественный текст. Латентно Синявский подразумевает и собственную принадлежность к этой ветви писателей-сидельцев. Именно арестантский опыт послужил питательной почвой для формирования литературной маски вора Абрама Терца. В последующем этот “воровской имидж” продолжал влиять на творчество Синявского.

Второе значение маски “сказочный вор” проясняется только в связи с конкретным биографическим эпизодом в судьбе Ремизова, о котором в статье Синявского умышленно не упоминается. В 1909 году развернулась компания по обвинению Ремизова в плагиате (литературном воровстве) сказок из научного сборника Н.Е. Ончукова¹. Ремизов вынужден был ответить на обвинение в печати, объяснить свои принципы работы с фольклорными и литературными источниками. Активное обращение Ремизова к “чужому” тексту было обусловлено позицией древнерусского писца, который смотрит на переписываемый им текст как на источник творчества, материал для реконструкции, поэтому изменяет его по своему вкусу. Следуя закону генерации смыслов в литературе, Ремизов переписывал, по-новому озвучивал русскую классику, считая, что “в русской изящной литературе <...> существует традиция, не обязывающая делать ссылки на источники и указывать материалы, послужившие основанием для произведения” [7, с. 608]. Ремизов – создатель множества римейков и палимпсестных текстов, так что в каком-то смысле можно считать именно

его основоположником постмодернистской ветви русской литературы.

С профессиональным пониманием Синявский констатирует, что Ремизов постоянно перепевал наиболее близкие ему сюжеты, мотивы и образы на собственный лад, всюду (в “прецедентных текстах”) искал и находил себя. “Он способен заново, по-своему, переписать, например, всего ненаглядного своего Гоголя” [1, с. 311]. Поэтому Синявский и утверждает, что подлинный художник-творец (а таковым он считает Ремизова) обладает “виртуозной изобретательностью в искусстве обмана и кражи” [1, с. 308], поскольку “воровство в данном случае это художественный трюк или фокус” [1, с. 308]. Действительно, сам Ремизов не раз хвалился ловким умением “вертеть и перебрасывать слова” [8, с. 122], да и в самом слове “творец”, вероятно, видел “спрятавшееся” слово “вор”. Синявский метафорически уравнивает функции “сказочного вора” и писательские стилевые приемы. Личный опыт позволяет Синявскому сделать вывод о взаимообусловленности житнетворческих стратегий автора и его художественных текстов.

Стилевой почерк Абрама Терца (“Прогулки с Пушкиным” [9] и “В тени Гоголя” [10]) также клонится к палимпсестному письму, к стилизациям, к перелицовкам чужого материала. Имитации литературоведческого анализа, изобретательная переплавка литературного и бытового материала, исторические реконструкции и инсценировки – все это лишь подтверждает стилевое родство текстов А.Д. Синявского и его “тайного” учителя.

Именно Ремизов послужил идеальным, невидимым для неспециалиста источником и для научно-просветительских проектов А. Синявского. Вспомним, что в доэмигрантский период А.М. Ремизову удалось издать восемь сборников народных сказок в авторской обработке: “Посолонь” (1907), “Докука и балагурье” (1914), “Укрепка” (1916), “Русские женщины” (1918), “Сибирский пряник” (1919), “Заветные сказы” (1920), “Ё” (1921 и 1922), “Лалазар” (1922). Теперь он всегда с усердием указывает на фольклорные “протографы”, на научные издания сказок (Н.Е. Ончукова, М.И. Смирнова, А.Н. Афанасьева), демонстративно подчеркивая связь с “чужим словом”, превращая эти ссылки в структурно-стилевой прием.

Результатом многолетних исследований особенностей народного сказочного мышления явилась и книга А. Синявского “Иван-дурак. Очерк народной веры”, изданная в Париже в 1991 г. Ее основу составил курс лекций, читанный в Сорбонне в 1978–1979 гг. Автор углубляется

¹ Об этом литературном скандале основательно написано в работе И.Ф. Даниловой “Писатель или списыватель? (К истории одного литературного скандала). Приложение: О Плагиате” в кн. “История и повествование” (2006). См. подробнее: [6, с. 279–316].

в аналитические размышления о трех традиционных героях народной сказки – Иване-дураке, сказочном воре, шуте-скоморохе.

В книге Синявского “Иван-дурак...” и в статье “Литературные маски Алексея Ремизова” обильно используется ремизовский сказочный материал, сопровождающий все рассуждения о сказочном воре, однако ссылки при этом даются исключительно на сборник сказок А.Н. Афанасьева. Единственная ссылка на сборник Ремизова “Звенигород окликанный. Николины притчи” (1924) сопровождается пересказом притчи “Свеча воровская” – о человеке, “который промышлял обманом и воровством и всякий раз, обделав какое-нибудь дельце, ставил в церкви свечку Николаю” [11, с. 197]. Из всех чудес, совершаемых Николаем Чудотворцем, и сведений о святом Ремизова особенно увлекал приписываемый ему мифологией мотив покровительства ворами и мошенникам. Ремизов создал собирательный образ своего любимого Святого Николая² на основе агиографических источников, рукописных житий, апокрифов, старообрядческих молитвенников, фольклорных песен. Упомянутая притча “Свеча воровская” раскрывает двойственный характер народного Святого Николая: он и карает, и милует вора, подсказывая ему надежное укрытие от преследователей.

В главе “Присказка и концовка. Докука и балагурство”, перекликающейся с ремизовским названием “Докука и балагурье” (1914), Синявский описывает феномен скоморошества, характеризуя его как умение вести лингвистическую игру со словом, как особый талант “перевернуть и обесмыслить слово” [11, с. 80]. “Вторая сторона балагурства в сказке – вранье” [11, с. 82], – считает исследователь. В этой формуле можно различить эхо ремизовских размышлений о философии словесного лукавства, а также отражение его маски Ауки-сказочника, который “знает много мудреных доук и балагурья” [15, с. 105]. Ремизов часто использует скоморошью метафорику, подчеркивая свою “природную веселость духа”, страсть к балагурству, мистификациям, шуткам и безобразиям, но оправдывает все это идеей подвижничества. А. Синявский использует тот же сюжет: скоморохи “сближали себя с христианскими святыми подвижниками, только не с мрачными и не с грустными, а с веселыми подвижниками. Саму клоунаду, шутовство, фокусничество

² В книгах “Николины притчи” (1917), “Никола Милостивый” (1918), “Звенигород окликанный” (1924), “Три серпа” (1927), “Образ Николая Чудотворца. Алатырь – камень русской веры” (1931). См.: [12]; [13]; [14].

они понимали как проявление некоего рода святости” [11, с. 58].

А. Ремизов – писатель элитарной книжной культуры, но вместе с тем, его влекут и маргинальные сферы, он признанный мастер эlegantного обценного жеста, например, в “Заветных сказах” (1920). А. Терц также легко примиряет элитарные высоты литературоведения со сферой неподцензурной субкультуры. Для обоих художников была привлекательна “потаенная” сказочная традиция.

Взаимоотношения с литературой у обоих художников принципиально неакадемичны. Литературоведческая эссеистика Ремизова ассоциативно-аллюзивной и пластично-музыкальной манерой приближается к художественному тексту. Метафорический язык изобилует символическими подтекстами, имитируется непринужденная манера записи мимолетной мысли. На эти же особенности эссеистики Терца не раз указывали исследователи³, и об этом же пишет сам автор в книге “Путешествие на Черную речку”, считая, что литературоведение постепенно само должно стать литературой.

В книгах Терца-Синявского “Прогулки с Пушкиным”, “В тени Гоголя”, “Путешествие на Черную речку”, а также в его литературоведческой эссеистике “Опавшие листья Василия Розанова” и “Иван-дурак. Очерк народной веры” выработан тот же стилевой регистр, что и в металитературных эссе А. Ремизова. При этом А. Синявский совершенно не скрывает следование стилевой манере В. Розанова, его установкам на рукописность, подчеркивающую интимность мысли, и фрагментарность, отражающую недовольность форм. Влияние же Ремизова тщательно замуфлировано. Причины очевидны: В. Розанов не имел репутации писателя, а был более известен в подпольных кругах советских интеллектуалов как философ, поэтому он мог быть представлен титульным наставником, а Ремизов очень долго оставался писателем “для знатоков”, мало кому известным, трудночитаемым, иногда вовсе непроницаемым, поэтому и остался для А. Синявского тайным “магическим помощником”.

Статья Синявского о Ремизове завершалась по-ремизовски: «Есть таинственная птичка и имя не простое: по-арабски “ремз” – “тайна”. Добавлю от себя: и дна этой тайны – не доискаться: у тайны нет и не бывает дна» [11, с. 313]. В эти таинственные глубины автор статьи

³ См. работы А.К. Жолковского, Ю.Б. Орлицкого, К. Теймер-Непомнящи: [16]; [17]; [18].

последовательно проникал, виртуозно преломлял находки в своем творчестве, стараясь при этом “не наследить”, как и подобает “сказочному вору”, который “пробавляется ловкостью рук и виртуозной изобретательностью в искусстве обмана и кражи...” [11, с. 309].

О тайнописи эссеиста

Ремизова можно считать одним из основоположников пограничного между литературоведением и художественным творчеством жанра – металитературного эссе⁴, активно востребованного в современном литературоведении. Лингвист, литературовед и эссеист, профессор Университета Южной Калифорнии (Лос-Анджелес) А.К. Жолковский не понаслышке знаком с эссеистикой и стилевыми приемами А.М. Ремизова. В ремизовских эссе, составляющих книги “Подстриженными глазами”, “Мышкина дудочка”, “Петербургский буерак”, “Огонь вещей” и др., автор стремился к художественному “подглядыванию” за тайными импульсами, отраженными в стиле писателей, к выявлению “исподней мысли”, тщательно зашифрованной словесными украшениями и показной мыслью. Для этого писатель использовал разнообразный оптический арсенал, но главная его наводка на резкость – филологическая.

В книге А.К. Жолковского “Блуждающие сны” встречается пересказ ремизовских рассуждений: «В “Страшной мести” “чудится пану Даниле” то, что потом оказывается сном его жены Катерины, в котором она подвергается обольщениям своего отца-колдуна; по аналогичному двухэтажному принципу построен и “Сон” Лермонтова (Ремизов 1977, с. 81 след.)» [20, с. 183]. У Ремизова эта мысль звучит несколько иначе: «Пан Данила видит во сне сон Катерины. Видеть во сне, что другому снится, явление редкое, есть еще у Лермонтова: “В полдневный жар в долине Дагестана”. Но пестрый семипясной сон, как этот сон, в литературе единственный» [8, с. 82].

Однако особый интерес для нас представляет случайная (или намеренная?) неточность в библиографическом списке “Блуждающих снов...”. Соответствующая позиция в списке выглядит так: “А. Ремизов. Огонь вещей: Сны и предсонье.

⁴ “Металитературное эссе – прозаический текст с поэтическим субстратом, насыщенный интертекстуальным и автотекстуальным материалом, характеризующийся авторефлексивной мыслеобразностью, т.е. соединением образа и понятия” [19, с. 9].

Paris, YMCA Press, 1977” [20, с. 388]⁵. Ссылка на источник дана неточно. Книга “Огонь вещей: Сны и предсонье” впервые была опубликована в 1954 году при жизни Ремизова издательством “Оплешник”, созданным на деньги меценатов. А издательство “YMCA Press” выпустило другую книгу Ремизова – “Подстриженными глазами” – существенно раньше указанного А. Жолковским года, в 1951 году.

Ремизовская метафора подстриженных глаз реализуется в этой книге через автобиографический мотив сильной близорукости, при этом метафорический перенос совершается с “подрезанных крыльев” (у писателя – “птичья”, как он сам определял, фамилия) на слабовидящие глаза. Взгляд художника равносителен полету, близорукие глаза – подрезанным крыльям. Отсюда и главный филологический мотив – пристально-го и медленного вчитывания в художественные тексты. В книге А. Жолковского “Блуждающие сны...” именно визуальные образы и мотивы являются смыслообразующими: мы видим “ряд бросающихся в глаза интертекстов”; интертекстуальная связь “еще больше бросается в глаза”, тексты переосмысливаются “в наших сегодняшних глазах”. Ремизов в книге “Огонь вещей” проводит художественное исследование темы “сновидений” в русской литературе, извлекает спрятанные в подсознание мысли классиков, актуализируя их современным контекстом. В свою очередь, А. Жолковский в книге “Блуждающие сны” утверждает, что основной пафос его работы с материалом – “во вскрытии неожиданных свойств произведения путем постановки его в новые, но существенные контексты” [20, с. 8].

В конце 1940-х – начале 1950-х годов А. Ремизов работал над автобиографическими эссе, составившими позже книги воспоминаний “Петербургский буерак” и “Иверень”. Одним из сквозных мотивов этих книг стал диалог с литературными собратьями. Выстраивая литературную иерархию, Ремизов будто стремится восстановить нарушенный временем внутрилитературный паритет и сказать о современниках так, чтобы дать читателю возможность самому оценить подлинный вес того или иного литератора. Сборник эссе “Петербургский буерак” хронологически обращен к болезненному периоду “вхождения” Ремизова в литературу и истории обвинения в “плагиате”. В ней писатель-москвич подробно и пристрастно описывает литературные нравы начала XX века, стремится “поквитаться” с петербургскими

⁵ Курсив в цитируемой библиографической записи принадлежит автору настоящей статьи.

обидчиками-литераторами и редакторами, делая это с максимальной лингвистической экспрессией, неведомой “непосвященным”.

Литературные нравы конца XX века — это и источник раздражения, и предмет изображения в металитературных эссе А. Жолковского, собранных в книге “Осторожно, треножник!” (2010). Книга по общественно-эстетическому пафосу перекликается с ремизовскими установками, она также посвящена “окололитературным темам: о редакторах, критиках, коллегам; о писателях как личностях и культурных феноменах...” [21, с. 3]. Жолковский избирает ремизовский метод самоидентификации, однако повышает градус пародирования обидчиков и увеличивает степень авторской отчужденности от литературных “предков”. В эссе “Селфless” живописно критикуются русские “соборно-христианские запреты” на индивидуальность творческой личности, автор уверен, что оригинальная творческая манера всегда связана с “проявлением нарциссической энергии” [21, с. 89]. Сокрушает автора и то, что в русском коллективном сознании “писательская самовлюбленность” осуждается. О писательской самовлюбленности рассуждал в цикле эссе “Огонь вещей” и Ремизов: отталкиваясь от статей словаря Даля, где Гоголь — это прежде всего “близкий крохалю красивый нырок или утка Fuligula, круглоклювая” [22, с. 364], а также от рифмы “гоголь-щеголь”, Ремизов делал вывод об обусловленной фамилией нарциссической сосредоточенности Гоголя.

Некоторые эссе Жолковского представляют собой перелицованные в традициях язвительно-торжественного красноречия ответы научным оппонентам, редакторам, филологам⁶. Например, эссе “Мой взгляд на институт костра и другие институты, или Хохороны вторник” иллюстрирует издательскую реакцию Жолковского на обличительную статью А. Горфункеля “Вид на костер с балкона: Анна Ахматова — от Жданова к Жолковскому” (Звезда, 1997). Эссе “Телега на славику” являет собой блистательный разбор

⁶ Из рецензии Д.Л. Быкова “Живые и мёртвые” на книгу Жолковского “Осторожно, треножник!”: «Особая тема — собственно полемика (с Александром Ивановым из Ad Marginem, с филологами Б. Сарновым и Н. Перцовым): это отличная школа неунизительного, хотя обидного ниспровержения. Жолковский не оскорбляет оппонента — он его анализирует, чтоб не употреблять ужасного “деконструирует”. Демонстрация того, “как это делается”, разбивает любую критику, особенно демагогическую, построенную на ложных посылах, грубых натяжках и все той же жажде доминирования. Автор блестяще вскрывает истинный мотив своих ругателей — иногда невинный, часто трогательный». См.: [23].

острокритического выпада Александра Иванова (издательство Ad Marginem) против М. Гаспарова. Документальная заметка “Эросиздат” посвящена перипетиям с изданием автобиографических эссе из книги “Эросипед и другие виньетки”. В эссе, вынесенном в заглавие книги, — “Осторожно, треножник!” — Жолковский вступает в далеко не риторическую полемику с филологами [24, с. 225–236] — сторонниками идеалистически-житийного и агиографического литературоцентризма.

Литературоведческие позиции Ремизова и Жолковского совпадают: художник всегда создает свой собственный миф о себе, разрабатывает стратегии саморепрезентации, а задача “идеального исследователя” — соблюсти паритет между бесстрастным анализом повествовательных структур и демифологизацией образа художника. Демифологизируя бронзовую ипостась поэтессы в цикле “ахматоборческих” статей и создавая каталог зощенковских невротических мотивов, обращенных в литературу [25], Жолковский попутно изобретает механизмы собственной автомифологизации.

В книге “Эросипед и другие виньетки” стиль автобиографической эссеистики избыточно театрален, и автор, подобно Ремизову, бравирует литературными масками. Например, маска “профессора З.” (ср. англ. написание фамилии “Zholkovski”) восходит к набоковским образам профессоров — Гумберта Гумберта и Вадима Пнина. По “причине преподавания в Корнелле” [26], где в свое время профессорствовал сам Набоков, профессор З. избирает для себя роль квази-Набокова, сопровождая нарратив мотивами эротомании и единения художника и велосипеда. Возможно, ошибочно указанный год выхода книги Ремизова в библиографическом списке — 1977 — связан в филологическом мышлении Жолковского с годом смерти Набокова.

Сближает Жолковского с Ремизовым и влечение к обценным жестам, табуированным вербальным и невербальным сферам: по мнению обоих, эти жесты обладают жизнестроительной экспрессией и особой энергией. Эссе “Учить в сортире” своей искрометной лингвистической эквилибристикой не уступает ремизовскому обыгрыванию тайной семантики в названиях книг “Неумный бубен” и “Петербургский буерак”.

В книге “Осторожно, треножник!” лейтмотивная тема — поиск своей писательской идентичности. Выстраивается автомиф об эмигранте Алике Жолковском (еще одна литературная маска), в котором просвечивает история Ивана Тургенева: внешнее сходство не раз обыгрывалось самим

автором в пору ношения бороды. Эссе о И.С. Тургеневе “Любовь экспата” композиционно открывает сборник “Осторожно, треножник!”, но тургеневским кодом помечены и другие эссе. Иван Тургенев – предмет научных исследований Жолковского 2000-х годов [27]. В книге “Эросипед и другие виньетки” цитируется частушка из “Литературной газеты”: “Кто дал чеканных шесть романов, / Любил народ, стрелял фазанов?” [26, с. 124]. Здесь Тургенев, подобно Пушкину в эссеистике Абрама Терца, становится у Жолковского героем народного юмора.

Вспомним, что Ремизов исследовал механизм создания авторских биографических мифов и обнаруживал случаи повторения “узоров судьбы” художника-классика в житнетворчестве современников. В эссе “Тургенев-сновидец” Ремизовым развенчивается любовно-романтическая версия изгнанничества Тургенева. Ремизов ставит под сомнение литературоведческий миф о любовно-романтических причинах отъезда Тургенева за границу, считая истинной причиной любовь писателя к Франции. “Тургенев первый европеец среди русских писателей” [28, с. 262], – пишет Ремизов, но не только потому, что он “в Париже как дома”, а потому, что “мастерству он научился в Париже, живя бок о бок с французскими мастерами слова, среди их литературной традиции” [28, с. 262]. Ремизов неустанно подчеркивает французский стиль творчества Тургенева: “По плану, с метрикой и послужным списком действующих лиц он даст русскую повесть – *pouvelle*; наставник его будет Флобер” [28, с. 262]. По мысли Ремизова, и закончил Тургенев французскими стихотворениями в прозе: «Бодлер ему был учитель “*Petits poems en prose*»» [28, с. 263].

Эссе А.К. Жолковского о Тургеневе “Любовь экспата” содержит мотивные переключки с ремизовским. По форме эссе строится как аналитический обзор цитируемых писем Тургенева и “Воспоминаний современников об И.С. Тургеневе” [29]⁷. По мнению эссеиста, любовная история о Полине Виардо – вымысел литературоведов. Всему причиной – тургеневская “неприязнь к России”, которая “коренилась в его приверженности к Франции” [21, с. 25]. “Русское не было для него синонимом лучшего, духовного,

бескорыстного” [21, с. 26], – пишет Жолковский, тщательно перечисляя тургеневские эпистолярные недовольства русскими слабостями: “недостаток правдолюбия”, “лень и попрошайничество”, “рытвины” и “водоминоны” на дорогах. Тургенева раздражали “российские литературные нравы целиком” [21, с. 17], пишет эссеист. По воспоминаниям А.Я. Панаевой, Тургенев в разговоре с Н. Некрасовым обвинял русских писателей в отсутствии оригинальности, высмеивал “пришибленность” и “пресмыкательство” перед властью и издателями. “Раздражала Тургенева и редакторская практика” [21, с. 19], – утверждает Жолковский и приводит жалобы писателя на требование “тенденциозности” в ущерб “художественности”; раздражали и “ксенофобские инстинкты широкой общественности” [21, с. 20]. В поток “раздражающих” Тургенева русских прорех попутно вливаются ручейки раздражения самого автора эссе, ведь большая часть эссе из книги “Осторожно, треножник!” – сатирическая отповедь литературным нравам в России конца XX века.

Но главным мотивом, раздражающим Тургенева в России, по версии Жолковского, было “соседство с Достоевским”. Это общеизвестное писательское противостояние названо Жолковским “ошибочным взаимным прочтением друг друга” [21, с. 21]. В эссе А. Ремизова это противостояние не акцентируется, но обозначено гастрономическим кодом: «Книги Достоевского читаются натошак, как исповедальный требник. А Тургенев, его книги? – Тургенев... “после обеда”» [8, с. 248]. Другими словами, стиль Достоевского сравнивается с горьким лекарственным настоем или отваром, а стиль Тургенева – с изысканным французским десертом.

Развивая тему противостояния Тургенева и Достоевского, Жолковский приводит свидетельства современников о реакции классика на речь Достоевского на Пушкинском торжестве в Москве. Тургеневу “была противна речь Достоевского” о склонности русской души ко “всемирной отзывчивости и к всепримирению”, “невыносима ложь и фальшь проповеди Достоевского”, его “мистические разглагольствования” и “завиральный сумбур” [21, с. 21]. Публичная речь самого Тургенева была рассчитана на “не столь большую”, но “на избранную публику” [21, с. 23]. Тургенев, в отличие от Достоевского, характеризовал Пушкина как художника, отметил редкие особенности его таланта, но не поставил в один ряд с Гёте: “Речь была встречена холодно и эту холодность еще более оттенили те овации, предметом которых сделался говоривший вслед за Тургеневым

⁷ А.К. Жолковский находится под впечатлением статьи Б.М. Эйхенбаума “Артистизм Тургенева” (1929): «Эмиграция Тургенева была <...> не идейной, а литературно-бытовой – проявлением “обиды” артиста, нуждающегося в особой атмосфере и не находящего ее на родине...» [30, с. 98–99]. В примечаниях к эссе Жолковский утверждает, что познакомился со статьей Эйхенбаума после журнальной публикации эссе.

Достоевский” [21, с. 22]. В эссе “Красное и серое” Жолковский иронизирует в том же стиле, что и Тургенев: “Производя Бунина в Прусты, я, пожалуй, зарвался – поддался порыву в духе речи Достоевского о Пушкине” [21, с. 109].

Определяя особенности жанра металитературного эссе, Жолковский говорит о максимальной близости его к поэзии по признаку непредсказуемости и обусловленности вдохновением. Мысль подтверждается ссылкой на И.С. Тургенева, который, рассуждая о вдохновении, приводил в качестве примера известное фетовское стихотворение, открывающееся “обращением к собеседнику (Я пришел к тебе с приветом) и картиной солнечного утра” и “замыкающееся сообщением о зрящей песне” [21, с. 130].

“Мне просто хотелось – в одну из тех минут, когда чувствуешь желание писать, еще не знаешь, что именно, но чувствуешь, что писаться будет, – дать любимому жанру поговорить о себе” [21, с. 137]. Напрашивающаяся перестановка слов лишь усиливает мысль Ремизова о самовлюбленности и самососредоточенности автора эссе, который под видом рефлексии о другом писателе говорит о себе самом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Синяевский А.Д.* Литературный процесс в России: Литературно-критические работы разных лет. М.: РГГУ, 2003. 417 с.
2. *Гачев Г.Д.* Ура и увы – Синяевскому! Юбилейная речь по случаю 70-летия // Синтаксис. 1998. № 36. С. 28–37.
3. *Жолковский А.К.* Вспоминая Синяевского // Синтаксис. 1998. № 36. С. 23–27.
4. *Генис А.А.* Правда дурака. Андрей Синяевский // Генис А. Иван Петрович умер: Статьи и исследования. М.: НЛО, 1999. 334 с.
5. *Терц А.* <Синяевский А.Д.> Крошка Цорес. Париж: Синтаксис, 1980. 109 с.
6. *Данилова И.Ф.* Писатель или списыватель? (К истории одного литературного скандала). Приложение: О Плагиате // История и повествование / Под ред. Г.В. Обатнина и П. Песонена. Хельсинки; М.: НЛО, 2006. С. 279–316.
7. *Ремизов А.М.* Письмо в редакцию // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. С. 607–610.
8. *Ремизов А.М.* Огонь вещей: сны и предсонье: Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. 363 с.
9. *Терц А.* <Синяевский А.Д.> Прогулки с Пушкиным = Strolling with Pushkin / Абрам Терц. London: Overseas publ. interchange, cop. 1975. 178 с.
10. *Терц А.* <Синяевский А.Д.> В тени Гоголя. London: Overseas publ. interchange, cop. 1975. 553 с.
11. *Синяевский А.Д.* Иван-дурак: Очерк русской народной веры. [М.]: Аграф, 2001. 463 с.
12. *Ремизов А.М.* Звенигород окликанный: николины притчи. Нью-Йорк [и др.]: Алатас, 1924. 158 с.
13. *Ремизов А.М.* Три серпа: Московские любимые легенды. Париж: Таир, 1929. 159 с.
14. *Ремизов А.М.* Образ Николая чудотворца: Алатырь – камень русской веры. Париж: УМСА-press, 1931. 90 с.
15. *Ремизов А.М.* Ремез – первая пташка // Ремизов А.М. Собр. сочинений: В 10 т. Т. 2. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000.
16. *Жолковский А.К.* Перечитывая избранные описки Гоголя // Жолковский А.К. Блуждающие сны: Статьи разных лет. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 33–50.
17. *Орлицкий Ю.Б.* Стиховая экспансия в “пушкинской” прозе А. Терца // Пушкин и поэтический язык XX века. М., 1999. С. 261–269.
18. *Теймер-Непомнящи К.* Абрам Терц и поэтику преступления. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 358 с.
19. *Блищ Н.Л.* А.М. Ремизов и русская литература XIX–XX вв.: рецепция, рефлексия, авторефлексия. Минск: БГУ, 2013. 191 с.
20. *Жолковский А.К.* Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука, 1994. 428 с.
21. *Жолковский А.К.* Осторожно, треножник! М.: Время, 2010. 494 с.
22. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2003. Т. 1. 699 с.
23. *Быков Д.Л.* Живые и мертвые // Информационный портал “Городские заметки” GZT.ru. 18 ноября 2009 года [URL: <https://gzt.ru/column/dmitrii-bykov/272380.html>].
24. *Перцов Н.В.* О феномене демифологизации классиков в современной культуре (в связи с “детской резвостью” двух почтенных профессоров) // Творчество Велимира Хлебникова и русская литература XX века: поэтика, текстология, традиции: материалы X Международных Хлебниковских чтений. Астрахань: Астраханский ун-т, 2008. 340 с.
25. *Жолковский А.К.* Михаил Зощенко: поэтика недоверия. М.: Языки русской культуры, 1999. 391 с.
26. *Жолковский А.К.* Эросипед и другие виньетки. Томск; М.: Водолей Publishers, 2003. 624 с.

27. Жолковский А.К. “Из новейших одобрялся несомненно один Тургенев...” (К теме И.С. Тургенев и Н.С. Лесков) // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М.: НЛО; СПб.: ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2009. С. 266–281.
28. Ремизов А.М. Тургенев-сновидец // Ремизов А.М. Собр. сочинений: В 10 т. Т. 7. Ахру. М.: Русская книга, 2000. С. 261–265.
29. Эйхенбаум Б.М. Артистизм Тургенева // Эйхенбаум Б.М. Мой современник. Маршрут в бессмертие. М.: Аграф, 2001. С. 90–96.
30. Островский А.Г. Тургенев в записях современников. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. 445 с.
10. Terz, Abram <Sinyavsky, A.D.> *V teni Gogolya* [In the Shadow of Gogol]. Abram Terc [pseudonym]. London: Overseas publ. interchange, cop. 1975. 553 p. (In Russ.)
11. Sinyavsky, A.D. *Ivan-durak: Ocherk rus. nar. very* [Ivan the Fool: An Essay of the Russian Folk Faith]. Moscow, 2001. 463 p. (In Russ.)
12. Remizov, A.M. *Zvenigorod oklikannyj: nikoliny pritchi* [Zvenigorod Hailed: Nikolina's Parables]. New York [and others], 1924. 158 p. (In Russ.)
13. Remizov, A.M. *Tri serpa: Moskovskie lyubimye legendy* [Three Sickles: Moscow's Favorite Legends]. Paris, 1929. 159 p. (In Russ.)
14. Remizov, A.M. *Obraz Nikolaya chudotvorca: Alatyr – kamen russkoj very* [The Image of Nicholas the Wonderworker: Alatyr – the Stone of the Russian Faith]. Paris, 1931. 90 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Sinyavsky, A.D. *Literaturnyj protsess v Rossii* [The Literary Process in Russia: Literary and Critical Works of Different Years]. Moscow, 2003. 417 p. (In Russ.)
2. Gachev, G.D. *Ura i uvy – Sinyavskomu! Yubilejnaya rech po sluchayu 70-letiya* [Hooray and Alas – Sinyavsky! Jubilee Speech on the Occasion of the 70th Anniversary]. *Sintaksis* [Syntax], 1998, No. 36, pp. 28–37. (In Russ.)
3. Zholkovsky, A.K. *Vspominaya Sinyavskogo* [Remembering Sinyavsky]. *Sintaksis* [Syntax], 1998, No. 36, pp. 23–27. (In Russ.)
4. Genis, A.A. *Pravda duraka. Andrej Sinyavskij* [The Truth of a Fool. Andrej Sinyavsky]. Genis, A. *Ivan Petrovich umer* [Ivan Petrovich Died: Articles and Investigations]. Moscow, 1999. 334 p. (In Russ.)
5. Terz, Abram. <Sinyavsky, A.D.> *Kroshka Cores* [Baby Tsores]. Paris, 1980. 109 p. (In Russ.)
6. Danilova, I.F. *Pisatel ili spisyvatel? (K istorii odnogo literaturnogo skandala). Prilozhenie: O Plagiate* [A Writer or a Copyist? (To the History of a Literary Scandal). Application: About Plagiarism]. *Istoriya i povestvovanie* [History and Narration]. Helsinki, Moscow, 2006, pp. 279–316. (In Russ.)
7. Remizov, A.M. *Pismo v redakciju* [Letter to the Editor]. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenij v 10 t. T. 2. Dokuka i balagurje* [Collected Works in 10 Vols. Vol. 2. Dokuka and Balagurye]. Moscow, 2000, pp. 607–610. (In Russ.)
8. Remizov, A.M. *Ogon veshchej: sny i predsonje: Gogol, Pushkin, Lermontov, Turgenev, Dostoevskij* [The Fire of Things: Dreams and Before a Dream: Gogol, Pushkin, Lermontov, Turgenev, Dostoevsky]. St. Petersburg, 2005. 363 p. (In Russ.)
9. Terz, Abram <Sinyavsky, A.D.> *Progulki s Pushkinym* [Strolling with Pushkin]. Abram Terc [pseudonym]. London: Overseas publ. interchange, cop. 1975. 178 p. (In Russ.)
15. Remizov, A.M. *Remez – pervaya ptashka* [Remez – the First Bird]. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenij v 10 t. T. 2. Dokuka i balagurje* [Collected Works in 10 Vols. Vol. 2. Dokuka and Balagurye]. Moscow, 2000, p. 105. (In Russ.)
16. Zholkovsky, A.K. *Perechityvaya izbrannye opiski Gogolya* [Rereading Gogol's Selected Lapses]. Zholkovsky, A.K. *Bluzhdayushchie sny: Statji raznyh let* [Wandering Dreams: Articles of Different Years]. St. Petersburg, 2016, pp. 33–50. (In Russ.)
17. Orlicky, Yu.B. *Stihovaya ekspansiya v “pushkinskoj” proze A. Terc* [Poetic Expansion in the “Pushkin” Prose of A. Terts]. *Pushkin i poeticheskij yazyk XX veka* [Pushkin and the Poetic Language of the 20th Century]. Moscow, 1999, pp. 261–269. (In Russ.)
18. Tejmer-Nepomnyashchi, K. *Abram Terc i poetika prestupleniya* [Abram Terts and the Poetics of Crime]. Yekaterinburg, 2003. 358 p. (In Russ.)
19. Blishch, N.L. A.M. *Remizov i russkaya literatura XIX–XX vekov: recepciya, refleksiya, avtorefleksiya* [A.M. Remizov and Russian Literature of the 19th–20th Centuries: Reception, Reflection, Autoreflexion]. Minsk, 2013. 191 p. (In Russ.)
20. Zholkovsky, A.K. *Bluzhdayushchie sny i drugie raboty* [Wandering Dreams and Other Works]. Moscow, 1994. 428 p. (In Russ.)
21. Zholkovsky, A.K. *Ostorozhno, trenozhnik!* [Careful, Tripod!]. Moscow, 2010. 494 p. (In Russ.)
22. Dahl, V.I. *Tolkovyj slovar zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 Vols]. Moscow, 2003. Vol. 1. 699 p. (In Russ.)
23. Bykov, D.L. *Zyivye i myortvye* [The Living and the Dead]. URL: <https://gzt.ru/column/dmitrii-bykov/272380.html> (In Russ.)
24. Percov, N.V. *O fenomene demifologizacii klassikov v sovremennoj kulture (v svyazi s “detskoj rezvostyu” dvuh pochtennyh professorov)* [On the Phenomenon of Demythologization of Classics in Modern Culture

- (in Connection with the “Childish Frolic” of Two Venerable Professors)]. *Tvorchestvo Velimira Hlebnikova i russkaya literatura XX veka: poetika, tekstologiya, tradicii* [The Work of Velimir Khlebnikov and Russian Literature of the 20th Century: Poetics, Textual Studies, Traditions]. Astrakhan, 2008. 340 p. (In Russ.)
25. Zholkovsky, A.K. *Mihail Zoshchenko: poetika nedoveriya* [Mikhail Zoshchenko: Poetics of Distrust]. Moscow, 1999. 391 p. (In Russ.)
26. Zholkovsky, A.K. *Erosiped i drugie vinjetki* [Erosiped and Other Vignettes]. Tomsk, Moscow, 2003. 624 p. (In Russ.)
27. Zholkovsky, A.K. “*Iz novejshih odobryalsya nesomnenno odin Turgenev...*” (*K teme I.S. Turgenev i N.S. Leskov*) [“Of the Newest, One Turgenev Was Undoubtedly Approved...” (To the Topic of I.S. Turgenev and N.S. Leskov)]. *Na rubezhe dvuh stoletij. Sbornik v chest 60-letiya Aleksandra Vasilievicha Lavrova* [At the Turn of Two Centuries. Collection in Honor of the 60th Anniversary of Alexander Vasilyevich Lavrov]. Moscow, 2009, pp. 266–281. (In Russ.)
28. Remizov, A.M. *Turgenev-snovidec* [Turgenev the Dreamer]. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenij v 10 t. T. 7. Ahru* [Collected Works in 10 Vols. Vol. 7]. Moscow, 2000, pp. 261–265. (In Russ.)
29. Eikhenbaum, B.M. *Artistizm Turgeneva* [Artistry of Turgenev]. Eikhenbaum, B.M. *Moj vremennik. Marshrut v bessmertie* [My Temporary. Route to Immortality]. Moscow, 2001, pp. 90–96. (In Russ.)
30. Ostrovsky, A.G. *Turgenev v zapisyah sovremennikov* [Turgenev in the Records of Contemporaries]. Leningrad, 1929. 445 p. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 1 сентября 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 19 сентября 2022 г.
Статья принята к публикации: 15 октября 2022 г.
Дата публикации: 31 декабря 2022 г.*

*Received by Editor on September 1, 2022
Revised on September 19, 2022
Accepted on October 15, 2022
Date of publication: December 31, 2022*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800023673-6

Неизвестная статья Б. А. Садовского “Философия брака”: пушкинский контекст

© 2022 г. Ю. А. Изумрудов

Кандидат филологических наук,
доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603000, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37
izumrud.nnov@mail.ru

Резюме. Вводится в научный оборот неопубликованная статья Б.А. Садовского “Философия брака”, написанная в 1923 г., в очень трудный для автора послереволюционный период, и раскрывающая его представление о сущности и составляемых счастливого брака. Определяющий тезис статьи о том, что из всех личностных достоинств женщины, вступающей в супружество, самым ценным является такт. И в этом отношении идеал жены, по Садовскому, Татьяна из романа “Евгений Онегин”. Анализ метатекстовых связей статьи с привлечением биографического фактора дает основания сделать вывод, что образ пушкинской героини концептуально важен в плане как эстетических, так и житейских приоритетов автора. В качестве материала для анализа статьи привлечены, в частности, неизвестные исследователям письма В.П. Уваровой к Садовскому, отношения с которой стали одним из стимулов к написанию “Философии брака”.

Ключевые слова: Б.А. Садовской, “Философия брака”, А.С. Пушкин, Евгений Онегин, Татьяна Ларина, В.П. Уварова.

Для цитирования: Изумрудов Ю.А. Неизвестная статья Б.А. Садовского “Философия брака”: пушкинский контекст // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 44–52. DOI: 10.31857/S160578800023673-6

Unknown Article by B. A. Sadovsky “Philosophy of Marriage”: the Pushkinian Context

© 2022 Yuriy A. Izumrudov

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the N.I. Lobachevsky
Nizhny Novgorod State University,
37 Bolshaya Pokrovskaya Str., Nizhny Novgorod, 603000, Russia
izumrud.nnov@mail.ru

Abstract. This publication attempts to draw wide scholarly attention to an unpublished article by B.A. Sadovsky entitled “Philosophy of Marriage”. Written in 1923, in a very difficult for the author post-revolutionary period, it reveals his idea of the essence and components of a happy marriage. The defining thesis of the article is that tact is the most valuable of all the personal virtues of a woman entering into marriage. In this regard, the ideal wife, according to Sadovsky, is Tatyana from Pushkin’s “Eugene Onegin”. An analysis of the metatextual connections of the article along with the biographical factor gives reason to conclude that the image of Pushkin’s heroine is conceptually important in terms of both aesthetic and everyday priorities of the author. To assist in the analysis of the text, letters from V.P. Uvarova to Sadovsky were used. Their relationship became one of the incentives for writing the “Philosophy of Marriage”.

Key words: B.A. Sadovsky, “Philosophy of marriage”, A.S. Pushkin, Eugene Onegin, Tatyana Larina, V.P. Uvarova.

For citation: Izumrudov, Yu.A. Neizvestnaya statya B.A. Sadovskogo “Filosofiya braka”: pushkinskij kontekst [Unknown Article by B.A. Sadovsky “Philosophy of Marriage”: the Pushkinian Context]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 6, pp. 44–52. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800023673-6

В соответствии с планами подготовки научного собрания сочинений Б.А. Садовского нами проводится работа по выявлению и систематизации его неизвестных текстов. Некоторые из них мы уже опубликовали в ряде изданий: в “Болдинских чтениях”, “Вестнике ННГУ им. Н.И. Лобачевского”, журнале “Палимпсест”. Все это очень разные произведения — по жанру, тематике, но у них есть важное сближающее качество — пушкинский аспект (обращение к образности и мотивам творчества великого поэта)¹. Характерен он и для статьи, о которой пойдет речь в данной работе².

Статья (а датирована она декабрем 1923 года) приходится на тяжкий, трагичнейший период жизни автора. Давняя хроническая болезнь как исход его неупорядоченного в моральном отношении богемного московского бытия осложнилась парализацией, приковала к инвалидному креслу. Не было рядом единственного, самого близкого человека... Духовно чуждая жена, с которой были разорваны все отношения, лишила его возможности общения с обожаемым сыном, его главной надеждой, его оправданием перед Всевышним (как потом выяснится, сын вместе с матерью пропадут без вести где-то в охваченном гражданской войной Крыму)... И в этих условиях статья стала своеобразной попыткой в философском

ключе постигнуть законы прочного семейного союза, разобраться в себе самом и ответить на сокровенный вопрос, а как быть *сердечно зорким*, чтобы обрести верную и преданную спутницу жизни, способную уберечь его от экзистенциального одиночества, дать личное счастье и вернуть к творчеству.

В статье проявился излюбленный прием Садовского при его обращении к самым разным аспектам истории, культуры, быта — эстетизация. Для аргументации своих выводов автор в той или иной степени апеллирует к Шекспиру, Гомеру, Гоголю, Данте, Крылову, Достоевскому, Льву и Алексею Константиновичу Толстым, Чехову... Но более всего примеров из Пушкина. Через него подается и завершающий, обобщающий тезис.

Садовской начинает свою статью с такого посыла: «Всякая философия имеет основой логическое суждение. Философ обязан быть мудрецом. Между тем брак в громадном большинстве случаев является следствием любви, отрицающей, как известно, логику и здравый смысл. Влюбленный человек есть сумасшедший, душевнобольной и место его в лечебнице. Вопрос: допустим ли в этом случае философский метод и не кроется ли в самом понятии “философия брака” безнадежного противоречия?»³. На поставленный вопрос автор отвечает утвердительно: да, философский метод в отношении брака допустим, более того, именно он является условием семейного счастья. Слагаемые этого философского брачного метода следующие: «Во-первых, брак по любви никогда не может считаться идеалом брака и видеть в нём единственный смысл законных союзов есть ни на чем не основанное заблуждение. Во-вторых, философом имеет право быть всякий умеющий думать в то время, “когда не думает никто”. <...> Как бы пламенно ни был влюблён жених и как бы идеальны ни были его чувства, все же он если не спросит, то хотя бы подумает о приданом невесты — а раз это так, он уже не сумасшедший, а философ, способный стать на разумную точку зрения. В-третьих, любовь и брак со времён Соломона и Гомера окутаны таким густым облаком поэтической лжи, что только путём

¹ Важным будет отметить, что пушкинская тема в творчестве Садовского представляет большой интерес для исследователей. Одна из первых работ в этом плане — статья признанного авторитета в изучении творчества Садовского С.В. Шумихина “Практика пушкинизма” [1]. Статья глубокая, системная, основательная, приоткрывающая многие грани литературной деятельности Садовского. Однако она посвящена в основном историко-архивным вопросам. Что же касается собственно литературоведческого подхода к теме, следует выделить работы нижегородских ученых В.Ю. Белоноговой, Г.Л. Гуменной, С.Н. Пяткина. Так, С.Н. Пяткин формулирует концептуальный тезис, который может быть маяком для исследователей, ставящих своей целью постижение тенденций творческого самоопределения Садовского: «Пушкинское имя, олицетворяющее собой “золотой век”, является своего рода идейно-эстетическим центром художественного мира Садовского» [2, с. 62]. Посвящен означенной теме и ряд наших работ [3]; [4]; [5]; [6]. Обобщая, подчеркнем: пушкинская тема в творчестве Садовского — перспективная тема, и она нуждается в дальнейшей проработке, в частности с привлечением его архивных текстов.

² Садовской Б.А. Философия брака // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 69–83.

³ Там же. Л. 69.

беспристрастного логического мышления можно определить их настоящую сущность»⁴.

Далее Садовской формулирует тезис, собственно и объясняющий существование философии брака как таковой: “Как бы ни решался женский вопрос, одно несомненно: во всяком браке выбирает всегда мужчина. Поэтому говорить о философии брака с ее практическим выводом возможно лишь ставя на жениховскую точку зрения”⁵. А с нее, с этой точки зрения, видится следующее: “При выборе жены различать надо в ней шесть достоинств: — два ценных, но временных и бесполезных для брака <молодость и красота>, два постоянных, но малоценных <ум и характер>, одно мнимое <богатство> и одно настоящее, способное в браке заменить все остальное <такт>”⁶. И Садовской предлагает читателю “беспристрастно” рассмотреть эти достоинства. Изложим здесь его доводы, делая акцент именно на пушкинских примерах. Но прежде предупредим читателя: автор в своих суждениях резок и даже безапелляционен, порой впадает в крайности. Но уж тут, как говорится, что есть, то есть. Это *позиция*, и ее должно принять и понять, чтоб представлять умонастроение недавнего участника столичного Серебряного века, а теперь нижегородского затворника, фанатично непреклонного монархиста, консерватора.

В частности, о таком заявленном выше достоинстве женщины, как ум, Садовской пишет следующее: “Женский ум совсем не то, что мужской. Это или инстинктивная животная хитрость, или сухая способность к усвоению книжных истин. Область житейской мудрости для женщин закрыта. Творчества женщины не знают, критической способности у них нет. Художественное чутье или отсутствует, или выражено слабо. Инициативы никакой. <...> Прежде всего женский ум страшно сух и узок. Лишенный крыльев, он может только шагать и то по узкой дорожке. Вот почему бывают женщины математики, филологи, врачи, но нет философов и поэтов. Поэтессы и беллетристки не в счёт: это все золотая середина. <...> Женщины лишены не только гения, но и простейших талантов. Они могут лишь рабски подражать мужчинам и следовать за ними по готовым старым путям. <...> В своих религиозных и политических взглядах женщины тверже и консервативнее мужчин, но отнюдь не по убеждению, а от неспособности отвергнуть заученные однажды

чужие мнения. Не умея анализировать явления, женщина вечно стремится их обобщать. Упорство в защите необоснованных синтезов — так определяется женский ум”⁷.

И в подкрепление своих мыслей Садовской цитирует строки из третьей главы пушкинского романа “Евгений Онегин”: “Не дай мне Бог сойтись на бале / Иль при разъезде на крыльце / С семинаристом в желтой шале / Иль с академиком в чепце” [7, с. 65] (в тексте Садовского вместо пушкинского “шале” — “шали”). И далее идет своеобразный комментарий к этим строкам: “Вообразите такого академика в семье, за домашним столом, в минуты отдыха и забавы, на брачной постели, на прогулке, среди знакомых. Представьте суждения его о прочитанной книге, о новых картинах, о музыке, о политике, о науке. Слышать все это от женщины с некрасивым сухим лицом, с мужскими манерами, в безвкусном платье, пожалуй, еще с папиросой и в очках; сознавать, что во всей этой болтовне нет ни одного живого слова, ни одной собственной мысли, — нет! лучше жить с учёным попугаем, чем с умной женой. Попугаю по крайней мере можно не отвечать”⁸.

Логика цитирования “Евгения Онегина” в данном контексте дает нам основания предположить, что Садовской также имел в виду и следующие рассуждения Пушкина о женщинах в статье “Отрывки из писем, мысли и замечания”: “Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймёт стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самую раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к её гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстраивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки...” [8, с. 16]. Перекличка очевидна. (И кстати будет заметить: статья эта публиковалась в один год с третьей главой “Онегина”).

Насчет “богатства” Садовской, в частности, пишет: “Это качество, мнимое в полном значении слова, в брачной практике играет важную, вполне реальную роль. При блеске и звоне золота достоинства жены кажутся несомненными, а

⁴ Там же. Л. 69–70.

⁵ Там же. Л. 71.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 75–76.

⁸ Там же. Л. 76–77.

недостатки терпимыми. Золотой дождь утучняет ниву семейного счастья. По-видимому, богатая невеста имеет право быть разборчивой, но это самообман. Она находится в положении лисицы, выбирающей охотника, который ее застрелит. Если невеста неглупа, она превосходно видит, что женихи охотятся не за ней, а за ее приданым. Сознавая это, девушка нетерпеливо ждёт достойного избранника, заслуживающего взять приз. Вот почему богатые невесты часто выходят за нищих художников и учёных. Ими руководит благородная цель: развить и поддержать талант, не говоря о любви, этим талантом внушаемой"⁹. И Садовской так иллюстрирует данный тезис: "Если бы жена Пушкина была богата, поэта ждал бы иной конец"¹⁰.

В определенной мере отзвук этой мысли Садовского слышится нам в другой его статье "Святая реакция", писавшейся в 1921 году, как раз в преддверии складывания его брачной философии: "Почему обижался Пушкин на камер-юнкерство? Только потому, что находил это звание для себя слишком малым. А сделай государь его гофмейстером, он был бы счастлив и горд" [9, с. 435], — а также и в пришедшейся на это же время переписке с двоюродным братом А.А. Блока Г.П. Блоком (отразившей некоторые послы указанной философии), который так отвечал своему корреспонденту: "Вы правду сказали, что Пушкин с удовольствием принял бы гофмейстерство, все самоутверждался" [10, с. 104].

И наконец, в завершение и обобщение статьи "Философия брака" — рассуждения о такте, "единственном и ценнейшем достоинстве женщины", что "не поддается точному определению":

Самое слово такт есть только условный знак, подобный алгебраическому иксу, зато под него можно всегда подставить целый ряд положительных величин. Молодость, красота, ум, характер, добродетель, стыдливость, целомудрие, благородство, порядочность и множество других женских достоинств — все это вместе и покрывается понятием такта и входит в него. Такт есть женственность в высочайшей степени. <...> Женщина, обладающая тактом, ничуть не умней и не красивей других. Вся ее особенность только в том, что она не может не быть собой, как не могли не быть собой Шекспир и Гёте. Такт есть гений женщины, и в жизни он встречается так же редко, как творческий мужской гений.

Обаяние этого гения всесильно. Он доводит все лучшие свойства женщины до их предельного совершенства. С ним во всяком месте при всех возможных условиях женщина всегда пребудет на высоте.

⁹ Там же. Л. 79–80.

¹⁰ Там же. Л. 80.

Это не ум, не находчивость и даже не такт в узком смысле: это совсем особое чисто женское свойство, святая соль жизни, без которой мужская сила — пресное молоко. Без него не было бы ни рыцарей, ни искусства, ни красоты.

От Вечной Женственности мы ждём спасения мира.

На фоне брака женственный такт ярко выделяет фигуру мужа, усиливая его достоинства и недостатки. Это делается не по желанию жены, часто даже помимо ее воли: так солнце не может не освещать земли.

Если владеющая тактом жена молода, она ведёт себя так, что молодость ее, никого не оскорбляя, кажется тем, чем ей и следует быть: случайным и преходящим качеством.

Если красива, она так держит себя, что красоты ее никто не видит, кроме мужа, а посторонним мужчинам в голову не приходит, что за ней можно ухаживать. Она постоянно вне подозрений¹¹.

И тут Садовской горестно восклицает: "О, если бы жена Пушкина одарена была тактом!"¹². Читателю внушается: отсутствие в жене Пушкина такта, женственного гения, созидającego семейный уют, подчеркивающего достоинства мужа и затеняющего его недостатки, предопределило жизненную трагедию поэта. Об этом с предельной категоричностью — в той же "Святой реакции": «В "Гавриилиаде" Пушкиным осмеян Иосиф, обручник Богоматери. Поэт насмешливо просит у него "беспечности, смирения, терпения, спокойного сна, уверенности в жене, мира в семействе и любви к ближнему". Тогда еще он не подозревал всей ценности этих скромных благ. Из них ему как есть ничего не досталось, но этого мало; жена невинна, — а он — патентованный роносец. Так хитрый сатана разыграл над своим поэтом тему "Гавриилиады"» [9, с. 434–435].

Но вернемся к статье "Философия брака", ибо далее — самое главное в ней, ради чего, собственно, она и написана. Подчеркивая, что "женственность сама по себе еще не есть такт и далеко не всякая женственная жена тактична", Садовской вводит в контекст своих рассуждений образ Татьяны Лариной из "Евгения Онегина". Именно любимая героиня Пушкина, понимает наш автор, является воплощением подлинного такта в женщине, а, увы, не его нареченная супруга, "Мадонна", "чистейший прелести чистейший образец" [11, с. 296]; поэт погнался за внешней красотой, эфемерностью, и прошел мимо иного, истинного. Неслучайно такие вот слова вложил Садовской в уста исповедующейся после смерти мужа Натальи Николаевны Пушкиной в стихотворении 1917 года:

¹¹ Там же. Л. 80–82.

¹² Там же. Л. 82.

С рожденья предал
 Меня Господь:
 Души мне не дал,
 А только плоть.
 Певец влюбленный
 Сошел ко мне
 И, опаленный,
 Упал в огне. [12, с. 108]

По глубококому убеждению Садовского, пушкинская Татьяна — идеал жены. “...Она абсолютно женственна, и по сравнению с нею легко видеть относительность женственности в смысле простого качества. Татьяна во всех случаях жизни ведёт себя безупречно и с честью выходит из поединка с Онегиным”¹³. Садовской сопоставляет ее с героинями произведений Л.Н. Толстого и А.П. Чехова и подчеркивает ее нравственное превосходство:

В Анне Карениной тоже есть женственность, но отсутствует такт. Поступки ее и смерть доказали это. Анна не умна, хотя читает и следит за литературой. Татьяна вряд ли что читала, кроме Ричардсона и Мартина Задеки, особых способностей у неё незаметно, а между тем чувствуешь, что она очень умна. Этот неосозаемый женский ум Татьяны и есть настоящий такт.

Анна Каренина искусственно избегает деторождения. У Татьяны нет детей, но здесь только подлецу или идиоту может явиться подозрение. Анна курит: ей это идёт, но вообразите Татьяну с папиросой!

Женственна и Чеховская Ариадна, но кто же пожелает иметь такую жену?¹⁴

Уроки судьбы пушкинской Татьяны, ее женственный гений диктуют Садовскому такой вывод его философско-брачной теории: “Одним словом, супруг тактичной жены искренно сознает себя обладателем юнейшей, красивейшей, умнейшей и добродетельнейшей женщины. С тактичной женой богатство не нужно: при ней будет рай и в шалаше. Итак, идеал семейного счастья найден; что и требовалось доказать”¹⁵.

* * *

Обращение к образу пушкинской Татьяны в статье Садовского не есть лишь аргумент для философского теоретизирования по случаю. Он весьма важен в плане как эстетических, так и житейских ценностей автора. Сделаем экскурс в его творческую биографию. В собрании его лирики есть стихотворение с символическим названием “Татьяна” (одно из лучших в его творчестве), посвященное его давней, еще с гимназических лет, близкой знакомой Ольге Чубаровой. Здесь автор переосмыслил свои взаимоотношения с адресатом в духе онегинского сюжета:

Но чаще в облаке мечтаний
 Иной являешься мне ты,
 И милой Тани, бедной Тани
 Я узнаю в тебе черты.
 <...>

А твой бездушный друг Евгений
 Стал жертвой пошлой суеты.
 Он чужд глубоких вдохновений,
 Его спасти бессильна ты.

Кто знает, может быть, влюбленный,
 Он ждет, что ты простишь его.
 Безумец жалкий, ослепленный,
 Бежавший счастья своего? [13, с. 438]

Некогда Онегин, в свою деревенскую встречу со “смирненной девочкой” Таней, в ней “искру нежности заметя”, “ей поверить не посмел” [7, с. 169]. Так и Садовской оказался не зорким сердцем: не смог разглядеть в свои лучшие годы в умной, “пылкою душой” [13, с. 428] гимназистке Чубаровой свою судьбу — и личное счастье не состоялось, и вся жизнь пошла наперекосяк...

Помимо стихотворения “Татьяна”, означенный онегинский сюжет прочитывается также и в исполненной автобиографических реалий пьесе-мелодраме Садовского “Мальтийский рыцарь” (которую нам выпала честь впервые опубликовать [14]) — в истории взаимоотношений ее персонажей — Федора Лукоянова и его невесты Оленьки. Но только сюжет этот здесь уже «дан в своеобразной косвенной форме, по сути лишь на уровне настроения. И он как бы повернутый вспять, к истоку своему, предрекающему принципиально иное разрешение. И естественно, лишенный уже традиционной трагичности, что диктовалось условиями мелодраматического жанра; неслучайно представление “Мальтийского рыцаря” прошло на кабаретной сцене Петербурга» [6, с. 303].

В написанной онегинской строфой ранней шуточной поэме “Вениамин Терновский”, проходящей на первый год сотрудничества в брюсовских “Весах”, выведен пародийный образ нижегородской гимназистки Катеньки Крюковой, лишенной женственного такта, и он ассоциативно воспринимается как антипод Татьяны Лариной, подчеркивая тем самым гармоничность и величие пушкинской героини, немеркнувшую актуальность ее, как идеала, во все времена.

Укажем на еще один пример отражения образности пушкинского романа в творчестве Садовского — уже в его художественной прозе. Так, герой одной из повестей начала 1910-х годов, включившей автобиографическое начало, имеет репутацию в обществе *господин Онегин*. И этот *Онегин* — alter ego автора.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 82–83.

¹⁵ Там же. Л. 83.

В соответствии с житнетворческими принципами культуры модерна (а к ней всецело принадлежал наш автор) столь значимый для Садовского онегинский сюжет экстраполировался и в его житейскую биографию — в концепцию собственного образа, в круг общения... Заслуживает, в частности, быть отмеченным следующий факт. На женитьбу своего друга-земляка пушкиниста Мстислава Цявловского на Татьяне Зенгер Садовской откликнулся эпиталамой (символически датированной "19 Окт. 1930"):

Вослед влюбленному Мазепе,
Святынь словесных страж седой,
Ты в дебри книжные и степи
Укрылся с девою молодой.
Самонадеянный Евгений
Пал, как подстреленный орел,
А ты в тиши вечерних теней
Татьяну светлую обрел.
Так пусть же буйной вешней силой
Овеет вас Цитеры сад,
Проказник мотыльковокрылый
Да будет вечный ваш Пенат. [1, с. 164]

Имя *Татьяна* здесь звучит как предвестие счастливого семейного союза. И Садовскому важен этот акцент. И неслучайно в дальнейших письмах Цявловскому он непременно будет вспоминать его жену Татьяну: *кланяться ей, передавать привет, целовать ручки*. (И кстати, в связи с этим, обмолвиться: не исключено, что несколькими годами ранее, выбирая уже себе в жены также Татьяну — Татьяну Звенигородскую, сестру поэта-земляка Андрея Звенигородского, Садовской, при прочих обстоятельствах, мог исходить и из магии дорогого ему имени. Правда, счастья ему это не принесло: из-за завышенных ожиданий, да и, наверное, из-за чрезмерной привязки брачной теории к реальности...)

У Садовского была склонность характеризовать знакомых ему женщин через сопоставление с пушкинской Татьяной, — и симпатизируемые им по духу одаривались соответствующим изящным комплиментом. Вот, к примеру, какой инскрипт сделал наш автор на самой знаменитой своей книге "Самовар" (1914), преподнося ее сестре поэта Г.И. Чулкова:

Идеальной Любви Ивановне Рыбаковой, в знак неизменного поклонения. *Б. Садовской. 27 марта 1914. М. <Москва>*

Когда бы Пушкин видел Вас,
Он верно б с Вас писал Татьяну.

Б.С. [15, с. 31]¹⁶

¹⁶ Эта книга не так давно выставлялась на одном из аукционов Москвы.

Упоминавшуюся выше репутацию *господин Онегин* своего литературного героя Садовской культивировал и поддерживал в обыденном поведении (когда бессознательно, как близкий и родственник ему психологический тип, а когда и целеустремленно, с твердой решимостью). Одним из выражений этого были заказываемые им в столичном фотоателье его стилизационные фотокарточки. "...Есть такие, где я схож с оперным Онегиным" [13, с. 451], — писал он в октябре 1914-го Ольге Чубаровой, своей "воплощенной совети", "подруге муз" [16, с. 454]. Одну из своих онегинских карточек, правда, уже иной тональности, но также с "боливаром"-цилиндром, Садовской послал А.А. Блоку, пред которым, как художником, благоговел, в котором видел воплощение моцартовского начала искусства, — послал как некую самохарактеристику, своего рода исповедь. И Блок понял душевный порыв своего корреспондента, его неудовлетворенность судьбой, затаенную тревогу. И с полной искренностью, соучастием ответил: "...портрет хороший; только на нем Вы печальный и больной; смотря на него, я чувствовал к Вам нежность" [17, с. 313].

В связи с вышеизложенным вспомним и еще одного современника Садовского С.Н. Дурылина. В его насыщенных богатейшей информацией мемуарах "В своем углу" есть интереснейшее свидетельство, приуроченное к 1912 году, о том, каким ему однажды увиделся Садовской: «Когда я вошел в помещение "Эстетики" ("Общества свободной эстетики". — *Ю. И.*) <...>, первый, кого я увидел из знакомых, был Борис Садовский в сюртуке, в лаковых штиблетах, тонкий, изящный, обритый наголо, — немножко персонаж <...> с того бала, на котором Онегин увидел Татьяну» [18, с. 785].

Здесь Садовской — словно бы сошедший с его *онегинской* фотокарточки... Добавим также, что Дурылин немало писал о Садовском, хорошо знал и понимал его, ценил как яркую и оригинальную личность ("Б. Садовский — умный и острый" [18, с. 606]). И неизменно подчеркивал основополагающую значимость для него — литератора и человека — пушкинского творческого наследия ("Его богом был Пушкин" [19, с. 388]). А в своем стихотворном портрете его как характерную деталь выделил следующую черту:

В руках — в оливковом сафьяне
"Онегина" любимый том¹⁷.

¹⁷ Дурылин С.Н. Б.А. Садовскому // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 3. Ед. хр. 259. Л. 21.

И еще факт. Упомянувшийся уже Г.П. Блок по поручению Садовского посетил жившую в Петрограде давнюю знакомую последнего, Веру Петровну Уварову, отношения с которой стали одним из побудительных стимулов написания статьи “Философия брака”. И в подробном отчете об этой встрече особо отметил: “Показывали Ваши фотографии: на стене большая в цилиндре, на столе маленькая — со спины, в профиль. Эта отличная, и мне обидно, что у меня ее нет. Что-то в скулах, в челюстях, в общем устремлении — Пушкинское” [10, с. 104]. Опять *онегинский* образ...

Архивные документы открыли нам, сколь дороги были эти фотографии для Веры Петровны, любившей Садовского в нижегородскую гимназическую пору. И сколь много тревожных дум передумала она, теперешняя, в своей незадавшейся женской доле, о предложении Бориса Александровича, больного, нуждавшегося в уходе, выйти за него замуж. Согласие было ею дано. Но, увы, все в итоге обернулось, как и случае с Татьяной Звенигородской: рационалистическая *философия брака* снова пошла вразрез с реальной жизнью. Прав оказался Г.П. Блок, предупреждавший Садовского: «...все это у Вас от “головы”, от теории» [10, с. 104].

Но как бы то ни было, удалось-таки Садовскому, при всех ошибках, горестях, при всех, по выражению того же Г.П. Блока, “благоразумных рассуждениях” [10, с. 104], обрести *свою Татьяну*, ту единственную женщину, что явилась для него олицетворением истинного, возводимого им в абсолют такта. Ею стала Надежда Ивановна Воскобойникова, вдова казачьего офицера. Она была оригинальной личностью, прирожденного авантюристического склада, склонная к просто немислимым для обычных людей поступкам, но постаралась все отринуть, забыть — по сути самое “я” и посвятить свою жизнь, силы, способности Борису Александровичу, раз и навсегда решив, что в их семейном союзе он — первое и главное лицо, а она — лишь при нем, чтоб дать ему счастье. И он получил все, в чем нуждался: уют, покой, взаимопонимание, условия для занятий главным своим делом — литературным творчеством. И мог с полным основанием в посвященном жене стихотворении заявить:

Как блудный сын на зов отеческий,
И я в одиннадцатый час
Вернулся к жизни человеческой... [12, с. 140]

* * *

Под приведенным выше суждением Дурылина о Садовском — “его богом был Пушкин” — могли

бы подписаться многие из знавших нашего автора. Пушкинская тема была одной из магистральных в его творчестве. О великом русском поэте Садовской писал в художественной прозе, стихах, драматургии, критике. И имел в литературных кругах амплуа “пушкинианца”¹⁸. Творчество Пушкина было для него эстетическим эталоном, с ним он соразмерял все ценное в искусстве. Но здесь следует оговориться: такое характерно все-таки только для дореволюционного Садовского. После же Октября 1917-го он кардинально меняет свое отношение к Пушкину, “преодолеват” его как ложного кумира ненавистной ему интеллигенции Серебряного века, повинной в гибели монархически-православной России (именно такая концепция будет определять всю последующую литературную деятельность Садовского). Но при всем том неизменным остается его преклонение пред образом Татьяны из романа “Евгений Онегин” как женским идеалом на все времена. И подтверждение этого — представляемая читателю статья “Философия брака”¹⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шумихин С.В.* Практика пушкинизма (1887–1999) // Новое литературное обозрение. 2000. № 41 (1). С. 131–203.
2. *Пяткин С.Н.* Образ Пушкина в прозе Бориса Садовского // Болдинские чтения 2012. Большое Болдино: Государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник А.С. Пушкина “Болдино”, 2012. С. 60–70.
3. *Изумрудов Ю.А.* Неизвестная статья Бориса Садовского “Два канцлера” // Болдинские чтения 2017. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 64–75.
4. *Изумрудов Ю.А.* Неизвестная “онегинская” поэма Бориса Садовского // Болдинские чтения 2018. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 171–179.
5. *Изумрудов Ю.А.* Неизвестный Борис Садовской в архиве М.А. Яхонтовой // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 6. С. 54–59.
6. *Изумрудов Ю.А.* Скрытый онегинский сюжет в пьесе Бориса Садовского “Мальтийский рыцарь” // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 302–304.

¹⁸ *Багриновский М.М.* Предисловие <об истории создания оперы “1812 год”> // РГАЛИ. Ф. 2319. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 5.

¹⁹ Публикация полного текста статьи “Философия брака” готовится нами.

7. Пушкин А.С. Собр. сочинений: В 10 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1960. 598 с.
8. Пушкин А.С. Собр. сочинений: В 10 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1962. 583 с.
9. Садовской Б.А. Лебединые клики. М.: Советский писатель, 1990. 475 с.
10. Влюбленные в Фета: Письма Г.П. Блока к Б.А. Садовскому (1921–1922) // Наше наследие. 2008. № 85. С. 76–115.
11. Пушкин А.С. Собр. сочинений: В 10 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1959. 799 с.
12. Садовской Б.А. Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи. СПб.: Академический проект, 2001. 396 с.
13. Садовской Б.А. Морозные узоры: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2010. 568 с.
14. Изумрудов Ю.А. Из истории драматургических замыслов Бориса Садовского: мелодрама “Мальтийский рыцарь” // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 4. С. 168–202.
15. Аукцион № 46. Автографы и первые издания Серебряного века из частного собрания И.Б. Жванецкого. Каталог. Часть 2. М.: ООО “Аукционный дом Империя”, 2016. 176 с.
16. Анчугова Т.В. “В Москве многое запрятано в глубину” (Борис Садовской и Ольга Шереметева: неизвестные материалы) // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Выпуск 3. М.: Изд-во объединения “Мосгорархив”, 2002. С. 451–471.
17. Переписка А.А. Блока с Б.А. Садовским // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Книга 2. М.: Наука, 1981. С. 309–314.
18. Дурьлин С.Н. В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. 878 с.
19. Книгоиздательство “Мусагет”: История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы. М.: РГГУ, 2014. 528 с.
20. [Boldin Readings 2017]. Nizhnij Novgorod, 2018, pp. 64–75. (In Russ.)
21. Izumrudov, Yu.A. *Neizvestnaya “oneginskaya” poehma Borisa Sadovskogo* [The Unknown “Onegin” Poem of Boris Sadovskoy]. *Boldinskie chteniya 2018* [Boldino Readings 2018]. Nizhnij Novgorod, 2018, pp. 171–179. (In Russ.)
22. Izumrudov, Yu.A. *Neizvestnyj Boris Sadovskoj v arhive M.A. Yakhontovoj* [The unfamiliar Boris Sadovskoy in Marina Yakhontova’s records]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2018, Vol. 77, No. 6, pp. 54–59. (In Russ.)
23. Izumrudov, Yu.A. *Skrytyy oneginskiy syuzhet v pyese Borisa Sadovskogo “Maltiyskiy rytsar”* [The Onegin Plot Hidden in Boris Sadovskoy’s Play “The Knight of Malta”]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education]. 2020, No. 1 (80), pp. 302–304. (In Russ.)
24. Pushkin, A.S. *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 4* [Collected Works in 10 Vols. Vol. 4]. Moscow, 1960. 598 p. (In Russ.)
25. Pushkin, A.S. *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 6* [Collected Works in 10 Vols. Vol. 6]. Moscow, 1962. 583 p. (In Russ.)
26. Sadovskiy, B.A. *Lebediniye kliki* [Swan Calls]. Moscow, 1990. 480 p. (In Russ.)
27. *Vljubljonniye v Feta: Pisma G.P. Bloka B.A. Sadovskomu. 1921–1922* [Fell in Love with Fet: Letters from G.P. Blok to B.A. Sadovskiy. 1921–1922.]. *Nashe nasledie* [Our Heritage]. 2008, No. 85, pp. 76–115 (In Russ.)
28. Pushkin A.S. *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 2* [Collected Works in 10 Vols. Vol. 2]. Moscow, 1959. 799 p. (In Russ.)
29. Sadovskiy, B.A. *Stikhotvoreniya, rasskazy v stikhakh, pyesy i monologi* [Poems, Stories in Verse, Plays and Monologues]. St. Petersburg, 2001. 398 p. (In Russ.)
30. Sadovskiy, B.A. *Moroznyye uzory: Stikhotvoreniya i pisma* [Frosty Patterns: Poems and Letters]. Moscow, 2010. 568 p. (In Russ.)
31. Izumrudov, Yu.A. *Iz istorii dramaturgicheskikh zamyslov Borisa Sadovskogo: Melodrama “Maltiyskiy rytsar”* [From the History of the Dramatic Designs of Boris Sadovskiy: Melodrama “The Knight of Malta”]. *Palimpsest. Literaturovedcheskiy zhurnal* [Palimpsest. Literary Journal], 2019, No. 4, pp. 168–202. (In Russ.)
32. *Aukcion № 46. Avtografi i pervie izdaniya Serebryanogo veka iz chastnogo sobraniya I.B. Zhvaneckogo. Katalog. Chast 2* [Auction No. 46. Autographs and First Editions of the Silver Age from the Private Collection of I.B. Zhvanetskiy. Catalog. Part 2]. Moscow, 2016. 176 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Shumikhin, S.V. *Praktira pushkinizma* [The Practice of Pushkinism (1887–1999)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2000, No. 41 (1), pp. 131–203. (In Russ.)
2. Pyatkin, S.N. *Obraz Pushkina v proze Borisa Sadovskogo* [The Image of Pushkin in Prose of Boris Sadovskoy]. *Boldinskie chteniya 2012* [Boldino Readings 2012]. Bolshoe Boldino, 2012, pp. 60–70. (In Russ.)
3. Izumrudov, Yu.A. *Neizvestnaya statya Borisa Sadovskogo “Dva kantslera”* [“Two Chancellors”: The Unknown Article by Boris Sadovskoy]. *Boldinskie chteniya 2017*

16. Anchugova, T.V. “*V Moskve mnogo zapryatano v glubinu*” (*Boris Sadovskoj i Ol’ga Sheremeteva: neizvestnye materialy*) [“In Moscow, Much is Hidden in the Depths” (Boris Sadovsky and Olga Sheremeteva: Unknown Materials)]. *Moskovskij arhiv. Istoriko-kraevedcheskij al’manah. Vypusk 3* [Moscow Archive. Historical and Local History Almanac. Issue 3]. Moscow, 2002, pp. 451–471. (In Russ.)
17. *Perepiska A.A. Bloka s B.A. Sadovskim* [The Correspondence between A.A. Blok and B.A. Sadovskoy]. *Literaturnoye nasledstvo. T. 92: Alexandr Blok. Noviye materialy issledovaniya. Kn. 2* [Literary Heritage. Vol. 92: Alexander Blok. The New Research. Book 2]. Moscow, 1981, pp. 309–314. (In Russ.)
18. Durylin, S.N. *V svojem uglu* [In Your Corner]. Moscow, 2006. 879 p. (In Russ.)
19. *Knigoizdatelstvo “Musaget”: Istoriya. Mify. Rezultaty: Issledovaniya i materialy* [“Musaget” Publishing House: History. Myths. Results: Research and Materials]. Moscow, 2014. 526 p. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 1 августа 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 23 сентября 2022 г.
Статья принята к публикации: 15 октября 2022 г.
Дата публикации: 31 декабря 2022 г.*

*Received by Editor on August 1, 2022
Revised on September 23, 2022
Accepted on October 15, 2022
Date of publication: December 31, 2022*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800023669-1

О заглавиях басен, или Кто главный в поэтическом мире графа Хвостова

© 2022 г. О. Л. Довгий

Доктор филологических наук,
старший научный сотрудник факультета журналистики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1
olga-dovgy@yandex.ru

Резюме. Статья продолжает серию публикаций автора о поэтике графа Д.И. Хвостова и посвящена заглавиям самой знаменитой хвостовской книги («Притчи», 1802 г.). Заглавия рассмотрены как важный элемент паратекста, как стройная система, органически связанная с остальными уровнями поэтического мира книги. Оглавление интерпретировано как ключ, который автор сразу предлагает читателю с целью дать общее представление о художественном мире книги и разделить «чтецов» на «своих» и «не своих». Статья состоит из двух частей. В первой заглавия, построенные по номинативному принципу, осмыслены как макрокосм и микрокосм, в их взаимных отражениях. Представлен опыт микрофилологической классификации заглавий, выявлены основные семантические группы (люди, звери, растения, природные явления, географические объекты, мифология) и подгруппы внутри каждого раздела (например, у людей – профессия, возраст, родство, физическое состояние и т.д.), ключевые оппозиции; отмечено отражение в заглавиях «любимых» хвостовских приемов (четыре комбинаторные операции, игры грамматики). Во второй части статьи представлен грамматический персонаж, активно вмешивающийся в стройную систему классификации заглавий и задающий собственные законы соединения элементов этой системы – союз «и». Непрерывная комбинаторная игра, полиперспективизм роднит хвостовский поэтический мир с миром эмблематики.

Ключевые слова: Д.И. Хвостов, притчи, заглавия, союз «и», эмблематика.

Для цитирования: Довгий О.Л. О заглавиях басен, или Кто главный в поэтическом мире графа Хвостова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 53–60. DOI: 10.31857/S160578800023669-1

On Headings of Paroemias: or Who is the Principal in Khvostov's Poetical World

© 2022 Olga L. Dovgy

Doct. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the Faculty of Journalism
of the M.V. Lomonosov Moscow State University,
9 Bld. 1 Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russia
olga-dovgy@yandex.ru

Abstract. The article continues the series of author's publications on Count D.I. Khvostov's poetics and deals with the headings of the most famous Khvostov's book («Paroemi» of 1802). The titles are considered as an important element of the paratext, as a coherent system, organically connected with the other levels of the poetic world of the book. The table of contents is interpreted as a key that the author offers to the reader in order to give a general idea of the poetical world of the book and to divide the readers into «his

own” (“congenial”) and “not his own” (“the other”). The article consists of two parts. In the first one, the titles, constructed according to the nominative principle, are comprehended as macrocosm and microcosm, in their mutual reflections. The experience of microphilological classification of headings is presented, the main semantic groups (people, animals, plants, natural phenomena, geographical objects, mythology) and subgroups within each section (for example, for people – profession, age, kinship, physical condition, etc.), key oppositions are pointed out; the use of “favorite” techniques (four combinatorial operations, grammar games, etc.) in the titles is investigated. The second part of the article presents a grammatical agent, which actively intervenes in the coherent system of classification of titles and sets its own laws for connecting the elements of this system, – the conjunction “and”. Continuous combinatorial play, polyperspectivism makes Khvostov’s poetical world related to the world of emblematics and makes Count Khvostov one of the most emblematic authors.

Key words: D. Khvostov, paroemias, headings, conjunction “and”, emblematics.

For citation: Dovgy, O.L. *O zaglaviyakh basen, ili Kto glavnyj v poeticheskom mire grafa Khvostova* [On Headings of Paroemias: or Who is the Principal in Khvostov’s Poetical World]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 6, pp. 53–60. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800023669-1

В V сатире Кантемира великий Пан посылает своих подданных – лесных сатиров – в город к людям с целью “смеху набраться”. С этой же целью в позапрошлом веке читатели, особенно собраты по перу, обращались к сочинениям графа Хвостова, награждая автора все новыми издательскими “королевскими” прозвищами (“король галиматы”, “король бессмыслицы”, “король графоманов” и т.д.). Больше всего “везло” “Притчам” 1802 года издания [1], где можно прочесть первозданные (еще не подвергшиеся авторской безжалостной правке) варианты басен¹.

Хвостов и сам не жалел иронии для описания своих поэтических опытов:

То, за отборными гоняся словами,
Покрою мысль мою густыми облаками... [2, с. 39]

Читать глагол “покрою” можно двумя способами: 1) “покрою” – случайно, по неумению писать; 2) “покрою” – по своей воле, играя с читателем.

Как театр начинается с вешалки – так книга начинается с оглавления².

На заглавия самой известной хвостовской книги тоже можно посмотреть по-разному. “Муж и Яйца”³, “Разбойники и Осёл”, “Устрица и два Прохожих”, “Нил и Собака”, “Эмпедокл и Туфли”, “Пустынник и Почести”, “Волк порука

за Оленя”, “Фонари и Звезды”, “Фортуна и Шелехи”, “Перун и Желатель” и т.д. – можно увидеть эти заглавия как ворота в царство галиматы; как сигнал, что надо срочно сбыть этот том с рук.

А можно читать заглавия как карту хвостовского мира; искать систему – некие константы и внутренние связи между ними. Можно понимать заглавия как ключ, который сразу дает представление о художественном мире книги, позволяет намечать различные маршруты путешествия по ней; а самое главное – это разделение “чтецов” на “своих” и “не своих”, если пользоваться кантемировским принципом:

Чувствую сам, что тогда в своей воде плавлю
И что чтецов я *своих* зевать не заставлю... [3, с. 112]

Проведем эксперимент: не будем обращаться к самим басням, не будем заглядывать внутрь книги, а остановимся на оглавлении и прочитаем его медленно. Сразу нужно оговорить условия игры. Наш анализ будет основан исключительно на самих заглавиях, которые представляются нам связным текстом. Все наши интерпретационные ходы базируются на презумпции незнания, на остранении первого взгляда: на предположении, что мы никогда не читали ни одной хвостовской басни. При таком подходе заглавия – это верхушки 214 айсбергов, по которым мы попытаемся судить о том, что таится в глубине. Наверное, выводы из нашего умозрительного анализа Хвостова бы очень насмешили. А то и подвигли бы написать новую басню – что-нибудь вроде “Чтец и Басни”.

Тем не менее – обратимся к оглавлению.

Оно занимает целых 7 страниц. Какой “горизонт ожидания” формирует оно у потенциального

¹ Мы будем традиционно называть притчи баснями. В настоящей статье терминологические отличия, которые очень тонко чувствовал сам Хвостов, для нас не важны.

² В том случае, если, как у Хвостова, – оглавление предшествует основному содержанию. Статья написана на основе доклада, сделанного автором на конференции “Заголовочно-финальный комплекс” в апреле 2021 г. в РГГУ.

³ Мы сохраняем хвостовское написание абсолютно всех персонажей с заглавной буквы.

читателя? Весь том делится на четыре книги. Есть ли смысл искать логику и систему в их структуре? Ответ на этот вопрос попробуем сформулировать в конце статьи.

Всего в книге 214 басен: по 55 в “крайних” книгах (первой и четвертой) и по 52 в “центральных”: 55-52-52-55. Перед нами красивый цифровой хизм – скорее спонтанный. Хотя кто знает?

Заглавия всех басен построены по номинальному принципу: все заголовки – это имена персонажей. Принцип сочетания имен в заглавиях – бессоюзное перечисление и соединение с помощью союза “и”. Этот союз – самое частое слово в заглавиях: из 214 басен он встречается в 151.

Если искать какие-то константы в структуре заглавий, то логично предположить, что ими окажутся основные классы персонажей. Например, такие: **люди, звери, растения, вещи, природные явления, географические объекты, небесные тела** – словом, **макрокосм и микрокосм**. Отдельный блок составит **мифология**.

Количество басен в каждом разделе ясно дает увидеть приоритеты Хвостова: меньше всего растений, больше всего – зверей⁴. На втором месте по числу упоминания в заглавиях – люди. Уже по беглому количественному взгляду на заглавия можно сказать, что это книга в большой степени о людях и зверях, об их взаимных отражениях.

А дальше – можно заниматься микрофилологической систематизацией: классифицировать заглавия по самым разным признакам, выделять в каждом разделе группы и подгруппы. Каждое вынесенное в заглавие имя заслуживает внимания уже в силу своего положения как элемент паратекста.

В разделе “**Люди**”, например, увидим такие группы:

Профессии (“Мельник и его Мальчик”, “Дровосек и Смерть”, “Рыбак и Рыбка”, “Разбойники и Осел”, “Разбойники и Омут”, “Пустынник и Почести”, “Ритор и Болван”, “Буря и Вор”, “Табашник и Борей”, “Грабитель”, “Живописец”, “Пьяница и Вор”, “Сапожник и Врач”, “Учитель и Ученик”, “Сапожник и Откупщик”, “Учитель и Садовник”, “Кормчий и Матросы”, “Эскулапий и Больной”, “Пастух Обманщик”, “Звездослов

и Старуха”, “Три Вора”, “Прикашиков ответ”, “Оракул”, “Вор у самого себя”). Здесь много профессий творческих (сочинитель, живописец, оракул, звездослов), много занятий проблемных, с точки зрения закона, – вор, грабитель, разбойники, пьяница.

Возраст (“Старик и Три молодца”, “Старуха и Две служанки”, “Старуха и Зеркала”). Очень много стариков (обоих полов) и много детей; оппозиция по возрасту одна из главных. Древний топос “*puer-senex*” [4, S. 110] у Хвостова разбивается на антитетические части.

Родство, семья (“Муж и яйца”, “Брат и сестра”, “Жених и две невесты”, “Мать и Сын Роскошный”).

Физическое состояние (“Зрячей и Слепой Умница”, “Два Плешивые”, “Безногой и Босой”, “Хромоногий и Находка”). Очень много физически ущербных людей (безногий, хромой, хромоногий, слепой); сравниваются здоровые с увечными и увечные между собой. В чью пользу будет результат? А еще – чем отличается “хромой” от “хромонового”? Может, и ничем – но вопрос в подсознании остается.

Черты характера (“Скупой и Пожар”, “Коварный и Собака”). Уже в заглавиях заявлено присутствие в мире обмана (“Пастух обманщик”).

Среди **зверей** найдем все традиционные зоологические классы (определяемые основным глаголом действия), внутри которых будут свои подгруппы и оппозиции:

ходят – млекопитающие и среди них хищники / травоядные, дикие / домашние;

летают – птицы (Орел, Сорока, Ворона, Соловей, Голуби, Коршуны, Павлин), осы, пчелы;

плавают – рыбы (Щука, Карась, Лещ);

ползают – змеи, пауки, червяки.

Все богатство фауны заявлено в заглавиях.

Среди зверей есть “любимые”, чей жизненный сюжет заглавия обещают в деталях, – например, **Лев** (“Лев на ловле”, “Лев и Невеста”, “Лев и Мышь”, “Лев и Мудрая Змея”, “Лев и его Совет”, “Лев на картине”, “Лев состарившийся”, “Лев и Осел”, “Лев и Клоп”, “Лев и Заяц союзники”, “Лев и Волк”). Безусловно, Лев – это главный хвостовский зверь, к тому же астрологическая сигнатура поэта. Лев есть во всех четырех книгах.

Другой частый персонаж, тоже присутствующий во всех книгах, – **Лиса**. Хвостов почему-то предпочитает более длинное слово – “лисица”: “Лисица и виноград”, “Лисица и Журавль”,

⁴ В силу установившейся в процессе проведения bestiарных конференций в РГГУ и издания bestiарных сборников традиции мы применяем слово “звери” абсолютно ко всем представителям фауны. В терминологии нашей с А.Е. Маховым “bestiарной школы”, и рыбы, и насекомые, и моллюски, и птицы – всё это звери.

“Кривая лисица”, “Лисица и Муха”, “Лисица и лисенок”, “Лисица и Козел”, “Две Лисицы и Судья Волк”, “Лисица и Медведь”.

Третий любимый персонаж — **Осел** (“Разбойники и Осел”, “Осел Звонарь”, “Осел в Львиной коже”, “Осел и Хозяин”, “Осел и Рябина”).

Сила (Лев), хитрость (Лисица), глупость (Осел) — важная триада в мире Хвостова. Эти ключевые звери образуют самые разные пары (часто и друг с другом) — и получают самые невероятные комбинации, выявляются разные оттенки их главных свойств.

Много заглавий, где фигурирует **Змея**. Это тоже любимый персонаж Хвостова. Ее главное качество — мудрость. По заглавию “Лев и Мудрая Змея” можно предположить, что мудрость преподает урок силе (и что Лев, в отличие от Змеи, мудростью не обладает). Но в заглавиях “Мужик и Змея”, “Змея и Пила” имплицитно заявлены и совсем другие свойства змеи — не столь похвальные.

Есть звери, упомянутые всего один раз — как иллюстрация оппозиции “редкое / обычное” (“Подагра и Паук”, “Летучая мышь”, “Сверчок”).

И так с каждым зверем: полиперспективизм (изменение смысла с переменной авторской точки зрения) позволяет выявлять разнообразие их “природ” (говоря языком средневековых bestiaries) и проявление этих “природ” в зависимости от комбинаторной ситуации. Совсем как в эмблематике⁵. Хвостов следует эмблематической традиции разбирать зверей на свойства, на “природы” — и затем из этих “кубиков” составлять постоянно переосмысляемые новые комбинации.

Среди зверей тоже встретим отношения **родства** — чаще всего это оппозиция “родитель / дети” (“Лещ и Лещата”, “Сука и Щенята”, “Лиса и Лисенок”), **определения черт характера** (“Верная Собака”, “Волчица завидливая”, “Лев и Мудрая Змея”). В мире зверей, как и в мире людей, много обмана, часты выступления под чужим обликом (“Ворона в Павлиных перьях”, “Осел в Львиной коже”).

Мир **вещей** тоже разнообразен — “Старуха и Зеркала”, “Факел и Свеча в Фонаре”, “Топор” (заглавий, где фигурирует топор в разных грамматических формах, в книге несколько), “Орел и

Стрела”, “Подушка и Лента”, “Шахматы”, “Птичка и Клетка”.

Есть процессы, события (“Сражение Мышей и Кошек”, “Гора в родах”, “Совет Мышей”, “Странствие в Храм Шастия”), есть игры (“Шахматы”, “Игра карт”). Даже болезнь подагра удостоилась быть вынесенной в заглавие (“Подагра и Паук”).

Чувства и свойства характера присутствуют в заглавиях как в виде олицетворений (“Любовь и Дурачество”), так и в виде определений (иногда субстантивированных) — причем применяются в равной степени к людям и зверям (“Мудрая Змея”, “Волчица завистливая”, “Хвастливая Лягушка”, “Коварный и Собака”, “Два Печальные”, “Верная Собака”).

Мир **природы** представлен тоже очень широко: погодные явления (“Солнце и Молния”, “Туча, Гора и Куча”, “Туча и Два Друга”), природные объекты (“Река и Ручей”, “Разбойники и Омут”, “Волки и Море”, “Озеро и Река”, “Корабль на море и Корабль на реке”), небесные тела (“Летучий Змей и Комета”, “Комета и неподвижная Звезда”, “Солнце и Молния”). Судя по заглавиям, в хвостовском мире нет луны.

И — разумеется — любимая хвостовская **мифология** (причем не только античная) присутствует в заглавиях. Боги и герои заявлены как активные участники действия в хвостовском спектакле (“Юпитер и Звери”, “Аполлон и Сатиры”, “Перун и Желатель”, “Фортуна и Дитя”, “Фортуна и Шелехи”, “Феб и Борей”, “Юпитер и Дача”, “Плутус и Геркулес”, “Табашник и Борей”). Ближе к мифологии подходят и заглавия, где фигурируют реальные деятели далекого прошлого (“Эмпедокл и Туфли”, “Софокл и его Доноситель”, “Сократов дом”, “Сократ и Вдовец”, “Эскулапий и Больной”). Есть и пара, составленная из божества и посвященного ему зверя (“Павлин и Юнона”).

В заглавиях ясно видно, что для Хвостова важна грамматика как инструмент описания мира. Так, нельзя не отметить

различия рода (“Орел и Стрела”, “Орел и Червяк” — “Орлица и Черепаха”, “Орлица, Веприца и Кошка”; “Курица и Петух”);

оппозицию единственного / множественного числа — причем в оппозицию могут быть поставлены как персонажи одного вида в разных баснях (“Жених и две невесты” / “Разборчивая невеста”, “Лев и Невеста”; “Петух и Лисица” / “Два Петуха”), так и в одной басне могут быть сведены разные персонажи — один в единственном, другой во множественном числе (“Старуха и Зеркала”, “Заяц и Собаки”, “Кот в муке и Мыши”, “Разбойники и Осел”).

⁵ О комбинаторных свойствах эмблематики много писал А.Е. Махов; см., например: [5]; [6]. В применении к поэтике графа Хвостова тему связи с эмблематической традицией открыл тот же Махов [7]. Мы по-прежнему считаем, что это лучшее из написанного о поэтике графа Хвостова.

В заглавиях много числительных “два” и “три” (“Два Друга”, “Два Лошака”, “Две Сумы”, “Два Плешивые”, “Старик и Три Молодца”, “Старуха и Две Служанки”). Много ситуаций имманентного выбора – “Жених и Две Невесты”, “Устрица и Два Прохожих”, “Дом и Знатоки” и т.д.

Заглавия обещают: перед нами книга – об отношениях человека и мира, о взаимных отражениях макрокосма и микрокосма. Можно разбирать и классифицировать заглавия по самым разным признакам, все мельче и мельче. При таком углублении видны тонкие внутритекстовые связи. Отметим несколько любимых хвостовских приемов, которые сразу бросаются в глаза.

Установка на антитетичность.

В заглавиях читаются *универсальные оппозиции* (слабый / сильный, город / деревня, хозяин / слуга, женщина / мужчина, старость / молодость, ум / глупость, богатство / нищета, жизнь / смерть и т.д.) – каждая из них тоже может стать потенциальной основой читательского маршрута.

Антитезы образуются по разным признакам – шаблонность мышления сразу подсказывает критерии: отцы и дети (“Лещ и Лещата”, “Сука и Шеняты”, “Лисица и Лисенок”), сила и слабость (“Дуб и Трость”), губитель и жертва (“Волк и Ягненок”, “Рыбак и Рыбка”), жестокость и кротость (“Коршун и Голуби”); оппозиция по месту жительства (“Городская и деревенская Мышь”, “Корабль на море и Корабль на реке”) и т.д.

А есть и скрытые антитезы – их маркером является число “два” в заглавии (“Два Друга”, “Два Лошака”, “Две Змеи”, “Два Волка”, “Две Печальные”, “Два Петуха”, “Два Плешивые”, “Два Голубя”, “Две Сумы”). Читательское ожидание подсказывает, что внутри всех этих пар должны открыться какие-то противоречия. А поскольку пары включают и людей, и зверей, и вещи – мысль о внутренней противоречивости как органическом свойстве всего сущего в подлунном мире приходит сама собой. А Хвостов еще мельче дробит: не только существительные как определенные классы оказываются вовлечены в игру антитез, но и прилагательные как обозначение качеств. “Две Печальные” или “Два Плешивые” притягивают к себе внимание – и заставляют ломать голову, о чем же пойдет речь. А вдруг там не антитеза, а рассказ о подобии? Ничего нельзя узнать – не заглянув внутрь.

Бинарность / триадность.

Кроме эксплицитно выраженной бинарности, есть и триадность: открытая, где Хвостов сводит

представителей как разных классов (“Павлин, Синица и Гусеница”, “Орлица, Веприца и Кошка”, “Хозяин, Перепелка и Рожь” – звери, птицы, насекомые, растения), так и одного (“Старик и Три Молодца” – люди) – и скрытая. Вернее, оппозиция “один / два” (“Жених и Две Невесты”, “Старуха и Две Служанки”, “Устрица и Два Прохожих”), где “двое” явно выступают не как иллюстрация внутренних противоречий, а как единство двух представителей одного класса в споре с “одним”, представителем другого класса. Работает ли здесь оппозиция “свой / чужой”? И если да – то кто оказывается чужим? Тоже по одним заглавиям не понять.

Синекдоха, оппозиция “часть / целое”.

Звери “разбиваются” на части – и части тела выносятся в заглавия (“Заичьи уши”); иногда части тела вступают в оппозицию со всем зверем (“Олень, его Рога и Ноги”). Важность ушей в хвостовском мире видна уже в заглавиях, с ушами связана и оппозиция “наличие / отсутствие” (“Собака без Ушей”).

4 комбинаторные операции.

Прибавление – персонажу добавляется какое-то неожиданное качество, заставляющее подозревать некий инвенционный поворот: “Кот в Муке и Мыши”, “Мать и Сын Роскошный” – хочется задать вопрос “почему?” (Почему важно, что Кот – в Муке? Почему сын – роскошный?) Здесь, пожалуй, место и басням, где в заглавиях видна “скрытая триадность” (см. выше). Только важно понять – кто именно “добавлен”: “один” или кто-то из “двоих”.

Убавление – выносимое в заглавие отсутствие какой-то части тела (“Собака без ушей”), здесь же все увечные (хромые, слепые, плешивые). Мир, где такую роль играют ущербные персонажи, не может быть простым для интерпретации. “Зачем у Хвостова столько калек?” – и этот вопрос оседает в сознании при знакомстве с заглавиями.

Перестановка, перемена ролей: “Мужик и Осел” – “Осел и Мужик”; “Бык и Лягушки” – “Лягушки и Бык”; “Волк лекарь” – “Журавль Лекарь у Волка”. Наличие нескольких примеров такого типа заставляет над ними “голову ломать и чудеса подозревать”. В этом разделе явно видна оппозиция “доминанта / периферия” – например, в басне “Хвастливая Лягушка” лягушка, безусловно, является фокальным персонажем, как и в басне “Лягушка и Бык”, где она названа первой; в басне “Мышь и Лягушка” фокус, скорее всего, переносится на названную первой Мышь, а в басне “Солнце и Лягушки” лягушки вообще

поставлены во множественное число и явно отправлены на периферию, т.к. доминантой является Солнце.

Замена: “Ворона и Сыр” (отсутствие лисы в заглавии и замену ее сыром невозможно не заметить).

“Внутренние зеркала”⁶, столкновение уровней RES/VERBA.

Змея – Летучий Змей; “Лев на Картина” – “Картина и Охотник Невежда”; “Комета и Неподвижная Звезда” – “Звездослов”; “Ритор и Болван” – “Болван и Богомольцы”.

В заглавиях присутствует тонкая суггестия (“Волк Политик и Волк Правдивый” – предполагается, что политик в принципе неправдивый), внутренняя рифма (“Павлин, *Синица* и *Гусеница*”), неожиданно возникает просаподосис: “Лев и Осел” – “Осел и Мужик”.

Один из главных персонажей в заглавиях – Смерть: как под своим именем (“Дровосек и Смерть”, “Мор Зверей”, “Смерть и Божество Брака”, “Смерть, Красавица, Старик Богач и Мужик мудрец”), так и суггестивно (“Рыбак и Рыбка”, “Орел и Стрела”). Она подстерегает везде. И не только людей (“Мор Зверей”). Уже из заглавий ясно: притчи Хвостова – это совсем не веселое чтение.

Изменчивость, непредсказуемость, обманчивость мира, необходимость быть всегда на страже, не доверять миру, не пренебрегать слабыми и малыми, помнить об опасности от малых сих – и в этом тоже глубинная связь Хвостова с эмблематикой.

Басни для Хвостова – “своя вода” (снова говоря словом Кантемира), родная стихия; зевать “своих чтецов” он не заставит. Игру-путешествие в глубь заглавий можно продолжать и продолжать. Но ее можно также внезапно и закончить. Из нашего беглого экскурса видно, что система в заглавиях – есть. Мир вообще и поэтический мир Хвостова может быть микрофилологически классифицирован.

Звери у Хвостова постоянно дают человеку урок. Да и не только звери – все вещи, вся природа дают человеку урок внимательности к миру.

⁶ Под “внутренними зеркалами” мы понимаем повторы на разных уровнях текста; использование одних и тех же слов для обозначения разных, часто противоположных вещей и действий – по принципу диафоры. Каждое слово, употребленное поэтом более одного раза, может быть рассмотрено как зеркало, в котором отражается какая-то грань поэтического мира произведения. Об этом см.: [8].

Но – уроки разные, в зависимости от ситуации; уроки одного и того же зверя, одной и той же вещи могут быть прямо противоположными [5, с. 54]. Из надписи эмблемы догадаться о ее смысле чаще всего невозможно: обманывать читательские ожидания парадоксальными поворотами – органическое свойство эмблемы: «Эмблематика использует и каталог свойств, созданный в античной “естественной истории” (вовлекая, впрочем, и новые свойства), и каталог значений, выработанный в средневековом бестиарии (создавая, конечно, и новые значения) – но именно использует, как используют словарь, чтобы из лексических единиц создавать предложение» [5, с. 68]. То же и с баснями Хвостова: пытаюсь предсказать развитие сюжета басни по заглавию, мы чаще всего ошибемся. Хвостов тоже использует древний бестиарный каталог – как алфавит. Какое он напишет слово – из заглавий не понять; нужно заглянуть в книжку⁷.

Но в мире есть и сила, обратная систематизации. Ее зовут Союз “и”.

Союз “и” – пожалуй, самый главный персонаж в системе заглавий (и в хвостовском мире вообще): он подчиняется только инвенционной воле автора. А она не знает границ. Этот союз может создавать вполне “классические” пары (“Волк и Ягненок”, “Рука и Перо”) – хотя кто знает, как повернется сюжет в этих “предсказуемых” баснях.

Хвостова мало интересуют персонажи сами по себе, без соотнесения с миром. Число притч, где в заглавии один персонаж, невелико. “Разборчивая Невеста”, “Грабитель”, “Груша с золотыми ветвями”, “Лев на ловле”, “Кривая Лисица”, “Осел Звонарь” – все эти заглавия, по сути, содержат имплицитные указания на других персонажей. Хвостова больше всего интересуют комбинаторные игры, соединения – и лучше, если соединяется несоединимое.

Союз “и” создает самые невероятные пары, на равных сводит персонажей из разных “разделов”: “Смерть и Божество Брака”, “Алмаз и Бриллиант”, “Факел и Свеча в Фонаре”, “Эмпедокл и Туфли”, “Пьяница и Вор”, “Сапожник и Врач”, “Зрячей и Слепой Умница”, “Скупой и Пожар”, “Олень, его Ноги и Роги”, “Подагра и Паук”, “Корабль на море и Корабль на реке”, “Хромоногий и Находка”, “Дух и Перстень”, “Мельник и его

⁷ Условие сегодняшнего эксперимента – не выходить за рамки оглавления, не заглядывать внутрь, но об эффекте обманутого ожидания как одним из любимых приемов Хвостова, а также об упомянутом выше полиперспективизме нам пришлось писать: см.: [9].

Мальчик”, “Софокл и его Доноситель”, “Комета и неподвижная Звезда”, “Барин, Лошадь и Бык”, “Невеста и Часы”, “Щука и Уда”, “Солнце и Лягушки”, “Пустынник и Почести”.

При взгляде на эти пары пропадают последние тени сомнений в абсолютной принадлежности хвостовского мира к уровню VERBA, а вместе с ними — и основательность обвинений Хвостова в бессмыслице. Подобные странные пары постоянно возникают и в эмблематике: «Так, любимая гуманистами идея должного соединения быстроты и медленности на визуальном уровне передавалась соединением дельфина и якоря, <...> черепахи и паруса, стрелы и рыбы-прилипалы, <...> рака и бабочки, <...> быстро зреющего миндаля и “медлительной” ежевики, оленя и рыбы-прилипалы...» [7, с. 116].

В мире Хвостова царствует комбинаторика: 4 простых операции — прибавление, убавление, перестановка, замена — отвечают за постоянную изменчивость мира. Их действие ясно видно в заглавиях. Заглавия хвостовских басен — это мир во всех его случайных связях. Комбинироваться может все со всем — это главный закон хвостовского мира. Макрокосм и микрокосм постоянно отражаются друг в друге. А хвостовский басенный мир — отражает эти отражения. Причем на свой лад. Отражения отражений.

Что это напоминает? Конечно, мир эмблемы, в его причудливых комбинациях.

Писателя, которому свойственно “восприятие мира *sub specie emblemata*”⁸ в такой степени, как графу Хвостову, трудно найти. Заглавия хвостовской книжки — это фактически свод эмблем. Мы можем сколько угодно раскладывать и систематизировать — но в мире царствует союз “и”. И — никогда не знаешь, кого и с кем он соединит. И что из этого выйдет. Будьте начеку.

Такой ключ дает Хвостов системой заглавий “своему чтецу”.

“Беспрерывная комбинаторная игра является душой эмблемы”, — замечает А.Е. Махов [7, с. 118]. И душой хвостовского поэтического мира, — добавим мы. Хвостовская игра с читателем начинается с оглавления. Это весь хвостовский мир в миниатюре и яркая иллюстрация пушкинской формулы “А ты глубок, игрив и разен”.

Вернемся к началу. Перед нами оглавление хвостовской книжки. Можно заглянуть туда, чтобы “смеху набраться”. Можно ужаснуться неразберихе и галиматье в оглавлении и закрыть

книгу. Можно рассматривать хвостовскую систему во всех деталях и извлечь урок. Можно с горечью констатировать, что любой мир (и мир Хвостова не исключение) все равно обманет — поэтому лучше всегда быть начеку. Все варианты равноправны — вот такой ответ на заданный в начале статьи вопрос, стоит ли искать в заглавиях какую-то логику и пытаться предсказать по заглавиям содержание басен. Во время знакомства с заглавиями постоянно возникали вопросы; их накопилось немало. Для их разрешения необходимо прочесть все басни — причем не только линейно, от начала до конца, но и в разной последовательности. Иначе говоря, каждое “почему?” и “зачем?” может стать новой призмой для интерпретации, требует особого маршрута по книге. Будет ли у кого-то время и желание для серии таких путешествий? Вряд ли. Действительно, проще резюмировать: “Графоман — что с него возьмешь? И заглавия у него графоманские”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хвостов Д.И.* Избранные притчи из лучших сочинителей российскими стихами. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1802. 230 с.
2. *Хвостов Д.И.* Полн. собр. стихотворений: [В 7 т.]. 3-е полное издание. Т. 3: Послания к разным лицам. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1829. 179 с.
3. *Кантемир А.Д.* Собр. стихотворений / Вступ. статья Ф.Я. Приймы; подгот. текста и примеч. З.И. Гершковича. Л.: Сов. писатель, 1956. 544 с. (Б-ка поэта, большая серия).
4. *Curtius E.R.* Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter. 8 Aufl. Bern; München: Francke, 1973. 608 S.
5. *Махов А.Е.* Феномен книжной эмблемы: (подступы к пониманию) // Махов А.Е. Эмблематика: макрокосм. М.: Intrada, 2014. С. 5–127.
6. *Махов А.Е.* Свойства зверя: от античной “естественной истории” к эмблематике Ренессанса и барокко // Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве. М.: Intrada, 2012. С. 84–96.
7. *Махов А.Е.* Это веселое имя Хвостов // Хвостов Д.И. Сочинения. М.: Intrada, 1999. С. 2–42.
8. *Довгий О.Л.* “Всегда я рад заметить разность...”: О “внутренних зеркалах” в “Евгении Онегине” // Палимпсест: Литературоведческий журнал. 2021. № 3 (11). С. 60–75.
9. *Довгий О.Л.* “А ты глубок, игрив и разен...”: Заметки о поэтике графа Хвостова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 5. С. 24–40.

⁸ Формула А.Е. Махова.

REFERENCES

1. Khvostov, D.I. *Izbrannyje pritchi* [Selected Parables]. St. Petersburg, 1802. 230 p. (In Russ.)
2. Khvostov, D.I. *Polnoye sobraniye stikhotvorenij in 7 t. 3-e polnoye izdaniye. T. 3. Poslaniya k raznym litsam* [Complete Collection of Poems in 7 Volumes. 3rd Complete Edition. Vol. 3: Messages to Various Persons]. St. Petersburg, 1829. 185 p. (In Russ.)
3. Kantemir, A.D. *Sobraniye stikhotvorenij* [Collection of Poems]. Leningrad, 1956. 544 p. (In Russ.)
4. Curtius, E.R. *Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter. 8 Aufl.* Bern; München: Francke, 1973. 608 S. (In Germ.)
5. Makhov, A.E. *Fenomen knizhnoj emblemy: (podstupy k ponimaniyu)* [The Phenomenon of the Book Emblem: (Approaches to Understanding)]. Makhov, A.E. *Emblematika: makrokosm* [Emblematika: Makrokosmos]. Moscow, Intrada Publ., 2014, pp. 5–127. (In Russ.)
6. Makhov, A.E. *Svoystva zveri: ot antichnoj "estestvennoj istorii" k emblematike Renessansa i barokko* [The Properties of the Beast: from the Ancient Natural History to the Renaissance and Baroque Emblem]. *Bestiarij v slovesnosti i izobrazitelnom iskusstve* [The Bestiary in Art and Literature]. Moscow, Intrada Publ., 2012, pp. 84–96. (In Russ.)
7. Makhov, A.E. *Eto veselye imya Khvostov* [This is a Cheerful Name Khvostov]. Khvostov, D.I. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Intrada Publ., 1999, pp. 2–42. (In Russ.)
8. Dovgy, O.L. "Vsegda ya rad zametit' raznost'...": O "vnutrennikh zerkalakh" v "Evgenii Onegine" ["I am always glad to notice the difference...": Interior Mirrors in "Eugene Onegin"]. *Palimpsest. Literaturovedcheskij zhurnal* [Palimpsest. Literary Journal]. 2021, No. 3 (11), pp. 60–75. (In Russ.)
9. Dovgy, O.L. "A ty glubok, igriv i razen...": Zametki o poetike grafa Khvostova ["And You are Deep, Playful And Different...": Notes on the Poetics of Count Khvostov]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 79, No. 5, pp. 24–40. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 5 сентября 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 29 сентября 2022 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2022 г.

Дата публикации: 31 декабря 2022 г.

Received by Editor on September 5, 2022

Revised on September 29, 2022

Accepted on October 15, 2022

Date of publication: December 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800023678-1

Надо ли реконструировать для прасамодийского **ö*: источники *o* после палатальных согласных в первых и непервых слогах в тундровом ненецком

© 2022 г. А. Ю. Урманчиева

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
urmana@yandex.ru

Резюме. В статье обсуждается необходимость реконструировать для прасамодийского языка фонему **ö*. Как известно, для прасамодийского (в системе, предложенной Ю. Янхуненом в “*Samojedischer Wortschatz*”) эта фонема реконструируется только для первого слога. Реконструкция ее опирается прежде всего на данные ненецкого языка: базой служат слова фонетической структуры *палатальный согласный в анлауте + гласный o*, типа *suonсуа* ‘нутро’. В статье анализируются все случаи, в которых ненецкое слово такого типа имеет прасамодийскую либо прасеверносамодийскую этимологию. Этимологические корреляты в других самодийских и северносамодийских языках показывают, что исходно за *o*, палатализирующим анлаутный согласный, стоит более сложная фонетическая последовательность, или же его появление является позиционно обусловленным и может быть объяснено влиянием гласного последующего слога. Ни для прасамодийского, ни для прасеверносамодийского не реконструируется слов “фонетически нейтральной” структуры типа **CV*, **CVC* или даже **CVCɔ̃*, **CVCå*, где в качестве **V* выступал бы **ö*. Анализируются также этимологические соответствия ненецких слов с последовательностью *палатальный согласный + гласный o* в непервых слогах: все такие слова являются производными, и материал других самодийских языков показывает, что и в этом случае ненецкому *o*, перед которым происходит палатализация предшествующего согласного, соответствует не одиночный гласный, а более сложная фонетическая последовательность.

Благодарность. Исследование поддержано грантом РФФИ № 22-28-01975 “Историческая грамматика самодийских языков”.

Ключевые слова: самодийские языки, историческая фонетика, историческая грамматика, реконструкция вокализма.

Для цитирования: Урманчиева А.Ю. Надо ли реконструировать для прасамодийского **ö*: источники *o* после палатальных согласных в первых и непервых слогах в тундровом ненецком // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 61–69. DOI: 10.31857/S160578800023678-1

Is it Necessary to Reconstruct **ö* for Proto-Samoyedic: Sources of *o* after Palatal Consonants in First and Non-First Syllables in Tundra Nenets

© 2022 Anna Yu. Urmachieva

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the Institute for Linguistic Studies

of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov lane, St. Petersburg, 199004, Russia
urmana@yandex.ru

Abstract. The article discusses the need to reconstruct the phoneme *ö for the Proto-Samoyed language. As is known, for Proto-Samoyedic (in the system proposed by J. Janhunen in “Samojedischer Wortschatz”) this phoneme is reconstructed only for the first syllable. Its reconstruction relies primarily on the data of the Nenets language: the words of the phonetic structure *palatal consonant in anlaut + vowel o*, such as *syoncyä* ‘inside’ serve as the base. The article analyzes all cases in which a Nenets word of this type has Proto-Samodic or Proto-Northern Samoyedic etymology. Etymological correlates in other Samoyedic and Northern Samoyedic languages allow to demonstrate, that the initial *o* palatalizing an anlaut consonant either originates in a more complex phonetic sequence, or is positionally determined and can be explained by the influence of the vowel of the subsequent syllable. Neither for Proto-Samoyedic nor for Proto-Northern Samoyedic are reconstructed words of a “phonetically neutral” structure like *CV, *CVC or even *CVCɣ, *CVCã, where *V is represented by *ö. The etymological correspondences of Nenets words with the sequence *palatal consonant + vowel o* in non-first syllables are also analyzed: all such words are derivatives, and the material of other Samoyedic languages shows that in this case, too, Nenets *o*, palatalizing the preceding consonant, does not correspond to a single vowel, but to a more complex phonetic sequence.

Acknowledgements. The research was supported by RSF grant No. 22-28-01975 “Historical Grammar of the Samoyedic Languages”.

Key words: Samoyedic languages, historical phonetics, historical grammar, reconstruction of vocalism.

For citation: Urmanchieva, A.Yu. *Nado li rekonstruirovat' dlja prasamodijskogo *ö: istochniki o posle palatalnyh soglasnyh v pervyh i nepervyh slogah v tundrovom nenetskom* [Is it Necessary to Reconstruct for Proto-Samoyedic *ö: Sources of *o* after Palatal Consonants in the First and Non-First Syllables in Tundra Nenets]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i äzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 6, pp. 61–69. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800023678-1

1. Введение

Гласный ö восстанавливается для прасамодийского прежде всего на основе ненецких слов, в анлауте которых — палатализованный согласный и следующий за ним *o*, типа т. нен. *syoncyä* ‘нутро’¹. При этом для прасамодийского в [1] реконструируется всего пять слов с этим гласным, причем для всех реконструкция допускает несколько вариантов:

- *ö (? öä) ‘дверь’,
- *kön- (с.-сам.) ~ kün- (ск.) ‘нутро’,
- *nöjka ~ *nüjka (? *no'jka ~ *nu'jka) ‘пот’,
- *nöjna (? *no'na) ‘налим’,
- *soj- (ю-сам.) ~ *söj- (нен., ? эн.) ‘шея, горло’.

В данной статье будут предложены фонетически уточненные реконструкции перечисленных

выше слов с *ö, выделенных в [1] (Раздел 2). Помимо этого, будут рассмотрены все ненецкие слова, имеющие в анлауте Суо- (далее в тексте статьи будет также употребляться термин “палатализирующий о” применительно к ненецкому *o*, вызывающему палатализацию предшествующего согласного), и выделены те из них, которые имеют параллели в северносамодийских языках. Затем эти прасеверносамодийские этимологии будут сопоставлены с прасамодийскими, что позволяет показать, что появление палатализирующего *o* можно исторически объяснить, не прибегая к реконструкции на его месте отдельной прасамодийской фонемы *ö (Раздел 3). Затем будет рассмотрена фонетическая структура ненецких слов с палатализирующим *o*, не имеющим параллелей в других языках (Раздел 4). Наконец, будут рассмотрены источники ненецкого палатализирующего *o* в первых слогах (Раздел 5). В Заключении подводятся итоги исследования.

2. Уточнение праформ слов с *ö, выделенных в [1]

2.1. ‘дверь’. Энецкий, нганасанский, камасинский (и, возможно, селькупский) материал заставляет нас реконструировать скорее двусложный корень. Это слово имеет следующие рефлексy: т. нен. *nyo*, т. эн. *ñia*, *ñia*, л. эн. *no*, *ng*.

¹ Слова тундрового ненецкого даются в транскрипции [2] за следующими исключениями: ö и ° записываются одним знаком — э, вместо диграфа *ng* используется знак *ŋ*. Нганасанские слова даются по словарю [3], в случае дополнений по неопубликованным словарным материалам Е.А. Хелимского нганасанские слова также переводятся в орфографию указанного словаря. Энецкие слова даются по неопубликованным словарным материалам Е.А. Хелимского, селькупские — по [4], камасинские — по [5], маторские — по [6].

жуа, ск. *māt-a* (*māt* ‘чум’), км. *āīē, āīə*. В нганасанском и тундровом энецком мы находим последовательность гласных, в камасинском — двусложное слово с интервокальным *j*. В селькупском *māt-a* финальный гласный перешел бы в *ə*, если бы отражал одиночный финальный гласный: он скорее отражает последовательность типа *Vj* (ск. *iga* ‘дед’ = т. нен. *uigi*² [1, с. 27–28]) ~ *VjV(j)* (ср. **eǵjǵj* ‘осень’ > ск. *eǵa* [1, с. 22]). Таким образом, на основании нганасанского, тундрового энецкого, камасинского и селькупского реконструируется праформа типа **ǵjǵ*.

2.2. ‘нутро’. Это слово имеет следующие рефлексy: т. нен. *suonca*, нг. кунсы, т. эн. *sūd'e*, л. эн. *sūse*, ск. *šūncə*, км. *šūñǵ*. В [1, с. 74–75] северносамодийские праформы рассматриваются как дериваты (праформа не указывается), селькупский — как дериват, восходящий, возможно, к праформе **kūñjz*, маторский материал отнесен к этой этимологии под вопросом (с пометой “vgl.”; допускается также его сопоставление с праформой **t¹ejwǵ* — ‘брюхо’). Вместе с тем, все эти самодийские слова могут быть возведены к единой праформе **koñkǵ*. Прокомментирую отражение этой праформы в каждом из языков. В северносамодийских *koñkǵ* > *koñsǵ*, далее нг. кунсы, эн.-нен. *kōñsǵ* (о > ö под влиянием *ñ*) > нен.-эн. *sōnsa* > нен. *suonca*, т. эн. *sūd'e*, л. эн. *sūse*. К этой же праформе возводится и ск. *šūncə*: переход *ñk* > *nc* в селькупском иллюстрируют каритивные отглагольные формы с суффиксом *-kuncǵalǵk* (используется в адвербиальной функции, типа *ke tǵkuncǵalǵk* ‘ничего не сказав’) и *-kuncǵətǵl* (используется в адвербиальной функции, типа *ke tǵkuncǵətǵl*). Суффикс *-ǵalǵk* естественно сопоставить с показателем адвербиального каритива *-kalǵk* (*e sǵ-kalǵk* ‘будучи без отца’), суффикс *-ǵətǵl* — с показателем атрибутивного каритива *-kǵtǵl* (*e sǵ-kǵtǵl* ‘не имеющий отца’). Элемент *-kun-* в глагольных показателях *-kuncǵalǵk* и *-kuncǵətǵl* является показателем инфинитива *ku*, в ауслауте инфинитивного показателя восстанавливается **ñ*, который закономерно отпадает в абсолютном конце словоформы, но сохраняется в каритивных отглагольных производных; палатальный характер этого согласного вызывает переход последующего *k* в *s*. Такая этимология селькупских отглагольных каритивных показателей изложена в [7]. Наконец, в камасинском **ñk* перед передним гласным **ǵ* перешел в *j*, аналогию дает развитие в камасинском сочетания **ñk* перед передним гласным **ǵ*, ср. известную этимологию **señkǵ* ‘глухарь’ > т. нен. *сензя*,

² Если бы в ненецком слове финальный гласный отражал бы одиночный **i*, он сократился бы до *ə*.

ск. *señkǵ*, км. *señe* [1, с. 140], а также возможность сопоставления т. нен. *руенсуэ* и ск. *piñkǵ*, восходящих к **reñkǵ* ‘бубен’ с км. *phītri, pēri* ‘бубен’ (где долгий гласный первого слога может отражать стяжение км. ***reǵri*).

2.3. ‘пот’. Это слово дает следующие рефлексy: т. нен. *пуоха*, нг. *нийкуэ*, эн. *pǵxa*, ск. *ñelcu-*, км. *ного*. Рефлексy затруднительно возвести к единой праформе. На принадлежность к этому этимологическому гнезду селькупского слова указал Я. Алатало в [4, с. 1719]. Источники селькупского *-lǵ-* подробно рассматриваются в [8], где показано, что *lǵ* может развиваться из **jw*, **jm* и **jk*: “Таким образом, в целом мы видим двойственную картину развития сочетаний **jw*, **jm*, **jk* в селькупском:

- либо **j* выпадает, а следующая за ним согласная развивается по общему правилу: **k* и **m* сохраняются, **w* выпадает, вызывая стяжение гласных;
- либо весь кластер целиком дает в селькупском *lǵ*.

Во втором случае, как кажется, можно отождествить первый элемент получившегося кластера с бывшим **j*, а второй, таким образом, считать результатом развития согласного звука после *l*. Переход смычного согласного в палатальный *ǵ* после *l* возможен: напомним, что сочетание *-l + t* на границе морфем также дает *-lǵ-*. Таким образом, альтернатива развития сочетаний **jw*, **jm*, **jk* сводится к выпадению vs. сохранению **j* перед согласным. Условия того или иного развития остаются пока неизвестными”³ [8, с. 80].

Финальный гласный селькупского слова ‘пот’ *ñelcu* также является результатом развития сочетаний **jkV*, *jwV*, *jmV*, ср., например, *talcu* ‘хвост’ (< **t¹ejwǵ*) или *selcu* ‘семь’ (**sejt³wǵ*) — в обычном случае и **ǵ*, и **ǵ* дали бы в ауслауте в селькупском *ə*.

Начальный согласный селькупского слова при этом указывает на **ñ*; на основе энецких форм реконструируется гласный *o*. В нганасанском развитие гласного идет следующим образом: **o* > **u* (стандартное развитие), затем *u* > *ü*

³ Развитие по единому правилу сочетаний *jw* и *jk* (при втором сценарии развития кластеров, т.е. при сохранении *j*) не должно вызывать удивления: **w* как второй элемент кластера дает в селькупском *k* (ср. соответствие нг. чирбиси, ск *čirkolčǵ-* ‘облакачиваться’ < *türwV-*), и **k* в селькупском под влиянием предшествующего *j* с высокой вероятностью дает *k*, а не *ǵ* (можно предположить, что предшествующий *j* в данном случае может оказывать на **k* в селькупском такой же эффект, какой оказывает на **k* в составе кластеров качество последующего гласного: перед непередними гласными **k* > ск. *k*, (ср. **keñkǵ-* ‘ночевать’ > ск. **šǵñǵǵ-*), перед передними гласными **k* > ск. *k* (ср. **señkǵ* ‘глухарь’ > ск. *señkǵ-*). Т.е. в данном случае **jw* и **jk* > ск. *jk* > *jǵ* > *lǵ*. Сложнее объяснить, почему так же может вести себя **jm*.

после палатального согласного (что также закономерно для нганасанского), далее $\ddot{u} > i$, вероятно, под влиянием следующего j (развитие $\ddot{u} > i$ в целом не чуждо нганасанскому — например, $\ddot{u} > i$ перед i следующего слога, ср. $k\ddot{u}r\ddot{u}$ -дя ‘завязать’, но $k\ddot{u}r\ddot{u}$ -ми ‘завязка’ или $k\ddot{u}z\ddot{u}$ -са ‘проснуться’, но $k\ddot{u}t\ddot{u}$ -ди ‘разбудить’). В селькупском имеем нестандартное развитие гласного первого слога * $o > e$ (нестандартное развитие также может быть связано с влиянием последующего палатального кластера?). Таким образом, из предложенных в [1, с. 103] вариантов реконструкции * $n\ddot{o}jka \sim *n\ddot{u}jka$ (? * $n\ddot{o}^l jka \sim *n\ddot{u}^l jka$) лучше всех объясняет развитие рефлексов праформа * $\acute{n}ojka$.

2.4. ‘налим’. Это слово имеет следующие рефлексы: т. нен. $nuoya$, нг. $\acute{n}\ddot{u}i\ddot{u}$, энТ $n\ddot{u}a$, энЛ $n\ddot{u}ja$, ск. $\acute{n}\ddot{u}i\ddot{u}$, км. $n\ddot{u}ja$. Развитие рефлексов этого слова во многих деталях повторяет развитие рефлексов слова * $\acute{n}ojka$ ‘пот’: реконструкция начального * \acute{n} на основе селькупского материала, реконструкция * o на основе энецких данных, развитие * $o > \ddot{u}$ в нганасанском после палатального согласного, развитие финального * $\acute{a} > u$ в селькупском после палатального согласного. Следовательно, из предложенных в [1, с. 103–104] вариантов (* $n\ddot{o}jna \sim *n\ddot{o}^l na$) более удачно объясняет рефлекс праформа * $\acute{n}ojka$.

2.5. ‘горло’. Это слово имеет следующие рефлексы: т. нен. suo , т. эн. $s\ddot{u}i$, л. эн. $s\ddot{u}$, ск. $s\ddot{o}l$, км. soj . В нганасанском рефлекс этого существительного не сохранились, но, возможно, корень сохранился в составе северносамодийского глагола ‘икать’: нг. $su\ddot{e}ng\ddot{u}r$ - ‘икать’, эн. $su\ddot{o}god\ddot{u}r$ - ‘икать’, т. нен. $su\ddot{o}y\ddot{e}d\ddot{e}(su\ddot{e})$ ‘икнуть’. Формы нескольких языков указывают на то, что эту основу стоит восстанавливать как двусложную: в тундровом энецком это существительное $s\ddot{u}i$ и глагол $su\ddot{o}-god\ddot{u}r$ -, в тундровом ненецком двусложная основа сохраняется в производных: глагол $su\ddot{o}y\ddot{e}d\ddot{e}(su\ddot{e})$ ‘икнуть’, $su\ddot{o}y\ddot{e}h$ ‘ледяной затор’ (ср. глагол тундрового энецкого $su\ddot{u}ruba\ s\ddot{o}b$ -хагебо? ‘лед образовал заторы’), $su\ddot{o}y\ddot{e}su\ddot{e}h$ ‘часть горла под подбородком’. В нганасанском в глаголе также представлена двусложная основа $su\ddot{e}ng\ddot{u}r$ - ‘икать’. Селькупский ауслуатный l и камасинский ауслуатный i указывают на последовательность $j\ddot{e}$, а не на одиночный ауслуатный j (как реконструировано в [1, с. 142]): одиночный ауслуатный j не сохраняется в этих языках, ср. * tuj ‘огонь’ > ск. $t\ddot{u}$, км. $\acute{s}u$. При этом есть общеизвестный пример развития в селькупском ауслуатной последовательности * $j\ddot{e} > sk. l$: это общесамодийский атрибутивный суффикс (т. нен. $y\ddot{e}$, нг. $\acute{e} \sim d\acute{e}$, эн. $-o$). Исходя из всего сказанного, праформу слова ‘горло’ следует реконструировать как * $soj\ddot{e}$.

Таким образом, из пяти этимологий с предположительным прасамодийским * \ddot{o} в двух (* $\acute{n}ojka$

‘пот’ и * $\acute{n}ojna$ ‘налим’) достаточно реконструировать * o после \acute{n} (возможность такой альтернативы в обоих случаях допускалась и в [1]), в двух (* $\acute{a}j\ddot{a}$ ‘дверь’ и * $soj\ddot{e}$ ‘горло’) за предполагаемым * \ddot{o} стоит последовательность VjV , в одной (* $ko\acute{n}ka$ ‘нутро’) появление в ненецком анлаутной последовательности $su\ddot{o}$ можно объяснить влиянием первого палатального элемента консонантного кластера, следующего за интересующим нас гласным. К этому материалу можно прибавить еще две предположительно общесамодийские этимологии.

2.6. * $kujpt\ddot{e}$ - > не попасть, не достичь > т. нен. $syobt\ddot{e}(su\ddot{e})$, эн. $suto-$, ск. $\acute{s}u\ddot{r}pt\ddot{e}$ - ‘не достиг, не хватило’. Начальные согласные здесь демонстрируют такое же редкое межъязыковое соответствие, как в * $ko\acute{n}ka$ - ‘нутро’ > т. нен. $su\ddot{o}n\ddot{c}u\ddot{a}$, т. эн. $s\ddot{u}d\acute{e}$, л. эн. $s\ddot{u}se$, ск. $\acute{s}u\ddot{n}c\acute{e}$. А именно, селькупский \acute{s} указывает на * k , и в энецком мы могли бы ожидать \acute{s} . Однако пример * $ko\acute{n}ka$ показывает, что в энецком * $k > \acute{s}$ перед этимологически передним гласным (например, * $k\ddot{u}nt\ddot{e}$ ‘дым’ > эн. $\acute{s}udo$), но * $k > s$ перед этимологическим задним гласным, который был вторично продвинут вперед под влиянием последующего палатального элемента (* $ko\acute{n}ka > т. эн. s\ddot{u}d\acute{e}$, л. эн. $s\ddot{u}se$). На этом основании реконструируется праформа * $kujpt\ddot{e}$ - (возможно, * $kujp-t\ddot{e}$).

Вторая этимология предложена в [4, с. 1064], где приводится ненецкое соответствие селькупского слова.

2.7. * $sos\ddot{a}$ - ‘поставить что-л. опрокинувшемуся’ > т. нен. $tyoty\ddot{e}(su\ddot{e})$, нг. $tu\ddot{y}t\ddot{u}$ -, эн. $tute-$, ск. $\acute{s}o\acute{s}\acute{c}\acute{e}$ -. В данном случае переход * $to > tyo-$ можно объяснить либо палатальным характером прасамодийского * s , следующего за гласным o , либо палатальным характером собственно ненецкого интервокального согласного (случаи подобного рода представлены во втором разделе).

Таким образом, последовательности типа $Su\ddot{o}$ возникают в ненецком либо из прасамодийских последовательностей типа $CVjV$, либо в тех случаях, когда за * o следует палатальный согласный * j либо * \acute{n} в составе кластера⁴. В последней из рас-

⁴ При этом в обоих рассмотренных словах с анлаутной последовательностью * $\acute{n}o$ - теоретически действуют и факторы, вызывающие появление в ненецком последовательности $Su\ddot{o}$:- в * $\acute{n}ojka$ за o следует кластер с первым палатальным элементом, в * $\acute{n}ojna$ — палатальный согласный \acute{n} . Таким образом, на северносамодийском материале в данном случае можно было бы реконструировать и * $n\ddot{o}jka$, и * $n\ddot{o}na$. К этой же группе можно отнести следующую этимологию: * $\acute{n}ojo$ - ‘преследовать, гнать’ > т. нен. $ny\ddot{o}da(sy\ddot{e})$, т. эн. $n\ddot{u}ida-$, ск. $\acute{n}\ddot{o}$ - (в [1, с. 111] * $\acute{n}o$ -): здесь появление последовательности $Su\ddot{o}$ - в ненецком можно объяснить стяжением последовательности VjV и реконструировать на северносамодийском материале * $n\ddot{o}j\ddot{e}$ -. Но все же наличие во всех трех случаях анлаутного \acute{n} в селькупском говорит скорее о необходимости реконструировать и анлаутный * \acute{n} во всех трех словах.

смотренных этимологий действует, как мне кажется, иной принцип — за *Ń следует согласный, получивший палатальный характер уже в ненецком (ряд таких же случаев обнаруживается при рассмотрении этимологий прасеверносамодийского уровня).

3. Прасеверносамодийские этимологии ненецких слов, имеющих в анлауте Суо-

3.1. Слова, в которых ненецкий анлаутный Суо-возник в результате стяжения последовательности из двух гласных, разделенных глайдом

*sojə- (sojã-) ‘оставить на обычных путях кочевий’ > т. нен. syo/syə, т. эн. sôb-, ? нг. суару кэнтэ ‘нарта-склад’⁵.

Для следующего слова затруднительно восстановить праформу (вероятно, из-за семантики и, возможно, из-за того, что слово в ходе развития обрастало диминутивами и затем подвергалось стяжению), но слова тундрового и лесного энецкого выглядят довольно надежным соответствием ненецкого и при этом указывают на вокалические последовательности, соответствующие палатализирующему о в первом и втором слове ненецкого слова: т. нен. пуоqyoko, т. эн. uul’aigu, л. эн. iibl’aigu ‘маленький’.

Есть два слова, в которых в ненецком анлаутный уо образовался как результат палатализации анлаутного *w⁶ перед палатализирующим о, возникшим из стяжения сочетания с интервокальным глайдом. Во втором из этих слов интервокальный глайд — не j, а w:

*wojə ‘угол’ > т. нен. yoh (ŋ), т. эн. buu? (1 Sg. bômi?, 1 Pl. bôna?)

*wowə ‘желудок хищной рыбы’ > т. нен. уоэ, б.-з. уоwə, т. эн. bu(u)

Еще два примера для ненецкого не показательны, потому что в анлауте этих слов — *j, после которого невозможно различить ненецкий палатализирующий /o/ и ненецкий непалатализирующий /o/. Но во всяком случае интересно, что о в первом слоге этих ненецких слов соответствует вокалической последовательности в других самодийских языках:

⁵ Не все случаи *CVjV, конечно, развиваются в ненецком в Суо-. Но, тем не менее, нельзя говорить о том, что это нерегулярное собственно ненецкое развитие такой последовательности: любопытно, что во всех этих случаях при наличии параллели в селькупском (‘дверь’, ‘горло’, ‘гнать’) мы также не наблюдаем регулярного рефлекса интервокального *j в виде é.

⁶ Сам по себе переход *w > нен. j перед передними гласными хорошо известен, ср. хотя бы *wit ‘вода’ > нен. uiq.

*jujata- ‘провести лето; поселиться на одном месте’ > т. нен. yoda(syə), л. нен. jötti? ‘летовка’ т. эн. dúada- ‘быть оседлым’, сюда же, возможно, ск. ētə ‘деревня’ и км. iāda ‘деревня’ (ск. ētə /км. iāda < ijada < jijada < *jujata)⁷.

*jujə- ~ ‘загородить’ т. нен. yobta(syə) ‘загородить’, yobtəq ‘загородка, заслон’ т. эн. dúute? ‘земляная насыпь, земляной холмик у входа в нору’, d’uu pe ‘загородка из кольев’, d’uu ‘рыболовный запор’⁸.

3.2. Слова, в которых ненецкий анлаутный Суо-возник перед кластером с палатальным элементом

В первом из этих слов мы не можем наблюдать в ненецком палатализацию согласного перед /o/, так как анлаутный согласный — *j > нен. j. Но в данном случае показательно, что в ненецком в первом слоге /o/, тогда как энецкий и нганасанский указывают на *u:

*julkä- ‘закончить’ > т. нен. (syə), т. эн. d’ud’e-, л. эн. d’use-, нг. d’ülsi- (*julkä- > julśa > julśa > нен. yolcye-).

Для второго слова со значением ‘правильный, такой, как надо’ (ловкий, проворный, точный — о человеке, аккуратный, соразмерный, удобный — о вещи) сложно указать праформу, оно представлено следующими рефлексами: т. нен. tyobə ~ tyombya ~ tyombo, т. эн. tome ‘точный (человек)’, нг. тыйми ‘толк, смысл’, тыймиа?кундэ ‘аккуратно’, тыбми-галичуэ ‘бестолковый’, тыбминти-дья ‘аккуратный’. Можно исходить из праформы типа *təpmä ~ *təwmä со следующим развитием: нг. > *təwmä > tјwmä ~ tјjmä > tјbmi ~ tјjmi (переход w > j под влиянием позиционно палатализованного последующего m), т. эн. *təwmä > tome (одиночный интервокальный m, как и кластер jm, в энецком выпадает), т. нен. *təwmä > *təpmä > *təpmä (предполагается метатеза, обеспечивающая переход уникального кластера в кластер, очень распространенный в ненецком; для формы tyobə приходится предполагать дальнейшее нерегулярное развитие собственно в ненецком).

В следующем слове действует принцип появления Суо- перед ненецким палатальным согласным в непроемной основе (замечу, что в данном случае в ненецком после о появляется ŋ, совпадающий с рефлексом прасамодийского *ŋ, который в этой позиции вызывает палатализацию):

⁷ К этой этимологии, несмотря на внешнее сходство, не следует относить т. эн. ida ‘стойбище’, которому соответствует нг. џаза?туэ ‘летовье’ < *e.ta.

⁸ Заманчиво было бы связать с прасамодийским *juə- ‘поставить реку запором’ > т. нен. yúda(sy?) ‘поставить сеть, при ловле рыбы запором’, нг. d’üə- ‘загородить’, ск. čü- [1, с. 98].

*tonä ‘лисица’ > т. нен. tuonua, эн. tüde, нг. тунты.

3.3. Слова, в которых появление Суо- может объясняться как результат регрессивной ассимиляции переднего гласного первого слога огубленным гласным при интервокальном нен. х:

*nekV- ‘испачкаться’ > т. нен. пуохол/суэ ‘испачкаться’, пуохол ‘грязь’, ср. т. эн. пехі?, л. эн. похі? ‘грязь’, нг. некуру? ‘испачкаться’, негыр ‘грязь’;

*sekur- ‘издавать горловые звуки; откашливаться’ > т. нен. суохэг/суэ, эн. sexur-;

*läkV ‘олень с широко расставленными рогами’ > т. нен. луохэ;сеуэ, ср. эн. lexio, нг. las’iri.

4. Ненецкие слова с палатализирующим о, не имеющие параллелей в других самодийских языках

Следующие слова представлены уже только в ненецком; к периоду формирования собственно ненецких инноваций появление в системе фонемы “палатализирующий о” можно считать уже завершившимся процессом (в том числе за счет активного развития этой фонемы в непервых слогах, см. следующий раздел статьи), поэтому искать фонетические условия для появления этой фонемы в данном случае не так важно, но для полноты картины перечислю все эти слова. Часть из них соответствует фонетическим моделям, обуславливающим появление палатализирующего о:

– палатализирующий о перед палатализованным ненецким согласным, в т.ч. перед у: туобуарэ(суэ) ‘снять (о чем-то неразвязанном)’; суобуа ‘капюшон’; туотуе(суэ) ‘выступить (о воде)’; руоуе(суэ) ‘все время находиться на ногах, хлопотать’; суоуэгэq ‘дуга’;

– палатализирующий о мог появиться как результат регрессивной ассимиляции переднего гласного первого слога (*ä) огубленным гласным при интервокальном нен. х: туохо ‘ответвление от глубокого места в большом водоеме, проходящее по широкому мелководью’; суохэqтуа ‘сойка, кукушка’;

– палатализирующий о мог появиться как результат развития вокалической последовательности: туоэбта(суэ) ‘бросить мимо (аркан), выстрелить мимо’, ср. форму тазовского говора t’оxортä-; руодіэ ‘старшая жена’ (ср. вариант руідіэ, свидетельствующий о наличии вокалической последовательности);

– группа образных глаголов (принадлежность к образной лексике показывает не только семантика: в первых трёх случаях об этом свидетельствует анлаутный l-, в четвертом – аспектальный суффикс -уа, свойственный только образным глаголам, в пятом – неродственный

глагол фонетически максимально близкой структуры с тем же значением в селькупском): lyodə(syə) ‘прогнуться, вогнуться, продавиться’; lyodir/syə ‘суетиться, хлопотать’; lyogyə(syə) ‘бегать (о животных)’; туогэуа(суэ) ‘стоять торчком’ (глаголы с суффиксом -уа в ненецком относятся к классу образных, см. [9] о специальных суффиксах образных глаголов в ненецком); туокэлэ(суэ) ‘сидеть на корточках’ (ср. ск. šoqäl-pi- с тем же значением, сюда же вариант основы с палатализованным вторым согласным туосыер/суэ ‘бежать, часто останавливаясь, присаживаясь’ и туосыэкэдэ(суэ) ‘быть на корточках’);

– заимствование из хантыйского: суобэргэ ‘ловкий’, факт заимствования отмечен в [10, с. 452a];

– без объяснения: туо-пуіуэ ‘соседний’; туон/суэ ‘повесить, вывесить, выставить для просушки’, сюда же туонэбсу^h ‘вешала’; руодэ(суэ) ‘бороться, драться’; туогэ ‘крик’;

– суогэ ‘самое глубокое место в море’; туонтыер ‘передок и спинка ездовой нарты’ (ср. эн. tüde? нг. тунтыр – судя по нг.-нен. соотношению интервокальных кластеров, слово является заимствованием).

5. Палатализирующий о в непервых слогах

Не последнюю роль в утверждении палатализирующего о в системе ненецкого языка, конечно, сыграло активное использование (в том числе функционально нагруженное) этого элемента в вокализме непервых слогов. Можно показать, что палатализирующий о всегда возникает из стяжения этимологически более сложных звуковых сочетаний. В большинстве случаев можно показать также производный характер основы. В результате в ненецком палатализирующий о непервых слогов не только достаточно частотен, но и играет важную роль в деривационной морфологии, что, конечно, укрепляет его роль в системе, препятствуя потенциальной нейтрализации с каким-либо другим вокалическим сегментом.

5.1. Самый известный случай (и, кажется, единственный полностью продуктивный) – образование стативно-декаузативных глаголов на уо, типа т. нен. хонуо- ‘спать’, т. эн. kodu-, л. эн. küdi-, нг. кундуа^c-, ск. qonti-, км. kunöl’am. Этот глагол произведен от т. нен. хона-, эн. küda-, нг. кунту-, ск. qontə- ‘уснуть’. Для прасамодийского пара реконструируется в виде *kontāw- ‘спать’ < kontā- ‘уснуть’, реконструкции общесамодийских стативно-декаузативных производных на *-w посвящена работа [11]. Хотя этимологически стативно-декаузативные глаголы на палатализирующий

о образовывались от основ на *ā, в ненецком палатализующий о как суффикс стативно-декаузативных глаголов обобщается и на другие классы основ. Ср. стативно-декаузативную производную т. нен. ŋamtyo(syə) ‘сидеть’ от т. нен. ŋamtə- ‘сесть’. В данном случае глагол ‘сидеть’ имеет праформу *amtə-w, которая должна дать в т. нен. **ŋamtu- (как в т. эн. adu- или нг. ŋomtү-). Далее, по общему правилу перехода финальных узких гласных в ненецком в ə, регулярная производная **ŋamtu- ‘сидеть’ приобрела бы вид **ŋamtə-, и в результате в ненецком образовалось бы два глагола *ŋamtə- (I) ‘сесть’ и *ŋamtə- (II) ‘сидеть’, которые различались бы способом образования грамматических форм: второй из них относился бы к классу так называемых альтерирующих глаголов, об особенностях этих глаголов см. [12, с. 81]. Такие пары глаголов действительно существуют, например, tələ- ‘закрыть(ся)’ (< *tələ-) и tələ- (альтерирующий глагол) ‘быть закрытым’ (протонен. **təlu- < прасам. *tələ-w), но нередко, как в случае глагола ‘сидеть’, производная со стативным значением имеет неэтимологический палатализующий о, который тем самым приобретает в ненецком статус нового суффикса.

Далее будут перечислены основы, производность которых легко показать (приводятся только те ненецкие производные, которые имеют соответствия в других самодийских языках, в действительности таких производных больше, их легко найти по обратному морфологическому словарю ненецкого языка [2]).

5.2. т. нен. saryo ‘дождь’, эн. sage, нг. соруа^C, мт. sörüh⁹. < *sāgāw [1, с. 135] с уточненной реконструкцией < *sārā- ‘идти (о дожде)’, ср. нг. сорудя ‘идти (о дожде)’;

5.3. т. нен. tyanyoуə ‘широкий’, эн. tede, км. tano, мт. tändü(h), нг. tandua^C ‘широкая, благополучная жизнь’ (ср. также нг. тантə-гəə другой морфологической структуры). < *cāncāw (учитывая нг. тантə-гəə, надо предполагать более раннюю форму типа *cāncə-(j)āw), см. также [1, с. 32];

5.4. т. нен. pidyo ~ pidyo ‘мелкий дождь, изморось’, эн. ride < *pītā-w. Производно от глагольной основы *pītā-, представленной в т. нен. puda-bta- ‘рассыпать, накрошить’;

5.5. т. нен. pedyo ‘усталость’, эн. ride ‘одышка, затрудненное дыхание’ < *pētā-w, производно от

⁹ Маторские формы приводятся в том случае, если в маторском представлен ауслатный -h, соответствующий нгансанской морфеме -C: и то, и другое указывает на прасамодийский ауслатный w, см. [13].

глагола т. нен. peda(syə) ‘утомиться’, эн. рида- ‘запыхаться’ < *pētā-;

5.6. т. нен. хəгбуо ‘усердный’, эн. kome < *kərwā-w. Производно от т. нен. хəгwa-, эн. koma-, нг. кəрбу- ‘хотеть’ < *kərwā-;

5.7. т. нен. pədyo ‘положение солнца, когда оно стоит над самым горизонтом’, эн. роде < pēt-āw, производно от глагола ск. pat-, нг. хо?си (CN хоэ?) ‘нырнуть’ < *pət-, ср. также нен. pədyir/cyə, эн. родег-, нг. хозырысы ‘нырять’ < *pətəjg- ‘нырять’ [1, с. 114–115];

5.8. т. нен. ləkadyo ‘шелчок’, эн. lokaди, производно от глагола т. нен. ləkadə(syə), эн. lokaдо- ‘шелкнуть’ < *lətkatə-. В данном случае мы также наблюдаем, что палатализующий о выступает в ненецкой именной производной как отдельный суффикс, замещая неудачный с точки зрения исторической фонетики, но этимологически корректный ауслатный протоненецкий u. Подобный процесс обсуждался в п. 1 применительно к морфологии стативно-декаузативных глагольных дериватов;

5.9. т. нен. piyalyo ‘передние ответвления рогов’, л. эн. rujil’u < *pījāləw (также с заменой протоненецкого этимологически корректного **u палатализующим о), производно от т. нен. piya ‘нос’ < *pījā ~ rujā ‘нос’ [1, с. 122].

В следующей группе слов невозможно показать производность основы при помощи суффикса типа *w, так как эти слова не имеют производящей основы. Но во всех случаях материал родственных языков позволяет увидеть, что палатализующему о тундрового ненецкого соответствует неэлементарная фонетическая последовательность.

5.10. т. нен. tyanyo ‘мало’, эн. tene, нг. тануа^C, ск. tāna < *tānāw [1, с. 154] с уточненной реконструкцией;

5.11. т. нен. ŋeyo ‘осень’, ск. eга, мт. örö(h) ~ ögü(h) < *eğāw [1, с. 22] с уточненной реконструкцией;

5.12. т. нен. yedyo ‘кишка’, эн. беде, нг. бету^C, ск. ketu < *wetāw [1, с. 175] с уточненной реконструкцией;

5.13. т. нен. myeyo ‘рана’, т. эн. mere, нг. меру^C < *merāw [1, с. 93] с уточненной реконструкцией;

5.14. т. нен. хəгюо ‘журавль’, л. эн. kogi, ск. қага < *kəgāw [1, с. 54] с уточненной реконструкцией;

5.15. т. нен. хабəдуо ‘плавательный пузырь’, ск. kūrətā¹⁰ < *kārətājəw, см. [1, с. 60] с уточненной реконструкцией;

5.16. т. нен. пуйбуеруо ‘мошка’, ск. nīmāgā, ср. также т. эн. eugu, л. эн. neel’i-ku (с диминутивным суффиксом -ku). В [1, с. 102] реконструируется прасамодийский термин *nīmārəjəj ‘мошка’. Но прибавление энецкого материала показывает, что, скорее всего, это слово распространялось путем межъязыкового заимствования, а не отражает единый самодийский прототип. Форма тундрового энецкого (с нерегулярным, но все же возможным отсутствием начального назально-го) при всей фонетической близости к ненецким формам не может быть возведена с ними к единой праформе: т. эн. анлаутный е- соответствовал бы протоненецкому ĩe-, а не ĩi-. Нерегулярен также первый гласный /u/ в eugu: интервокальный -m- в энецком закономерно выпадает, но в обычном случае это не дает огубления последующего гласного. Форма лесного энецкого также нерегулярна из-за интервокального -l-. Таким образом, как мы видим, попытка свести эти слова к единой праформе наталкивается на значительные сложности: мы показали несколько фонетически нерегулярных явлений, препятствующих реконструкции. Число таких нерегулярностей слишком велико; вместе с тем, каждая из них по отдельности не препятствует тому, чтобы отождествить эти слова как отражающие один и тот же термин, который приблизительно выглядел как *nīmārəjəw.

5.17. т. нен. læmbəryo ~ lembəryo и т.д. ‘бабочка’, эн. ľabuľuku, ľiboru, ľoboruku и т.д., ск. læmpərə(k) < *læmpərəjəw [1, с. 80].

6. Заключение

Таким образом, удалось показать, что появление в ненецком палатализирующего о с исторической точки зрения либо объясняется стяжением фонетически неэлементарных последовательностей, либо позиционно обусловлено. В частности, ни для прасамодийского, ни для прасеверносамодийского не реконструируется слов “фонетически нейтральной” структуры *CV, *CVC и даже *CVCə, *CVCā, где в роли *V выступал бы *ö. Процесс становления этой фонемы в системе вокализма ненецкого языка, вероятно, в значительной степени опирался на развитие фонетически неэлементарных последовательностей с глайдом *w в непервых слогах. Закреплению этой фонемы, тем самым,

способствовала функциональная нагрузка (выражение ряда деривационных значений, которое на поверхностном уровне было связано с заменой ауслузного гласного производящей основы палатализирующим о в производной основе). Соответственно, поскольку на наличии этой ненецкой фонемы основывалась реконструкция прасамодийского *ö, вторичный характер этой фонемы в ненецком позволяет изъять из прасамодийской реконструкции *ö.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianum Toimitteita, 17). Helsinki, 1977.
2. *Salminen T.* A Morphological Dictionary of Tundra Nenets (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVI). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
3. *Костеркина Н.Т., Момде А.Ч., Жданова Т.Ю.* Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский / Отв. ред. В.Ю. Гусев. СПб.: Просвещение, 2001.
4. *Alatalo J.* Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004.
5. *Joki A.J.* Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Bearbeitet und herausgegeben von Aulis J. Joki (Lexica Societatis Fenno-Ugricae VIII). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. 1944.
6. *Helinski E.* Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy (Studia uralo-altaica 41). Szeged, 1997.
7. *Alatalo J.* The morphophonemes of the Selkup language (under preparation). Ms.
8. *Гусев В.Ю.* О возможных источниках селькупского сочетания -lč-: ПС *jw, *jk, *jm // Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012 (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 264). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012. P. 77–81.
9. *Урманчиева А.Ю.* Деривационная морфология образных глаголов тундрового ненецкого языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2020. Т. 3. № 16. С. 570–612.
10. *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XIII). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1956.

¹⁰ В нганасанском и энецком слова иной морфологической структуры: эн. kaboxo, нг. кохəзə.

11. Гусев В.Ю. Стативы и декаузативы на *-w в самодийских языках // Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике / Ред. С.И. Буркова. Новосибирск, 2010. С. 54–65.
12. Salminen T. Tundra Nenets Inflection (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 227). Helsinki, 1997.
13. Гусев В.Ю. Ауслautное -w в самодийских языках: нганасанско-маторская изоглосса // Материалы 2-й международной конференции по самодистике. СПб., 2008. С. 114–128.
7. Alatalo, J. *The morphophonemes of the Selkup language* (under preparation). Ms.
8. Gusev, V.Yu. *O vozmozhnyh istochnikah selkupskogo sochetaniya -lč-: PS *jw, *jk, *jm* [On Possible Sources of the Selkup Combination -lč-: PS *jw, *jk, *jm]. *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012* (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 264). Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 2012, pp. 77–81. (In Russ.)

REFERENCES

1. Janhunen, J. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien* (Castrenianum Toimiteita, 17). Helsinki, 1977.
2. Salminen, T. *A Morphological Dictionary of Tundra Nenets* (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVI). Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
3. Kosterkina, N.T., Momde, A.Ch., Zhdanova, T.Yu. *Slovar nganasansko-russkiy i russko-nganasanskiy* [Ngasan-Russian and Russian-Ngasan Dictionary]. V.Yu. Gusev (ed.). St. Petersburg, Prosveshcheniye Publ., 2001.
4. Alatalo, J. *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo* (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004.
5. Joki, A.J. *Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik*. Bearbeitet und herausgegeben von Aulis J. Joki (Lexica Societatis Fenno-Ugricae VIII). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. 1944.
6. Helimski, E. *Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte*. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy (Studia Uralo-Altaica 41). Szeged, 1997. (In Germ.)
9. Urmanchieva, A.Yu. *Derivatsionnaya morfologiya obraznyh glagolov tundrovogo nenetskogo yazyka*. [Derivational Morphology of Depictive (Onomatopoeic) Verbs in Tundra Nenets]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences]. 2020, Vol. 3, No. 16, pp. 570–612. (In Russ.)
10. Lehtisalo, T. *Juraksamojedisches Wörterbuch* (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XIII). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1956.
11. Gusev, V.Yu. *Stativy i dekauzativy na *-w v samodiyskih yazykah* [Statives and Decausatives on *-w in Samoyedic Languages]. *Materialy 3-j mezhdunarodnoj nauchnoy konferentsii po samodistike* [Proceedings of the 3rd International Scientific Conference on Samoyedology]. S.I. Burkova (ed.). Novosibirsk, 2010, pp. 54–65. (In Russ.)
12. Salminen, T. *Tundra Nenets Inflection* (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 227). Helsinki, 1997.
13. Gusev, V.Yu. *Auslautnoye -w v samodiyskih yazykah: nganasansko-matorskaya izoglossa* [Auslaut -w in Samoyedic Languages: A Ngasan-Mator Isogloss]. *Materialy 2-j mezhdunarodnoj nauchnoy konferentsii po samodistike* [Proceedings of the 3rd International Scientific Conference on Samoyedology]. St. Petersburg, 2008, pp. 114–128. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 17 сентября 2022 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 9 октября 2022 г.
 Статья принята к публикации: 15 октября 2022 г.
 Дата публикации: 31 декабря 2022 г.

Received by Editor on September 17, 2022
 Revised on October 9, 2022
 Accepted on October 15, 2022
 Date of publication: December 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800023677-0

Лексикализованные обозначения времени: опыт корпусной разметки

© 2022 г. С. П. Тимошенко

Научный сотрудник лаборатории компьютерной лингвистики
Института проблем передачи информации им. А.А. Харкевича (ИППИ РАН),
Россия, 127051, Москва, Большой Каретный переулок, д. 19, стр. 1
timoshenko@iitp.ru

Резюме. В изучении обозначений времени имеется перекоп в сторону изучения грамматических категорий времени и вида, поскольку в большинстве языков эти категории присутствуют и принимают на себя основной груз “работы” по передаче временных значений. Однако ту же информацию можно передавать и лексическими средствами. Более того, каталогизация именно лексических средств обозначения времени и сравнение систем этих средств в разных языках позволяют очертить границы человеческого восприятия времени, понять, что в нем универсально, а что — специфично. Мы ставим перед собой цель провести корпусное исследование именно лексических средств обозначения времени в русском языке. Для этого мы разработали формат временной разметки и выполнили пилотную аннотацию. В статье описывается использованный формат и даются лингвистические обоснования решений, принятых при его разработке.

Благодарность. Автор благодарит Министерство науки и высшего образования РФ за финансовую поддержку работы (грант № 075-15-2020-793 “Компьютерно-лингвистическая платформа нового поколения для цифровой документации русского языка: инфраструктура, ресурсы, научные исследования”).

Ключевые слова: семантическая разметка, временная разметка, темпоральная разметка, СинТaгРус, TimeML, лексикализованные обозначения времени, временная локализация.

Для цитирования: Тимошенко С.П. Лексикализованные обозначения времени: опыт корпусной разметки // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 70–88. DOI: 10.31857/S160578800023677-0

Lexical Expressions with Temporal Semantics: the Corpus Study

© 2022 Svetlana P. Timoshenko

Research Associate at the Laboratory of Computational Linguistics
of the Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (IITP RAS),
19 Bld.1 Bolshoy Karetny Lane, Moscow, 127051, Russia
timoshenko@iitp.ru

Abstract. The field of study that can be named “temporal semantics” is marked by the domination of grammatical studies. The researchers’ interest is focused on the tense and the aspect, lexical expressions with temporal meaning stay in the background. Obviously, it is grammatical means that for the most part express temporal meanings: they are present in most languages and in every sentence in these languages. However, lexical means can convey the same information. We argue that the cataloging of lexical means and comparing the systems of these means in different languages allow us to outline the boundaries of human perception of time and to better understand what is universal and what is specific in it. Our goal is to conduct a corpus study of temporal lexical expressions in the Russian language. To do this, we developed an annotation scheme and performed a pilot markup on some fragments of the SynTagРус. The paper describes our annotation scheme and provides linguistic grounds for the decisions made during its development. We

also compare our annotation scheme with the TimeML scheme, the most used annotation scheme for temporal information in the world. We show that despite the elaborated structure and a large set of elements, TimeML fails to grasp some important fragments of the expressions' semantics. The proposed annotation scheme is more expressive and flexible and suits for the annotation of the complex examples: *sekretarša na minutu vyšla* ('the secretary left for a minute'), *delat' čto-libo tretij čas podrjad* ('do something more than two hours in succession' – literally 'for the third hour in a row').

Acknowledgements. The author thanks the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for financial support of the work (grant No. 075-15-2020-793 "A new generation computer-linguistic platform for digital documentation of the Russian language: infrastructure, resources, scientific research").

Key words: semantic markup, temporal markup, SynTagRus, TimeML, temporal expressions, temporal localization, annotation scheme.

For citation: Timoshenko, S.P. *Leksikalizovannye oboznacheniya vremeni: opyt korpusnoj razmetki* [Lexical Expressions with Temporal Semantics: the Corpus Study]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 6, pp. 70–88. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800023677-0

Введение

Мы хотим исследовать, как человек с помощью естественного языка передает информацию о времени. Мы считаем, что для подобного исследования необходим корпус, содержащий в эксплицитном виде информацию о функционировании темпоральных выражений. Созданию корпуса предшествует разработка формата разметки.

Лингвистические исследования знают много успешных примеров применения корпусного подхода, когда новое знание достигается путем разметки в корпусе какого-либо явления. Формат разметки в этом случае представляет собой инструмент исследования. Он может быть основан на каких-либо теориях, описывающих рассматриваемое явление или, наоборот, иметь эмпирический характер. В качестве успешных примеров можно привести PropBank и Penn Discourse TreeBank (далее – PDTB). PropBank – это ресурс, созданный для исследования варьирования в синтаксическом оформлении семантических актантов при глаголах (диатезы в широком смысле) [1]. PDTB – ресурс для изучения дискурсивных структур [2]. Первым шагом в их разработке было выполнение соответствующей разметки на одной и той же коллекции текстов – на корпусе Wall Street Journal (WSJ) объемом 1 миллион слов. Этот корпус также имеет синтаксическую разметку в виде деревьев зависимостей, что дает исследователям возможность анализировать взаимосвязи между синтаксическими, семантическими и дискурсивными структурами, а также разрабатывать и оценивать практические приложения, использующие разные комбинации синтаксических, семантических и дискурсивных признаков.

Существенно, что и в случае разметки семантических аргументов глаголов, и в случае разметки дискурсивных связей формат разметки задавался не столько "сверху", на основе имеющихся теоретических наработок, сколько "снизу", на материале данных. Авторы PDTB прямо называют свой подход "теоретически нейтральным". Что же касается PropBank'a, то его авторы отказались от какого-либо заданного набора семантических ролей и приписывали их каждому глаголу по отдельности. Таким образом, помимо собственно размеченного корпуса, результатом проекта явился большой словарь английских глаголов, содержащий информацию об их валентных структурах.

Разумеется, уже предпринимались попытки исследовать подобным образом временные выражения. Мы коротко опишем их в первом разделе статьи. Самый влиятельный результат в этой области достигнут коллективом под руководством Джеймса Пустейовски. Этот коллектив разработал формат разметки TimeML. Его описание читатель также найдет в первом разделе. Формат этот не свободен от недостатков. В частности, лингвистическая работа с материалом в этом формате сопряжена с заметными неудобствами. Поэтому мы приняли решение разработать новый формат. Во втором разделе статьи очерчивается круг явлений, на который мы ориентировались при разработке формата. В третьем разделе мы кратко описываем предлагаемый формат и показываем, как применять его к образцовым случаям. Четвертый раздел посвящен трудным случаям, с которыми мы столкнулись в процессе сплошной разметки текста. Для их описания мы также предлагаем решения.

1. Краткий очерк истории темпоральной разметки

Большинство проектов, ставивших своей целью создание формата разметки для временной информации, связано отношением преемственности. Основные результаты в этой области достигнуты в рамках трех исследовательских инициатив: “Message Understanding Conference” (MUC, “Конференция по вопросам понимания сообщений”) [3], ее наследницей “Translingual Information Detection, Extraction and Summarization” (TIDES, “Многоязычное обнаружение, извлечение и обобщение данных”) [4] и “The Automatic Content Extraction” (ACE, “Автоматическое извлечение содержания”) [5]. Все они были связаны с практическими задачами разработки приложений и оценки их эффективности.

Впервые задача определения абсолютных временных выражений (*absolute time expressions*) была поставлена перед участниками MUC-6 в 1995 году как подзадача извлечения именованных сущностей. Через два года, в рамках соревнования MUC-7, в рассмотрение были добавлены относительные выражения (*relative time expressions*). Соотнесение выражений с событиями и установление временных связей в задачу не входило. Именно тогда появилась разметка в формате XML, где соответствующий выражению фрагмент текста заключался в тег TIMEX и получал одну из двух возможных классифицирующих помет — DATE или TIME.

<TIMEX TYPE="TIME">twelve o'clock noon</TIMEX> ‘двенадцать часов пополудни’

<TIMEX TYPE="DATE">third quarter of 1991</TIMEX> ‘третий квартал 1991 года’

Спецификация TIDES [6] наследует принципы, предложенные MUC, и рассматривает временные выражения сами по себе, вне связи с событиями, однако делает следующий шаг по пути к эксплицитному представлению их семантики. Основной тег разметки, TIMEX2, обладает большим количеством атрибутов. Специфическим образом очерчивается круг выражений, подлежащих разметке: выбираются группы слов и выражений, которые легко соотнести с осью времени. Слова и выражения, чья семантика признается “размытой” (*vague*), из рассмотрения исключаются. Формат следующего поколения, TimeML, полностью унаследовал этот подход к временным выражениям. TimeML также является самым распространенным форматом разметки и заслуживает подробного описания, которое будет дано ниже. Сразу отметим, что главное новшество TimeML по сравнению с предшественниками — это

одновременная разметка временных выражений и обозначений событий, а также установление временных отношений. Временные отношения могут связывать два времени, два события или время и событие.

TimeML, однако, не свободен от недостатков, поэтому исследователи продолжают разрабатывать новые форматы разметки. Например, в 2021 году был предложен формат TIE-ML (*Temporal Information and Event Markup Language*) [7]. В качестве основного недостатка TimeML, побудившего к разработке альтернативы, авторы указывают его сложность. Поэтому их предложение отличается радикальной простотой. Размечаются только события. Текстовым коррелятом события считается клауза. Сведения о времени, которые можно извлечь из грамматической формы, кодируются в соответствии со схемой, предложенной Райхенбахом [8] и основанной на трех типах временных переменных: времени события (*Event Time*), времени отсчета (*Reference Time*) и времени речи (*Speech Time*). Временные выражения не размечаются. Информация, которую они передают, отражается разметкой в качестве атрибута события и только в том случае, если представляет собой конкретный временной “якорь”, например

<s> <c reference="264 BC"> *The First Punic War broke out on the island of Sicily in 264 BC.* </c> </s>

Размечено событие — начало Пунической войны. Ему соответствует клауза, совпадающая с предложением. Временное выражение отражается с помощью атрибута *reference*.

TimeML

Поскольку разработка TimeML была мотивирована более широкими, лингвистическими задачами компьютерной науки, формат охватывает только события и временные промежутки, чье положение на временной оси можно однозначно определить. Временные характеристики в генерических высказываниях, например, *Евреям запрещено убивать друг друга*, и в описаниях типичных паттернов деятельности, например, *Господин Сунуну регулярно пользуется корпоративными самолетами для политических поездок* (примеры взяты из [9, с. 7]), выходят за пределы области применения TimeML. Кроме того, от формата TIDES наследуется принцип, согласно которому не размечаются обозначения времени с “размытой” семантикой, которые трудно соотнести с осью времени. В стандарте TIDES [6] вводится понятие “не-триггера” (*non-trigger*), то есть не подлежащего

разметке выражения: “не-триггеры”, несмотря на свою временную семантику, – это класс выражений, чье расположение на временной оси трудно определить. Эти “не-триггеры” подразделяются на несколько типов (мы не снабжаем примеры из инструкции пословным переводом, поскольку перевод их часто определяется контекстом. Вместо этого мы приводим перечень аналогичных единиц русского языка, которые при определенных условиях выступают переводными эквивалентами одной или нескольких исходных английских единиц):

- упорядочивающие выражения и выражения, задающие последовательность: *ahead, next, subsequent, later, preceding, previous, previously, early, earlier, heretofore, so far, afterwards, before, after, beforehand, following, eventually, finally, [for] the first time, first, later, originally, previously, subsequently, then, already, yet, still, ever*. Русскоязычные аналоги: *после, позже, предшествующий, предыдущий, грядущий, будущий, наступающий, раньше, ранее, прежде, до сих пор, с тех пор, до, в конце концов, наконец, в первый раз, сначала, первоначально, впоследствии, потом, уже, еще, заранее, сначала, некогда*;
- адвербиалы, отвечающие на вопросы “как долго / как быстро?”, “как скоро?": *immediately, momentarily*. Русскоязычные аналоги: *немедленно, мгновенно, через минуту* и т.д.;
- обозначения длительности, не поддающиеся количественной оценке: *longstanding, long-term, long, permanently, temporarily*. Русскоязычные аналоги: *долго, долгий, долгосрочный, постоянный, временный*;
- выражения с отрицательной семантикой и обозначения несуществующих времен. Этот тип иллюстрируется двумя примерами: *Five-time champion Rick Swenson wasted no time moving to the front of the pack in the Iditarod Trail Sled Dog Race*. ‘В Айдитародской гонке на собачьих упряжках пятикратный чемпион Рик Свенсон, не мешкая (дословно ‘потратил никакое время’), вырвался вперед’. Русскоязычным аналогом можно считать выражение: *ни минуты (не теряя)*. *No date has been set for another summit meeting*. ‘Дату следующей встречи на высшем уровне не назначили’. Дословно ‘никакая дата не назначена’;
- обозначения частотности и кратности без указания на период времени: *once, frequent, frequently, too often, usually, always, three times, on five occasions, normally, commonly, generally, constantly, often, repeatedly, sometimes, rarely,*

never. Русскоязычные аналоги: *часто, частый, обычно, обыкновенно, все время, снова и снова, редко, иногда, никогда, дважды, X раз*. Однако в случае, если подобная единица входит в состав выражений, обозначающих периодичность, то она подлежит разметке. Например, выражение *twice a week* ‘дважды в неделю’ считается единой сущностью класса TIMEX3, т.е. слово *дважды* в нее включено;

- обозначения времени в составе имен и названий: *роман Оруэлла “1984”*.

Теги, отмечающие фрагменты текста, таковы: EVENT (‘события’), TIMEX3 (‘временные выражения’), SIGNAL (‘сигналы’). Все упоминания ситуаций, которые случаются или происходят, получают тег EVENT. Все релевантные обозначения времени – относятся к классу TIMEX3 (цифра 3 означает преемственность формата относительно TIDES и MUC). В некоторых случаях тег TIMEX3 не соотносится ни с каким фрагментом текста, обозначая подразумеваемое время. В тег SIGNAL заключаются вспомогательные слова временного выражения, главным образом предлоги.

Для хранения информации о связях используются теги, которые записываются после текста и “опираются” на индивидуальные сущности типа EVENT, TIMEX3 и SIGNAL.

Еще один тег занимает промежуточное положение – он не маркирует текстового фрагмента и не обозначает связи между маркированными фрагментами. Это тег MAKEINSTANCE. Элементы xml с таким тегом порождаются отдельно и обозначают экземпляры событий, обозначаемых выражениями, заключенными в тег EVENT. Так, в предложении *John taught on Monday and Tuesday* ‘Джон давал уроки в понедельник и во вторник’ тег EVENT относится к глаголу *taught*, но поскольку временных обозначений два, то порождается также два “экземпляра” события, производных от *taught* и связанных каждый со своим днем недели. Экземпляры событий существуют в виде элементов MAKEINSTANCE.

Формат TimeML предусматривает следующие типы связей между элементами типа MAKEINSTANCE, TIMEX3 и EVENT: аспектуальная связь, подчинительная связь и временная связь. Каждому типу связи соответствует отдельный тег. ALINK (Aspectual Link ‘аспектуальная связь’) используется, когда в тексте присутствует указание на фазу ‘события’, например, *started to read* ‘начал читать’. SLINK (Subordination Link ‘подчинительная связь’) используется для

разметки большого количества более или менее грамматических значений, которые в английском языке выражаются отдельным глаголом: модальные значения (*wanted to buy* ‘хотел купить’), эвиденциальные значения (*John said he bought* ‘Джон сказал, что купил’), фактические значения (*managed to leave* ‘удалось уйти’) и т.д. Наконец, TLINK (Temporal Link ‘временная связь’), отражает временную связь.

Каждый тег имеет свой набор атрибутов, у которых он весьма обширен. Мы не будем перечислять их все, просто продемонстрируем возможности формата на образцовом примере разметки из [9, с. 60].

A major earthquake struck Los Angeles three years ago today.
‘Сегодня ровно три года, как в Лос-Анджелесе случилось сильное землетрясение’

```

A major
<EVENT eid="e1" class="OCCURRENCE" >
earthquake
</EVENT>
<MAKEINSTANCE eiid="ei1" eventID="e1"
tense="NONE" aspect="NONE" pos="NOUN"/>
<EVENT eid="e2" class="OCCURRENCE" >
struck
</EVENT>
<MAKEINSTANCE eiid="ei2" eventID="e2"
tense="PAST" aspect="PERFECTIVE"/>
Los Angeles
<TIME3 tid="t1" type="DURATION" value="P3Y"
beginPoint="t2" endPoint="t3">
three years ago
</TIME3>
<TIME3 tid="t2" type="DATE" value="2002-07-12"
temporalFunction="true"
anchorTimeID="t0">
today
</TIME3>
<TIME3 tid="t3" type="DATE" value="1999-07-12"
temporalFunction="true"
anchorTimeID="t1"/>
<TLINK eventInstanceID="ei1" relatedToEvent="ei2"
relType="IBEFORERE"/>
<TLINK eventInstanceID="ei1" relatedToTime="t3"
relType="IS_INCLUDED"/>

```

В этом предложении выделено два события (EVENT) – earthquake ‘землетрясение’ и struck ‘случилось’. Соответственно, создано две инстанции событий, ei1 и ei2. Они связаны между собой временной связью, которую можно прочесть так: землетрясение ei1 непосредственно предшествовало событию ei2 ‘случилось’ (по определению отношения IBEFORE).

Заметим, что между существительным earthquake и глаголом struck имеется определенное семантическое соотношение, которое можно описать следующим образом: существительное

обозначает событие, глагол выступает сказуемым при этом существительном и имеет прямое дополнение, образуя высказывание. Смысл высказывания: ‘событие имело место, и его главный участник обозначен с помощью прямого дополнения глагола’. Иными словами, основная семантическая нагрузка лежит на существительном-подлежащем, именно оно отвечает на вопрос ‘что случилось?’, а глагол выполняет две вспомогательные функции – несет на себе грамматические показатели высказывания (время и модальность) и присоединяет к событию его семантический актанта. Аналогичное соотношение можно усмотреть в большом количестве устойчивых словосочетаний: *случилась беда* (с кем-то), *дружба связывает* (кого-то), *коррупция разъедает (общество)*. Поэтому такое соотношение является регулярным. В теории лексических функций оно классифицируется как функция FUNC1 [10]. Ошибочно в таких случаях усматривать два события – обозначаемое существительным и обозначаемое глаголом. Перед нами событие, обозначенное с помощью двух слов. При выполнении разметки здесь возможны разные решения: считать обозначением события только существительное и игнорировать глагол (по семантическому критерию), считать обозначением события только глагол и игнорировать существительное (по грамматическому критерию), считать обозначением единого события оба слова (<EVENT> earthquake struck </EVENT>), в формате TimeML считать два разных слова манифестациями одной инстанции (MAKEINSTANCE), на худой конец – считать, что два события, производных от существительного и от глагола соответственно, имели место в одно и то же время. Предлагаемое решение, опирающееся на идею непосредственного следования, кажется нам наименее удачным.

Возвращаясь к рассмотрению примера из спецификации, отметим, что предложение также размечено тремя сущностями типа TIME3. TIME3 с идентификатором t1 – это выражение *three years ago*, оно обозначает интервал. TIME3 с идентификатором t2 – это выражение *today*, дата, являющаяся концом интервала t1. Ее абсолютное значение определяется на основе t0, времени создания/публикации текста. TIME3 с идентификатором t3 не имеет эксплицитного выражения в тексте. Он появляется в результате логического вывода: у интервала t1 должен быть и другой конец, помимо t2. Про него известно, что это дата, чье абсолютное значение определяется на основе t1. Вторая временная связь – между землетрясением ei1 и датой t3, состоящая в том, что землетрясение ‘включено’ в указанный день.

Подведем итоги – TimeML не просто сложный, а очень сложный в применении формат. Помимо большого количества элементов, атрибутов и их возможных значений, в которых легко запутаться, у него есть и другие недостатки:

1) Содержательная неполнота. Множество размечаемых выражений ограничено “точными” выражениями, то есть такими, семантика которых относительно просто соотносится с осью времени. Исключаются из рассмотрения именно те выражения, которые в значительной степени отвечают за “связность” временного плана большинства текстов.

2) Искусственная изоляция временной разметки от лингвистического анализа текста. Предполагается, что разметка выполняется по “сырому” тексту, поэтому формат включает в себя много грамматической информации: тег MAKEINSTANCE имеет целых 5 атрибутов для хранения грамматической информации – tense, aspect, nf_morph, polarity, modality.

Таким образом, морфология и даже фрагменты синтаксиса (polarity хранит сведения о наличии соответствующего модификатора) оказываются “влиты” в семантическую по преимуществу разметку, размывается граница между грамматикой и семантикой. Кроме того, непропорционально большая доля тегов, атрибутов и их значений оказывается ориентирована на грамматику английского языка. Например, тег ALINK и его атрибуты совершенно неприменимы к русскому языку с его богатой и запутанной системой видо-временных значений.

Первый недостаток представляется нам самым существенным. Его одного, в принципе, достаточно, чтобы мотивировать разработку нового формата, поэтому мы начали работу с определения круга интересующих нас явлений и исходили из того, что практически все “не-триггеры” TimeML должны в него войти.

2. Круг рассматриваемых явлений

Можно выделить 4 интуитивно понятных типа временной информации: локализация во времени, длительность, периодичность, последовательность (во времени). Локализация – это ответ на вопрос “когда?”, длительность – ответ на вопрос “как долго?”, последовательность – ответ на вопросы “после чего?”, “перед чем?”, периодичность – ответ на вопрос “на каком временном отрезке повторяется?”. Периодичность является частным случаем квантификации событий, однако наш предмет исследования ограничен семантикой времени, поэтому мы приняли решение

квантификацию как таковую из рассмотрения исключить. На практике это означает, что выражение *дважды в неделю* подлежит разметке, а выражение *дважды* само по себе – нет.

Приводя иллюстративный материал для каждого типа информации, мы движемся от очевидных случаев к нетривиальным и затем к спорным.

локализация

28 сентября, во вторник, завтра, через 5 минут, на третий день (войны / по приезде), в школьные годы, в священный для мусульман праздник, в детстве, в grippe, во время совершения преступления

Примеры, которые исключает формат TimeML: *потом, раньше, когда-то, когда-нибудь*

Специальные конструкции используются в русском языке для локализации через указание на начало и конец события: *с двух часов <понедельника, 1992 года>, по 5 февраля <пятницу>.*

длительность

четыре часа, несколько лет, ночь (напролет), 22-летнее господство Румынии в Бессарабии, третье столетие подряд

Примеры, которые исключает формат TimeML: *долго, долгий, долгосрочный, некоторое время, неопределенный срок*

периодичность

пять раз в неделю, каждый день, по вторникам

Примеры, которые исключает формат TimeML: *часто, время от времени*

временная последовательность

после, раньше, потом, затем (в виде формул для толкования *P* после *Q*, *P* раньше *Q*, *P*, *потом* / *затем Q*)

Примеры, которые исключает формат TimeML: *немедленно, мгновенно, сразу, предыдущий*

Несмотря на свою интуитивность, эти типы информации не являются семантически примитивными. Кроме того, между ними не существует четких границ. Каждый тип представляет собой область значений с ядром и обширной периферией, смыкающейся с соседними типами. Например, говоря о локализации, выделяют локализацию абсолютную и относительную. Абсолютная временная локализация означает, что положение на временной оси определено однозначно, например, *14 июля 2022 года*. Относительная локализация означает, что положение на временной оси задано относительно, например, *завтра* ‘на следующий день после дня, содержащего в себе момент речи’. Нередко бывает, что в качестве точки

отсчета берется другое событие, например, *ушел после обеда*. Однако это не только локализация, но и последовательность событий. Другая пара примеров:

(а) *приходил во вторник*

(б) *приходил по вторникам*

(а) – несомненная локализация, а (б) может быть классифицировано и как локализация повторяющегося события, и как периодичность. К рассмотрению этих примеров мы вернемся в четвертом разделе.

3. Описание формата

Разметка лексикализованных обозначений времени не сводится к выделению этих выражений в тексте. Существенно установить, как они функционируют, т.е. с какими словами в тексте связаны и каково значение (семантика) этих связей. Говоря о семантике связей, мы отдаем себе отчет, что строгое отделение ее от лексического значения единиц, образующих временное выражение, – задача трудная, может быть, нерешаемая. Однако некоторая нечеткость границ, на наш взгляд, не должна иметь серьезного влияния на формат: поскольку объект нашего исследования – *лексикализованные* обозначения времени, разметка с неизбежностью будет отражать какие-то элементы лексических значений рассматриваемых слов. Скорее, было бы странно, если бы при решении подобной задачи лексические значения релевантных слов полностью игнорировались.

Формат разметки предполагает выделение двух типов сущностей – собственно временных выражений и их связей. Учитывая опыт TimeML по созданию временной разметки “на голом тексте”, мы предлагаем выполнять ее “поверх” морфосинтаксической разметки. В качестве морфосинтаксической “основы” нами выбран формат корпуса СинТагРус [11], который синтаксически размечен в соответствии с моделью русского синтаксиса, разработанного в ИППИ РАН [12]. В техническом плане формат СинТагРус представляет собой xml, обогащенный специальными тегами и атрибутами, хотя пользователи обычно знакомятся со структурами СинТагРус в виде схем-графов, поскольку их проще воспринимать. Ниже такой граф приводится для примера (6). Примеры без указания источника взяты из СинТагРус. Примеры, источник которых указан в квадратных скобках, взяты из основного корпуса НКРЯ.

Предлагаемая временная разметка, как и TimeML, является расширением xml. Она

содержит всего два тега: TEMP и TEMP_RELATION. TEMP хранит информацию о временном выражении, TEMP_RELATION – о его связи с другими словами. Теги xml всегда образуют иерархию. Иерархически TEMP_RELATION является потомком TEMP. Иными словами, тег TEMP_RELATION вложен в тег TEMP. Содержательно это означает, что временное выражение, участвующее в связи, всегда фиксировано. Поэтому тег TEMP_RELATION имеет всего два атрибута: атрибут REL хранит информацию о типе связи, атрибут TARGET – информацию о втором участнике. Продемонстрируем разметку простых случаев из перечисленных выше.

(1) *28 сентября немцы заняли Варшаву.*

Внутри тега <S>, хранящего всю информацию о предложении, у этого примера имеется запись:

```
(1') <TEMP HEAD="1" WORDS="1,2"
ISO8601="XXXX-09-28">
<TEMP_RELATION REL="localization"
TARGET="56:4"/>
</TEMP>
```

У тега TEMP заполнено три атрибута: HEAD хранит информацию о синтаксической вершине временного выражения – это первое слово в предложении, WORDS содержит перечень номеров всех входящих в него слов, ISO8601 представляет координаты на временной оси в формате всемирного координированного времени (незаполненные позиции формата помечаются символом X). В целом выражение локализует во времени событие, называемое четвертым словом в этом же предложении, глаголом *заняли*. Этот факт отражен с помощью элемента <TEMP_RELATION> внутри элемента <TEMP>: наше выражение связано с четвертым словом в пятьдесят шестом предложении текста отношением типа localization. В значении атрибута TARGET, указывающего на второго участника связи, номеру слова (4) предшествует другая цифра – 56. Это номер данного предложения в тексте. Таким образом, формат предоставляет возможность устанавливать для временных выражений связи, выходящие за пределы предложения.

(2) *С августа 1942 года по февраль 1943 года японские и американские войска сражаются за контроль над островом Гуадалканал в составе архипелага Соломоновы острова.*

В данном предложении мы усматриваем два временных выражения – локализирующее начало события *сражаются* и локализирующее его конец.

```
(2') <TEMP HEAD="1" WORDS="1,2,3,4"
ISO8601="1942-08-XX">
<TEMP_RELATION REL="start" TARGET="560:13"/>
</TEMP>
```



```
<TEMP HEAD="5" WORDS="5,6,7,8"
ISO8601="1943-02-XX">
<TEMP_RELATION REL="end" TARGET="560:13"/>
</TEMP>
```

Длительность и периодичность также представляются в виде специализированных отношений.

(3) *Тренеры думали четыре часа, но ничего не решили.*

Выражение *четыре часа* размечается следующим образом:

```
<TEMP HEAD="4" WORDS="3,4">
<TEMP_RELATION REL="duration"
TARGET="18:2"/>
</TEMP>
```

(4) *Врачи прописали мне ежедневно читать вслух "Евгения Онегина".*

```
<TEMP HEAD="4" WORDS="4">
<TEMP_RELATION REL="period" TARGET="6:5"/>
</TEMP>
```

Что касается последовательности событий во времени, то для нее в формате разметки предусмотрено не одно, а два отношения. События не существуют и не мыслятся иначе, как следующими друг за другом во времени. Поэтому стоит в речи или в тексте появиться нескольким обозначениям событий, как они тут же интерпретируются как последовательность: *пришел, увидел, победил*. Такие случаи мы не размечаем, так как наш объект исследования ограничен лексикализованными средствами выражения временной информации. Если последовательность обозначается лексически, то ее показатель связан не с одним, а с двумя событиями. Соответственно, для разметки используются два отношения, *sequence_1* и *sequence_2*. Первое отмечает более раннего участника, второе – более позднего.

(5) *Сливу отварите, затем протрите через сито.*

```
<TEMP HEAD="3" WORDS="3">
<TEMP_RELATION REL="sequence_1"
TARGET="7:2"/>
<TEMP_RELATION REL="sequence_2"
TARGET="7:4"/>
</TEMP>
```

4. Тонкости и трудности

Границы временных выражений

Мы уже говорили, что временная разметка выполняется "поверх" разметки синтаксической. Поэтому нам доступен простой и формальный способ определения границ временных выражений – временное выражение должно являться группой синтаксического узла. Под группой синтаксического узла понимается узел со всеми его синтаксическими зависимыми, непосредственными и опосредованными. Однако уже в примере (2)

мы видим, что границы поддереьев определяются не только семантикой, поэтому этот формальный способ годится не для всех случаев: выражения *с августа 1942 года* и *по февраль 1943 года* представляют группу узла *с*, так как предлог *по* зависит от него по соотносительному синтаксическому отношению. Семантически же эти два выражения независимы друг от друга. Каждое из них может функционировать в тексте само по себе, и смысл его при этом не меняется:

(2') *С августа 1942 года японские и американские войска сражаются за контроль над островом Гуадалканал в составе архипелага Соломоновы острова.*

(2'') *По февраль 1943 года японские и американские войска сражаются за контроль над островом Гуадалканал в составе архипелага Соломоновы острова. (однозначно возможно До февраля)*

Пример изолированного использования конструкции *с по* в рассматриваемом временном значении: *Создан мировой бренд несущей народам счастье "либеральной демократии", которая когда-то была и правда неплохой штукой (по И. Валлерстайну — по 1968 год), а сегодня стала очень красивой игрушкой внешне и своего рода разрушающим общества вирусом по сути. [Михаил Рогожников. Какая демократия нам нужна (2004) // "Эксперт", 13.12.2004]*

Рассмотрим еще один пример:

(6) *Но и спустя 100 лет после исследования Третьякова неизвестно, погибли ли клетки из-за скопленных вредного белка или у обоих процессов общая причина.*

Синтаксическая структура этого предложения следующая.

Начав рассмотрение с вершины *спустя*, мы увидим группу *и спустя 100 лет после исследования Третьякова*. Можно сказать, что это единое временное выражение, локализирующее состояние, обозначаемое словом *неизвестно*. Это будет корректным, но сильно огрубленным отражением функции этого выражения. Очевидно, что локализация в данном случае – относительная, основанная на точке отсчета, заданной как 'время, когда Третьяков выполнил свое исследование'. От этой точки отсчитывается сто лет, и на другом конце этого отрезка располагается локализуемое состояние.

Предлагаемый формат позволяет выполнить разметку этого предложения так, что оно будет содержать два временных выражения, одно из которых будет вложено в другое:

```
(6) <TEMP HEAD="3" WORDS="2,3,4,5,6,7,8">
</TEMP>
<TEMP HEAD="6" WORDS="6,7,8">
</TEMP>
```

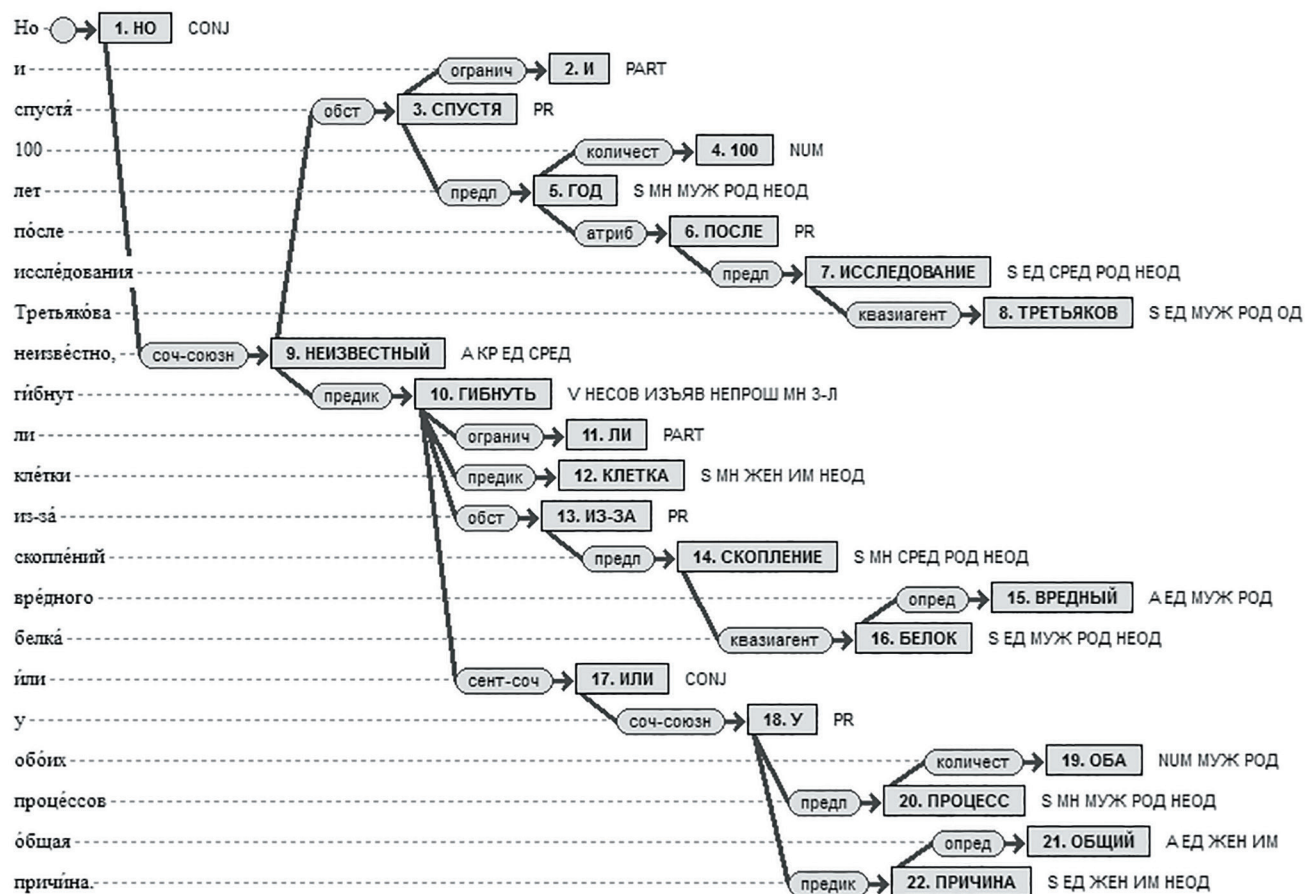

Рис. 1 Синтаксическая структура примера (6)

Полная разметка этого примера будет дана ниже, когда мы представим способ разметки разделяющих интервалов, а пока вернемся к рассмотрению границ временных выражений. Мы указали два возможных отклонения от типичного случая, когда временному выражению соответствует синтаксическая группа: случай, когда группа содержит два непересекающихся выражения, и случай, когда группа соответствует временному выражению, в которое “вложено” временное выражение меньшего размера. Но наибольшую трудность для описания представляют следующие сконструированные примеры:

(7а) Он приедет 5–6 июля.

(7б) Фестиваль пройдет 5–6 июля.

В (7а) выражение 5–6 июля локализует во времени событие приезда и содержит в себе дизъюнкцию: ‘приедет 5 июля или приедет 6 июля’. В (7б) то же самое выражение скорее фиксирует начальную и конечную точки: ‘фестиваль начнется 5 июля и закончится 6 июля’. Подобная интерпретация очевидно предпочтительна, когда даты не следуют друг за другом непосредственно: *Фестиваль пройдет*

5–12 июля. Синтаксически выражение 5–6 июля в обоих примерах устроено одинаково: вершиной является первое числительное, которое подчиняет себе название месяца по атрибутивному синтаксическому отношению, а второе числительное – по кратному синтаксическому отношению.

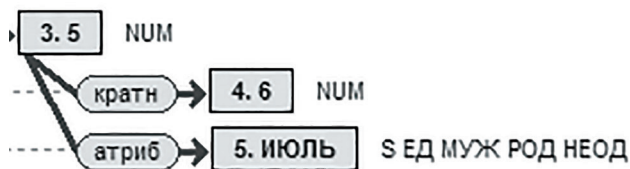

Рис. 2 Фрагмент синтаксической структуры примеров (7а) и (7б)

Поскольку тут имеется сочинительное сокращение (по смыслу второе числительное также связано с названием месяца), не хочется подходить к разметке примеров типа (7б) так же, как мы подходили к разметке примеров типа 2, содержащих информацию о начале и конце события: разделив поддерево на два непересекающихся выражения (5 июля и 6) таким образом, что первое обозначает начало, а второе – конец события, мы получим одно линейно разорванное выражение и одно неполное, которое не может самостоятельно

функционировать в предложении, передавая тот же смысл. То же самое относится к решению усматривать два выражения и в тех случаях, когда имеется дизъюнктивная интерпретация. Чтобы сохранить функциональность описания (под функциональностью мы понимаем то, что выделенное разметкой выражение является самостоятельной единицей – например, может быть перенесено в другое предложение с сохранением смысла), мы предлагаем в таких случаях видеть единое временное выражение. При этом все релевантные для него свойства, помимо границ в тексте, устанавливаются на семантических основаниях, а специфика соотношения морфосинтаксической структуры и семантики отражается с помощью специального атрибута COMPOSED. Таким образом, разметка выглядит так:

```
(76') <TEMP HEAD="3" WORDS="3,4,5"
ISO8601="XXXX-07-05" ISO8601="XXXX-07-06"
COMPOSED="YES">
<TEMP_RELATION REL="start" TARGET="1:1"/>
<TEMP_RELATION REL="end" TARGET="1:1"/>
</TEMP>
```

Разметка для (7а) выглядит так:

```
(7a') <TEMP HEAD="3" WORDS="3,4,5"
ISO8601="XXXX-07-05" ISO8601="XXXX-07-06"
COMPOSED="YES">
<TEMP_RELATION REL="localization"
TARGET="1:2"/>
</TEMP>
```

Отношение дизъюнкции в разметке никак не отражается.

Выражения со значением интервала

Рассмотрим следующие примеры:

(8) *Он пошел вниз и вернулся через минуту с парой великолепных защитных перчаток, предназначенных специально для фиксации кошек.*

(9) *Быстрая секретарша на минуту скрылась в кабинете и проговорила, вернувшись: – Товарищ Ефимова, пожалуйста.*

В первом предложении минута – это отрезок времени между событиями, обозначенными глаголами *пошел* и *вернулся*, во втором – глаголом *скрылась* и деепричастием *вернувшись*. Если поставить во главу угла именно временной отрезок, то можно сказать, что пары *пошел* и *вернулся*, *скрылась* и *вернувшись* определяют границы интервала. Поэтому временные выражения в данных примерах получают следующую разметку:

```
(8') <TEMP HEAD="6" WORDS="6,7">
<TEMP_RELATION REL="localization"
TARGET="1:5"/>
```

```
<TEMP_RELATION REL="interval after"
TARGET="1:2"/>
<TEMP_RELATION REL="interval before"
TARGET="1:5"/>
</TEMP>
```

```
(9') <TEMP HEAD="3" WORDS="3,4">
<TEMP_RELATION REL="interval after"
TARGET="15:5"/>
<TEMP_RELATION REL="interval before"
TARGET="15:10"/>
</TEMP>
```

Отношение *interval after* направлено к слову, которое задает левую границу интервала, его начало, а отношение *interval before* – к слову, которое задает его правую границу или конец.

Обращает на себя внимание своеобразная асимметрия: в примере (8) временное выражение синтаксически зависит от слова, ассоциированного с концом интервала, а в примере (9) – с началом. При этом естественно считать, что в примере (8) выражение также локализует во времени событие, завершающее интервал (*Когда он вернулся? – Через минуту*). В примере 9 нельзя сказать, что временное выражение локализует какое-то из связанных с ним событий: *Когда секретарша скрылась? *На минуту. Когда секретарша вернулась? *На минуту.*

Не всегда у интервалов охарактеризованы обе границы.

(10) *И только после 2014 года оказалось достаточно политической воли у власти, чтобы это все закончить.*

Здесь определена только левая граница интервала. Заметим, что это выражение также является локализацией, поскольку отвечает на вопрос *когда?* Таким образом, значение временного выражения в этом предложении следующее: ‘интервал, ограниченный слева 2014 годом’.

```
(10') <TEMP HEAD="3" WORDS="3,4,5"
ISO8601="2014-XX-XX">
<TEMP_RELATION REL="interval after"
TARGET="119:5"/>
<TEMP_RELATION REL="localization"
TARGET="119:6"/>
</TEMP>
```

(11) *В любом случае, сказала она, до конца года об этом не может быть и речи.*

Определена только правая граница интервала. Временная разметка аналогична предыдущему примеру с точностью до имени отношения: в слово *конец* направлено отношение *interval before*.

Существенно, что сами границы в состав временных интервалов не входят: неверно из предложения (10) делать вывод, что у власти уже в 2014 году оказалось достаточно политической воли.

Вернемся теперь к примеру 6:

(6) *Но и спустя 100 лет после исследования Третьякова неизвестно, гибнут ли клетки из-за скоплений вредного белка или у обоих процессов общая причина.*

Временные выражения с предлогом *спустя* очень близки временным предложениям с предлогом *через*. Ср.

(6') *Но и через 100 лет после исследования Третьякова неизвестно, гибнут ли клетки из-за скоплений вредного белка или у обоих процессов общая причина.*

Соответственно, полная разметка объемлющего временного выражения *через 100 лет после исследования Третьякова* будет выглядеть так:

```
<TEMP HEAD="3" WORDS="2,3,4,5,6,7,8">
<TEMP_RELATION REL="localization"
TARGET="55:9"/>
<TEMP_RELATION REL="interval after"
TARGET="55:7"/>
<TEMP_RELATION REL="interval before"
TARGET="55:9"/>
</TEMP>
```

Аналогично примеру (8) отношение *interval after* направлено в слово *исследования*, так как именно оно обозначает событие, ассоциирующееся с границей интервала. Однако мы уже договорились, что это слово также входит в состав вложенного выражения *после исследования Третьякова*. Как соотносить это выражение с объемлющим его выражением? Мы предлагаем разметить вложенное выражение следующим образом:

```
<TEMP HEAD="6" WORDS="6,7,8">
<TEMP_RELATION REL="interval after"
TARGET="55:7"/>
</TEMP>
```

Содержательно это означает, что смысл выражения – ‘интервал, начатый исследованием Третьякова’

(в геометрических терминах – луч). Таким образом, это выражение размечается параллельно с временным выражением из примера (10). Кроме того, мы достигаем изоморфности временной разметки на синтаксическом и семантическом уровнях. Компонент `<TEMP_RELATION REL="interval after" TARGET="55:7"/>` повторяется в разметке объемлющего выражения, демонстрируя “вложенность” смысла меньшего выражения в большее.

Завершая разбор этого примера, обратим внимание читателя на то, что само по себе выражение *после исследования Третьякова* в другом контексте могло бы истолковываться как указание на событие в последовательности (*статья, опубликованная после исследования Третьякова*). Из указания на интервал всегда может быть выведена информация о временной последовательности событий. Таким образом примеры, размеченные с помощью *interval after* и *interval before*, оказываются на периферии выражений, передающих информацию о временной последовательности, на стыке этого типа с другими. Мы упоминали подобные периферийные явления, возникающие, когда одновременно передается временная информация разных типов, в разделе 2. Еще более ярко иллюстрирует связь между идеей разделяющего интервала и идеей последовательности наречие *сразу*. В своем временном значении это наречие обозначает отсутствие разделяющего интервала между двумя событиями. Ср. толкование из малого академического словаря русского языка [13] “В ближайший момент после чего-л.”. Многие контексты напоминают пример (6) – *сразу* сочетается с предлогом *после*.

(12) *Он вызвал отца и невесту телеграммой в Сибирь и сразу после венчания отбыл в Порт-Артур.*

Синтаксически это выражение сильно отличается от структуры выражения в (6): *сразу*

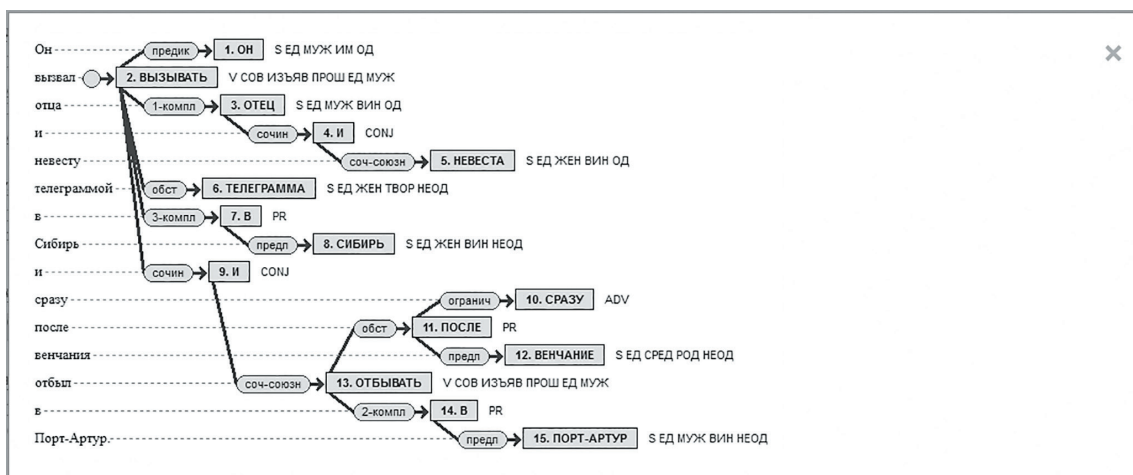

Рис. 3 Синтаксическая структура примера (12)

не управляет предлогом *после*, а зависит от него по ограничительному отношению.

Временная разметка должна, на наш взгляд, вскрывать общность семантических структур, скрывающихся за такими разными морфосинтаксическими образцами, как *сразу* + *после* и *через* + *после*. Применять обозначения *interval before* и *interval after* к описанию наречия *сразу* и ему подобных нам кажется неверным, поскольку они указывают на отсутствие интервала. Для этих случаев мы используем обозначения *lack of interval_1* и *lack_of_interval_2*.

```
(12') <TEMP HEAD="10" WORDS="10">
<TEMP_RELATION REL="lack of interval_1"
TARGET="49:12"/>
<TEMP_RELATION REL="lack of interval_2"
TARGET="49:13"/>
</TEMP>
<TEMP HEAD="11" WORDS="11,12">
<TEMP_RELATION REL="sequence_1"
TARGET="49:12"/>
<TEMP_RELATION REL="sequence_2"
TARGET="49:13"/>
</TEMP>
```

Пара *lack of interval_1* и *lack of interval_2* используется в разметке аналогично с парой *sequence_1* и *sequence_2*. Кроме того, на уровне логических выводов можно говорить о том, что события, к которым отсылают *lack of interval_1* и *lack of interval_2*, соотносятся так же, как и события, связанные отношениями *sequence_1* и *sequence_2*. В случае конструкции *сразу* + *после* этот факт в разметке отражается эксплицитно. Кроме того, то же логическое отношение существует между событиями или временными отрезками, связанными отношениями *interval before* и *interval after*, если эти отношения исходят из одного временно-го выражения.

Дейктические явления

Временная разметка не может игнорировать дейксис — механизм образования значения языковых средств за счет опоры на ситуацию речи. На данный момент мы ориентируем формат разметки на письменные тексты, однако с незначительными вариациями механизм дейксиса работает и в них. Так, в новостном тексте абсолютное значение слов *сегодня* и *завтра* выводится из знания о том, в какой день новость опубликовали. Подобную ситуацию можно назвать расширенным первичным дейксисом. С другой стороны, хорошо известно явление вторичного дейксиса, когда значение языковой единицы сходным образом опирается на сведения, имеющиеся в распоряжении понимающего, но отличные от

ситуации речи. Например, встречая те же самые слова *сегодня* и *завтра* в романе, читатель понимает, куда они помещают соответствующее событие — относительно некоторой точки вымышленного романного времени. Чтобы различить эти случаи, мы ввели в разметку два элемента, UT (Utterance Time, время, на которое ссылаются дейктические единицы в ситуации первичного дейксиса) и СТТ (Current Text Time, альтернативное “якорное” время).

```
(76') <TEMP HEAD="3" WORDS="3,4,5"
ISO8601="XXXX-07-05" ISO8601="XXXX-07-06"
COMPOSED="YES">
<TEMP_RELATION REL="start" TARGET="1:1"/>
<TEMP_RELATION REL="end" TARGET="1:1"/>
</TEMP>
```

```
(7a') <TEMP HEAD="3" WORDS="3,4,5"
ISO8601="XXXX-07-05" ISO8601="XXXX-07-06"
COMPOSED="YES">
<TEMP_RELATION REL="localization"
TARGET="1:2"/>
</TEMP>
```

Эти специальные элементы дают нам возможность отразить вклад дейксиса в семантику выражения даже в тех случаях, когда у нас нет опоры для вычисления точного значения выражения (например, установить дату публикации разбираемой новости не представляется возможным). Теперь рассмотрим случай, когда нам известна дата, выступающая в качестве точки отсчета для употребленных в тексте дейктических средств, — она включена в конец текста или находится на месте подзаголовка. В этом случае разметку можно выполнять двумя способами: а) установить связь непосредственно с тем выражением, которое указывает на дейктическую точку отсчета; б) разметить дейктическое выражение так же, как в случае отсутствия точной информации о дейктическом центре, а референтному выражению присвоить атрибут, показывающий, что оно выступает в качестве дейктического центра. Мы предпочитаем второй способ, так как он позволяет единообразно размечать дейктические средства вне зависимости от знания о координатах дейктического центра и легко находить их при поиске. Соответствующий атрибут называется ANCHOR. В описанной выше ситуации разметка временно-го выражения, соответствующего дате публикации новости, содержит атрибут ANCHOR="UT". Кроме UT, этот атрибут может также принимать значение СТТ. Выражения типа *однажды* и *как-то раз*, по нашему мнению, не столько локализируют во времени события, к которым относятся, сколько задают точку отсчета для последующего

изложения. Иногда эту функцию берет на себя целое предложение, например,

(13) *Шла Страстная неделя.*

Его мы размечаем следующим образом.

<TEMP HEAD="3" WORDS="2,3" ANCHOR="СТТ">

Нелексистализованные события

Дейксис — базовый механизм языка: даже не зная конкретных значений точек отсчета, слушатель или читатель способен их сконструировать или реконструировать так, чтобы без потерь воспринять текст. Однако это лишь малая часть тех смыслов, которые не имеют конкретного лексического воплощения в тексте и которыми слушатель или читатель, тем не менее, свободно оперирует. Рассмотрим следующие примеры:

(14) *Я жду Васю завтра.*

(15) *Танцор на мгновение замер.*

(16) *Встреча отложена на неделю.*

(17) *Ветер метет поземку, мгновенно заравнивая лубой след.*

(14), (15), (16) и (17) включают в себя уже рассмотренные нами временные выражения или их квазисинонимы (*мгновенно* ≈ *сразу*). Их объединяет то, что на этапе установления семантической связи с событием возникает сложность.

Завтра в прототипическом случае локализует событие, обозначенное одним из глаголов предложения: сообщается, что оно произойдет на следующий день относительно дейктического центра. Однако в (14) это не так. *Завтра* локализует не событие, обозначенное глаголом *жду*, а появление Васи. В (15) *на мгновение* обозначает интервал. С глаголом *замер*, синтаксически управляющим временным выражением, соотносится начало этого интервала. Нетривиальное приращение смысла состоит в том, что концом интервала является прекращение состояния, в котором начал быть танцор. В (16) событие, обозначаемое глаголом *откладывать*, вообще никак не связано с границами и наполнением недельного временного интервала: неделя разделяет старую и новую даты встречи. В (17) есть указание на отсутствие интервала между заравниванием и появлением следа.

Эти примеры показывают, что, помимо уже упоминавшихся средств, инструменты временной разметки должны быть рассчитаны на работу с довольно широким спектром нелексистализованных смыслов. Для таких случаев наш формат

разрешает большую свободу при заполнении атрибута TARGET.

Это может быть фиктивное слово или короткое словосочетание с необходимым смыслом по усмотрению разметчика:

(14') <TEMP HEAD="4" WORDS="4" >
<TEMP_RELATION REL="localization" TARGET="приезд Васи"/>
<TEMP_RELATION REL="interval after" TARGET="СТТ"/>
</TEMP>

(15') <TEMP HEAD="2" WORDS="2,3" >
<TEMP_RELATION REL="interval after" TARGET="62:4"/> (TARGET – *замер*)
<TEMP_RELATION REL="interval before" TARGET="завдвигался"/>
</TEMP>

Это может быть слово, уже связанное с выражением какой-то другой связью:

(16') <TEMP HEAD="3" WORDS="3,4" >
<TEMP_RELATION REL="interval after" TARGET="1:1"/> (TARGET – *Встреча*)
<TEMP_RELATION REL="interval before" TARGET="1:1"/> (TARGET – *Встреча*)
</TEMP>

Наконец, это может быть другой семантический компонент:

(17') <TEMP HEAD="4" WORDS="4" >
<TEMP_RELATION REL="lack of interval_1" TARGET="start"/>
<TEMP_RELATION REL="start" TARGET="84:7"/> (TARGET – *след*)
<TEMP_RELATION REL="lack of interval_2" TARGET="84:5"/> (TARGET – *заравнивая*)
</TEMP>

В разметку слова *мгновенно* включено отношение *start*, направленное в существительное *след*. За этой записью стоит такое рассуждение: значение существительного с предметным значением в конкретно-референтном употреблении всегда содержит утверждение 'существует X'. Существование, как любое другое состояние, может быть локализовано во времени, может иметь начало, конец, длительность. Соответственно получают временную разметку примеры типа *мода 30-х годов* 'мода, существовавшая в 30-е годы' (localization), *рукопись IX века* 'рукопись, созданная в IX веке' (start) и т.д. В рассматриваемом примере след существует и выражение *мгновенно* семантически относится именно к существованию следа: сообщается, что между его началом и концом нет никакого временного промежутка. А для представления этого смысла в нашем

формате есть стандартное средство – пара `lack of interval_1 / lack of interval_2`.

Временные выражения с порядковыми числительными

Рассмотрим примеры:

(18а) *На третий день по приезде мы узнали, что эти выстрелы, боевые возгласы и пролетевшее прямо над моей головой яйцо зовутся Хэллоуин.*

(18б) *Их батарея сделала первый залп только на третий день войны.*

(18в) *Так, на третий день я узнал о трагедии с бабабами.*

В них представлена конструкция с предлогом *на*, управляющим существительным в Вин. п. со значением единицы времени. У нее есть три варианта: а) от существительного зависит предложная группа с предлогом *по* или *после*; б) от существительного зависит существительное в родительном падеже; в) у существительного нет зависимых.

Во всех трех случаях временное выражение локализует во времени событие, от обозначения которого оно синтаксически зависит. Локализация эта относительная, она всегда опирается на точку отсчета. Эта ситуация содержательно совпадает с ситуацией, когда у нас имеется разделяющий интервал. В случае а) точка отсчета выражена эксплицитно, с помощью предложной группы.

Временная разметка примера:

```
(18а') <TEMP HEAD="1" WORDS="1,2,3,4,5" >
<TEMP_RELATION REL="localization"
TARGET="11:7"/>
<TEMP_RELATION REL="interval after"
TARGET="11:5"/>
<TEMP_RELATION REL="interval before"
TARGET="11:7"/>
</TEMP>
<TEMP HEAD="4" WORDS="4,5" >
<TEMP_RELATION REL="interval after"
TARGET="11:5"/>
</TEMP>
```

Разметка включает отношения `interval after` и `interval before`, тем самым показывая, что это выражение имеет общую семантическую часть с выражениями с предлогами *через* и *спустя* – оно точно так же опирается на разделяющий интервал.

В случае б) точкой отсчета является начало события, обозначаемого существительным в родительном падеже. В основе понимания – базовое знание: всякое событие обязательно имеет начало. Семантической компонент ‘начало’ вводится в разметку (18б) точно так же, как это было показано для (17):

```
(18б') <TEMP HEAD="7" WORDS="7,8,9,10" >
<TEMP_RELATION REL="localization"
TARGET="74:3"/>
<TEMP_RELATION REL="interval after"
TARGET="start"/>
<TEMP_RELATION REL="start" TARGET="74:10"/>
<TEMP_RELATION REL="interval before"
TARGET="74:3"/>
</TEMP>
```

В случае в) точка отсчета подразумевается – из текста “Маленького принца” читатель знает, что отсчет ведется от времени аварии. В разметке это время можно отразить, либо “вписав” появление в качестве значения атрибута (см. (14') и (15')), либо “направив” эту стрелку в одно из слов, обозначающих аварию, – в начале текста.

Временная разметка примера:

```
(18в') <TEMP HEAD="2" WORDS="2,3,4" >
<TEMP_RELATION REL="localization"
TARGET="227:6"/>
<TEMP_RELATION REL="interval before"
TARGET="227:6"/>
<TEMP_RELATION REL="interval after"
TARGET="авария"/>
</TEMP>
```

Рассмотрим теперь такой пример.

(19) *А об освобождении нас от имперского наваждения, заставляющего третье столетие подряд разрывать снарядами и бомбами клочок земли, населенный так и не покорившимся самым трудным для нас народом.*

Вершиной этого временного выражения не является предлог *на*, а семантически оно не является локализацией. Однако точно так же, как в примерах (18а–в), в основе его лежит точка отсчета и примыкающий к ней интервал некоторой длины. В нашем примере точкой отсчета является момент, когда ‘начали разрывать’, а длина интервала составляет больше 200, но меньше 300 лет. Однако, помимо неточности указания длины интервала, у этой конструкции имеется еще один семантический компонент. Чтобы его выявить, сравним конструкцию с выражениями *больше двухсот лет*, *больше двух столетий*. Они тоже обозначают интервал нечетко определенной длины. На наш взгляд, выражение *третье столетие подряд* отличается от выражений *больше двухсот лет*, *больше двух столетий подряд* по тому же признаку, по какому *давно* отличается от *долго*.

В статье Е.В. Падучевой, посвященной семантике наречий *давно* и *долго* [14], вводится такой различительный признак, как открытость/закрытость временного интервала. *Давно* – это обозначение большой длительности, у которого этот признак имеет значение “открытый”, а

долго – это обозначение большой длительности, у которого этот признак имеет значение “закрытый”. Открытость/закрытость интервала оценивается, исходя из законченности ситуации. Если ситуация не закончилась, то наблюдатель как бы наблюдает ее протекание или, по выражению Е.В. Падучевой, находится в синхронной позиции. Поэтому грамматически корректно *я давно тебя люблю*, и некорректно **я долго тебя люблю* – о незаконченности ситуации нам говорит форма непрошедшего времени несовершенного вида. А перевод этих утверждений в форму прошедшего времени меняет картину: ситуация становится законченной, и допустимость наречий *давно* и *долго* меняется на противоположную. Ср. *я долго тебя любила* (‘и перестала’) и несколько аномальное *я давно тебя любила*. Это предложение нуждается во временном контексте, задающем ретроспективную позицию наблюдателя, – например, *я уже тогда давно тебя любила*.

Протестируем в этих контекстах длительную конструкцию с порядковым числительным и длительную конструкцию с *больше*:

(20а) *Я третий год тебя люблю.*

(20б) *Я третий год тебя любила.*

(21а) *Я больше двух лет тебя люблю.*

(21б) *Я больше двух лет тебя любила.*

(20а) совершенно грамматично, (20б) требует расширения временного контекста, например, слова *тогда*. Иными словами, длительная конструкция с порядковым числительным в сочетании с формами глагола несовершенного вида ведет себя так же, как наречие *давно*. (21а) грамматично, (21б) грамматично и подразумевает ‘и перестала любить’. Таким образом, в отличие от наречия *долго*, длительная конструкция с *больше* оказывается приемлема в сочетании с формами несовершенного вида непрошедшего времени. Очевидно, она не охарактеризована по признаку открытости/закрытости интервала, поэтому может употребляться в контекстах обоих типов и соответственно пониматься. А вот интересующая нас конструкция с порядковым числительным по признаку открытости/закрытости интервала охарактеризована как обозначающая открытый интервал.

Мы приняли решение размечать открытые временные интервалы с помощью отношения *includes*, которое направлено либо в элемент *UT*, либо в элемент *СТТ*, поскольку сами по себе *UT* и *СТТ* можно рассматривать как обозначения позиции наблюдателя.

```
(19') TEMP HEAD="10" WORDS="9,10,11" >
<TEMP_RELATION REL="duration"
TARGET="136:12"/>
<TEMP_RELATION REL="includes"
TARGET="UT"/>
</TEMP>
```

Время наблюдения

Сравним два предложения:

(22а) *В девять часов Петя спал.*

(22б) *К девяти часам Петя спал.*

В чем состоит семантическое различие между ними?

(22а) означает:

в момент времени t_1 , называемый *девять часов*, имела место ситуация Р ‘Петя спит’, обозначаемая глаголом *спал*.

(22б) означает:

(а) в момент времени t_1 , называемый *девять часов*, имела место ситуация Р ‘Петя спит’, обозначаемая глаголом *спал*;

(б) ситуация Р начала иметь место в момент времени t_0 , предшествующий t_1 ;

(в) интервал, разделяющий t_0 и t_1 , невелик.

Смысл ‘ситуация начала иметь место и продолжается’ – это смысл грамматической категории перфекта. Получается, что предложная группа, обозначающая время, не просто указывает время события, но и добавляет к смыслу предложения компонент (б), соответствующий грамматическому значению форм перфектного разряда. При этом нельзя сказать, что перфектом становится сама глагольная форма *спал*, так как от перфекта требуется обозначать более раннее событие относительно подразумеваемого позднего, а *спал* обозначает более позднее состояние относительно более раннего *заснул*, которое подразумевается выражением $к + N_{temp}$. Как каламбур можно сказать, что само выражение $к + N_{temp}$ и есть такой неглагольный перфект.

Однако материалы, полученные в результате пилотной разметки корпуса, показывают, что выражение $к + N_{temp}$ встречается не только при формах изъявительного наклонения несовершенного вида. Гораздо чаще оно сочетается с формами совершенного вида, финитными и нефинитными:

(23а) *Перегребли к вечеру с острова на материк [...].*

(23б) *Уже в марте 2006 года “Газета.Ру” со ссылкой на свои источники сообщила, что Кремль намерен выкупить “Коммерсант” у Патаркацишвили к парламентским выборам.*

(23в) *На уровне публикаций это не сказалось, и никто из читателей газеты не знал, что в 1998 году Яковлев, к тому времени серьезно увлекшийся буддизмом, покинул Россию, перебравшись в Лос-Анджелес.*

(23г) *К этому моменту на куске участка дачи Чуковского уже была построена детская библиотека, быстро ставшая центром светской и общественной жизни детской части переделкинского населения.*

Кроме того, это выражение может быть атрибутом существительного:

(24) *Еще раз для сравнения – на пресловутый проект “Роснефти” “Восток-Ойл”, который предполагает выход на уровень добычи в 100 млн тонн в год к 2030 году (по заверениям “Роснефти”), планируется потратить 10 трлн рублей и предоставить проекту 2,6 трлн рублей налоговых льгот.*

В этих контекстах ситуация, обозначаемая глагольной формой, соотносится не с моментом времени t_1 , а с моментом t_0 и подразумевает начало состояния, отличного от самой ситуации.

(23а) означает:

(а) в момент времени t_1 , называемый *вечер*, имела место ситуация Р ‘мы на материке’;

(б) ситуация Р начала иметь место в момент времени t_0 , предшествующий t_1 ;

(в) интервал, разделяющий t_0 и t_1 , невелик;

(г) ситуация Р начала иметь место в результате ситуации Q, обозначаемой глаголом *перегребли*;

(д) ситуация Q имела место в t_0 .

(24) означает:

(а) в момент времени t_1 , называемый *2030 год*, будет иметь место ситуация Р ‘уровень добычи составляет 100 млн тонн в год’;

(б) ситуация Р начнет иметь место в момент времени t_0 , предшествующий t_1 ;

(в) интервал, разделяющий t_0 и t_1 , невелик;

(г) смысл ‘Р начнет иметь место’ выражает существительное *выход*.

Обобщая толкования конкретных предложений, можно сказать, что $k + N_{temp}$ обозначает момент времени, когда имеет место результирующее состояние. При этом синтаксический хозяин предложной группы может обозначать как состояние, так и ситуацию, его вызвавшую.

Чтобы отличить случай, когда хозяин обозначает состояние, от случая, когда хозяин обозначает его начало/причину, можно использовать замену на стандартную локализирующую конструкцию. Для примера (22б) такой заменой будет конструкция с предлогом *в*, а результатом

замены – предложение (22а); для примера (23а) стандартной заменой будет слово *вечером*. В случае, когда синтаксический хозяин обозначает само состояние, замена на локализацию производит предложение, совместимое по смыслу с исходным: если к девяти часам Вася спал, то верно, что в 9 часов Вася спал. В противном случае такого соотношения установить нельзя: если к вечеру перегребли на материк, то нельзя с уверенностью сказать, что на материк перегребли вечером.

Случай, когда группа $k + N_{temp}$ обозначает время, когда наблюдается результирующее состояние, а ее синтаксический хозяин обозначает то, что это состояние начало, можно сказать, что выражение $k + N_{temp}$ локализует событие в интервале с известной правой границей, соответственно разметка будет выглядеть так (на примере (23а)):

```
(23а') <TEMP HEAD="2" WORDS="2,3">
<TEMP_RELATION REL="localization"
TARGET="312:1"/>
<TEMP_RELATION REL="interval before"
TARGET="312:3"/>
</TEMP>
```

Наличие в этом случае семантического компонента ‘локализация’ подтверждается тем фактом, что $k + N_{temp}$ в этом контексте может служить ответом на вопрос с *когда*: *Когда перегребли на материк? – К вечеру.*

Если синтаксический хозяин предложной группы обозначает само состояние, как в примере (22б), то говорить о локализации не приходится, ведь состояние не ‘вмещается’ в указываемый момент. Диагностика с помощью вопроса дает такой же результат: *Когда Петя спал? *К девяти часам.*

Мы предлагаем в таких случаях усматривать специальный тип временной информации, существующий на ряду с локализацией, длительностью, периодичностью и последовательностью – время наблюдения. На примере (22б) (*К девяти часам Петя спал*) продемонстрируем способ его обозначения:

```
(22б') <TEMP HEAD="1" WORDS="1,2,3"
ISO8601="XXXX-XX-XXT21:00:00"
<TEMP_RELATION REL="observation time"
TARGET="1:5"/>
<TEMP_RELATION REL="interval before"
TARGET="312:3"/>
</TEMP>
```

Кванторные временные наречия

Вслед за Е.В. Падучевой [15] мы признаем ряд наречий *никогда, редко, изредка, иногда, часто,*

вечно, все время, всегда имеющими специфические временные значения, которые позволяют говорить об этих наречиях как о кванторных временных наречиях. Приведем рассматриваемые ею примеры:

(25а) *Он всегда сидит в библиотеке.*

(25б) *Он всегда читает в автобусе.*

(25в) *Он всегда обедает в ресторане.*

Разная роль *всегда* в этих предложениях демонстрируется с помощью следующих перифраз:

(а)='Всегда, когда ни помотришь, он сидит в библиотеке'

(б)='Всегда, когда он находится в автобусе, он читает'

(в)='Всегда, когда он обедает, он делает это в ресторане'

На этом основании выделяются два временных значения, непрерывно-временное ('во все моменты времени', пример (25а)) и дискретно-временное ('каждый раз, когда', примеры (25б) и (25в)). *Всегда* в первом значении Е.В. Падучева также характеризует как квантор общности по моментам времени, а во втором — как квантор по событиям.

Исследование того, какие предикаты выступают в качестве основания для квантификации и какими грамматическими средствами они оформляются, представляется нам самостоятельной интересной задачей, поэтому в схему разметки мы включили средства, позволяющие отразить соответствующие отношения. Формат предусматривает два типа связей, *quantifier_1* и *quantifier_2*. *quantifier_1* связывает наречие с основанием для квантификации, *quantifier_2* — с квантуемым предикатом. Соответственно, в предложении (в) отношение *quantifier_1* связывает слово *всегда* с глаголом *обедает*, а отношение *quantifier_2* — с предлогом *в*, синтаксической вершиной обстоятельства *в ресторане*.

```
(25в') <TEMP HEAD="2" WORDS="2" >
<TEMP_RELATION REL="quantifier_1"
TARGET=":3"/>
<TEMP_RELATION REL="quantifier_2"
TARGET=":4"/>
</TEMP>
```

В предложении (б) отношение *quantifier_1* связывает слово *всегда* с предлогом *в*, синтаксической вершиной обстоятельства *в автобусе*, а отношение *quantifier_2* — с глаголом *читает*.

```
(25б') <TEMP HEAD="2" WORDS="2" >
<TEMP_RELATION REL="quantifier_1"
TARGET=":4"/>
```

```
<TEMP_RELATION REL="quantifier_2"
TARGET=":3"/>
</TEMP>
```

Вхождения *всегда* в непрерывно-временном значении мы предлагаем размечать с помощью единственной связи, *quantifier_2*. Таким образом, отсутствие связи *quantifier_1* при наличии *quantifier_2* следует понимать в том смысле, что по умолчанию имеет место квантификация по моментам времени. Соответственно, в примере (а) отношение *quantifier_2* связывает наречие *всегда* с глаголом *сидит*.

```
(25а') <TEMP HEAD="2" WORDS="2" >
<TEMP_RELATION REL="quantifier_2"
TARGET=":3"/>
</TEMP>
```

Заключение

Объем пилотной разметки, выполненной в соответствии с предлагаемым форматом, составляет всего 28 тысяч слов. Это 1611 предложений, из которых 652 содержат временную разметку. Всего размечено 966 временных выражений. Этого количества совершенно недостаточно, чтобы делать статистические обобщения, однако мы предполагаем, что в разметке представлены все основные морфосинтаксические конструкции с временной семантикой. Естественным следующим шагом является выработка морфосинтаксических шаблонов, которые можно отыскать в СинТагРусе автоматическими средствами, выполнение таким образом черновой темпоральной разметки во всем корпусе и экспертная ее проверка. Корпус объемом 1,5 миллиона слов, снабженный темпоральной разметкой, откроет перед лингвистами возможности для количественного описания функционирования временных выражений в тексте, а также для исследования количественных закономерностей их сочетания с различными грамматическими категориями, что, как мы надеемся, послужит вкладом в русскую аспектологию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *The Proposition Bank (PropBank)* <http://propbank.github.io>
2. Prasad R., Dinesh N., Lee A., Miltsakaki E., Robaldo L., Joshi A., Webber B. The Penn Discourse TreeBank 2.0. Proceedings of the Sixth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'08).

3. Grishman R., Sundheim B. Message Understanding Conference – 6: A Brief History. Proceedings of the 16th International Conference on Computational Linguistics (COLING), I, Copenhagen, 1996.
4. Translingual Information Detection, Extraction, and Summarization (TIDES) Evaluation Site. <https://www-nlpir.nist.gov/tides/index.html>
5. Doddington G.R., Mitchell A., Przybocki M.A., Ramshaw L.A., Strassel S.M., Weischedel R.M. The automatic content extraction (ace) program-tasks, data, and evaluation. LREC 2004 (Vol. 2, No. 1).
6. Ferro L., Gerber L., Mani I., Sundheim B., Wilson G. TIDES. Instruction Manual for the Annotation of Temporal Expressions. Technical Report Interim Draft for Terqas Workshop, The MITRE Corporation, 2002.
7. Cavar D., Dickson B., Aljubailan A., Kim S. Temporal Information and Event Markup Language: TIE-ML Markup Process and Schema Version 1.0. arXiv preprint arXiv:2109.13892 (2021).
8. Reichenbach H. Elements of symbolic logic. N.Y.: The MacMillan Co, 1947.
9. Sauri R., Littman J., Knippen B., Gaizauskas R., Setzer A., Pustejovsky J. TimeML Annotation Guidelines Version 1.2. 1., 2006.
10. Апресян Ю.Д. К новой версии теории лексических функций (ЛФ) // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. СПб., 2011.
11. Иншакова Е.С., Иомдин Л.Л., Митюшин Л.Г., Сизов В.Г., Фролова Т.И., Цинман Л.Л. СинTagРус сегодня // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова (21). М., 2019. С. 14–41.
12. Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Санников В.З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010.
13. Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
14. Падучева Е.В. Давно и долго // Логический анализ языка: язык и время. М.: Индрик, 1997.
15. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. Изд. 6-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
- TreeBank 2.0. Proceedings of the Sixth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'08).
3. Grishman, R., Sundheim, B. *Message Understanding Conference – 6: A Brief History*. Proceedings of the 16th International Conference on Computational Linguistics (COLING), I, Copenhagen, 1996.
4. *Translingual Information Detection, Extraction, and Summarization (TIDES) Evaluation Site*. <https://www-nlpir.nist.gov/tides/index.html>
5. Doddington, G.R., Mitchell, A., Przybocki, M.A., Ramshaw, L.A., Strassel, S.M., Weischedel, R.M. *The automatic content extraction (ace) program-tasks, data, and evaluation*. Proceedings of the Sixth International Conference on Language Resources and Evaluation LREC 2004 (Vol. 2, No. 1).
6. Ferro, L., Gerber, L., Mani, I., Sundheim, B., Wilson, G. *TIDES. Instruction Manual for the Annotation of Temporal Expressions*. Technical Report Interim Draft for Terqas Workshop, The MITRE Corporation, 2002.
7. Cavar, D., Dickson, B., Aljubailan, A., Kim, S. Temporal Information and Event Markup Language: TIE-ML Markup Process and Schema Version 1.0. arXiv preprint arXiv:2109.13892 (2021).
8. Reichenbach, H. *Elements of symbolic logic*. N.Y.: The MacMillan Co, 1947.
9. Sauri, R., Littman, J., Knippen, B., Gaizauskas, R., Setzer, A., Pustejovsky, J. TimeML Annotation Guidelines Version 1.2. 1., 2006.
10. Apresyan, Ju.D. *Knovoj versii teorii leksicheskikh funkcij (LF)* [Preliminary Remarks about a New Version of the Theory of Lexical Functions (LF)]. *Mezhdunarodnaja konferencija, posvjashchennaja 50-letiju Peterburgskoj tipologicheskoj shkoly: Materialy i tezisy dokladov*. [International Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the St. Petersburg Typological School: Materials and Abstracts]. St. Petersburg, 2011. (In Russ.)
11. Inshakova, E.S., Iomdin, L.L., Mityushin, L.G., Sizov, V.G., Frolova, T.I., Cinman, L.L. *SinTagRus segodnja* [The SynTagRus Today]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language]. 2019, Iss. 21, pp. 14–41. (In Russ.)
12. Apresyan, Yu.D., Boguslavsky, I.M., Iomdin, L.L., Sannikov, V.Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya* [Theoretical Issues of Russian Syntax: Grammar–Lexicon Interaction]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kultur Publ., 2010. (In Russ.)
13. *Slovar russkogo jazyka* [The Dictionary of Russian], 2nd ed. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1981–1984. (In Russ.)

REFERENCES

1. *The Proposition Bank (PropBank)* <http://propbank.github.io>
2. Prasad, R., Dinesh, N., Lee, A., Miltsakaki, E., Robaldo, L., Joshi, A., Webber, B. *The Penn Discourse*

14. Paduceva, E.V. *Davno i dolgo* [*Davno and Dolgo* (rus. 'a long time')]. *Logicheskij analiz jazyka: jazyk i vremja* [Logical Analysis of Language: Language and Time]. Moscow, Indrik Publ., 1997. (In Russ.)
15. Paduceva, E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost s dejstvitel'nostju: Referencialnye aspekty semantiki mestoimenij* [Sentence in Its Relation to Reality: Referential Aspects of the Pronominal Semantics]. Moscow, Izdatel'stvo LKI Publ., 2010. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 20 сентября 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 8 октября 2022 г.
Статья принята к публикации: 15 октября 2022 г.
Дата публикации: 31 декабря 2022 г.*

*Received by Editor on September 20, 2022
Revised on October 8, 2022
Accepted on October 15, 2022
Date of publication: December 31, 2022*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800023676-9

Кто такой *дикий ревнивец* и почему нам *дико интересно*: полисемия прилагательных типа *дикий* в сфере человеческого

© 2022 г. М. В. Орлова

Младший научный сотрудник
Института языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1
mriaorlova@gmail.com

Резюме. В статье на материале языков европейского ареала рассматривается полисемия прилагательных с исходным значением WILD, UNTAMED (= 'дикий (о животных)') в контексте употребления по отношению к человеку. Выступая в качестве характеристики лица, такие прилагательные получают семантическое развитие в четырех основных направлениях, так что результат деривации можно описать при помощи семантических ярлыков 1) SHY (= 'робкий, застенчивый, нелюдимый'); 2) RUDE, IMPOLITE (= 'грубый, невежливый, невоспитанный'); 3) AGGRESSIVE (= 'жестокий, агрессивный'); 4) IMPULSIVE (= 'буйный, несдержанный, импульсивный').

Когнитивный механизм семантических переходов WILD, UNTAMED → RUDE, IMPOLITE и особенно WILD, UNTAMED → AGGRESSIVE; WILD, UNTAMED → IMPULSIVE, очевидно, основан на представлении о прототипическом диком животном как хищном и опасном для человека, тогда как значение SHY возникло на основе более общего противопоставления сферы человеческого и животного мира. В то же время, благодаря сочетаниям исследуемых прилагательных с названиями эмоций семантическое развитие слова с первым значением WILD, UNTAMED может идти и дальше, так что прилагательное (или образованное от него наречие) начинает употребляться в более широком круге контекстов – актуализируя лексическую функцию Magn, то есть маркируя высокую степень проявления некоторого признака (ярлык VERY). Все отмеченные в статье семантические переходы распространены в языках Европы, что свидетельствует об их важности для европейской языковой картины мира.

Благодарность. Работа поддержана грантом РФФИ № 22-28-00072 “Стратегии номинации в области базовой зоо- и антропонимической лексики в языках Евразии”.

Ключевые слова: семантическая типология, семантические переходы, когнитивная метафора, интенсификаторы, зоонимы, антропонимы, наивная картина мира.

Для цитирования: Орлова М.В. Кто такой *дикий ревнивец* и почему нам *дико интересно*: полисемия прилагательных типа *дикий* в сфере человеческого // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 89–101. DOI: 10.31857/S160578800023676-9

How One Can be *Wildly Jealous* and *Wildly Interested*: the Polysemy of Adjectives Denoting Wild Animals in the Field of Human Life

© 2022 Mariia V. Orlova

Junior researcher at the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences,
1 Bld. 1 Bolshoy Kislovsky lane, Moscow, 125009, Russia
mriaorlova@gmail.com

Abstract. Based on the data of various European languages, the article considers the polysemy of adjectives initially meaning WILD, UNTAMED (animal) when used to characterize human character and behavior. In such contexts, these adjectives develop four major meanings, so that the result of the semantic derivation can be described with semantic labels 1) SHY; 2) RUDE, IMPOLITE; 3) AGGRESSIVE; 4) IMPULSIVE.

The cognitive mechanism of the semantic shifts WILD, UNTAMED → RUDE, IMPOLITE and especially WILD, UNTAMED → AGGRESSIVE; WILD, UNTAMED → IMPULSIVE, is apparently based upon the perception of a prototypical wild animal as predatory and dangerous to humans, whereas the meaning SHY emerged on the basis of a more general opposition between human and animal life. In addition, the semantic development of adjectives denoting WILD, UNTAMED can go further due to their compatibility with names of emotions, so that the adjective (or the adverb derived therefrom) can be used in a wider range of contexts, realizing the lexical function “Magn”, i.e. labelling a high degree of a given feature (semantic label VERY). All the semantic shifts cited in the article are common in European languages, demonstrating importance of these instances of polysemy for the conceptualization of reality encoded therein.

Acknowledgements. This study was funded by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 22-28-00072, “Nomination strategies in the field of basic zoo- and anthroponymic vocabulary in the languages of Eurasia”.

Key words: semantic typology, semantic shifts, cognitive metaphor, intensifiers, zoonymy, anthroponymy, natural language metaphysics.

For citation: Orlova, M.V. *Kto takoj dikij revnivec i pochemu nam diko interesno: polisemiya prilagatelnyh tipa dikij v sfere chelovecheskogo* [How One Can be Wildly Jealous and Wildly Interested: the Polysemy of Adjectives Denoting Wild Animals in the Field of Human Life]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 6, pp. 89–101. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800023676-9

1. Введение

Современной семантической типологии известно множество случаев регулярной полисемии, объединяющей понятия из сферы человеческого и животного мира: общим местом представляется, что “существуют обширные пересечения между семантикой человеческого и животного” (“there are large intersections between human and animal semantics”) [1, с. 24]. В частности, названия животных зачастую получают коннотации, связанные с теми или иными присущими человеку чертами характера, и впоследствии начинают использоваться для номинации лица по признаку, см. рус. *змея* ‘коварный, подлый человек’, *лиса* ‘хитрый человек’, *медведь* ‘неуклюжий, неотесанный человек’, *орел* ‘вызывающий восхищение смелый человек’ и т.д., а также выражения типа *акулы пера* (о таких метафорах в английском языке см., например, [2]). Множество примеров такого рода можно обнаружить и в других языках. Менее исследованной, однако, представляется полисемия лексем, которые, не будучи в своем основном значении названиями видов животных, тем не менее используются для их характеристики (см. домашний vs. дикий, травоядный vs. хищный и т.д.). Именно полисемия такого рода, а именно набор производных значений прилагательных типа рус. *дикий*, является объектом исследования в настоящей статье.

Полисемия такого рода будет рассмотрена на материале языков европейского ареала — преимущественно романских и германских, но с привлечением данных других языков, в том числе неиндоевропейских (см. ниже примеры из венгерского языка). В качестве материала исследования привлекались лексикографические описания прилагательных, приводимые в словарных статьях иллюстративные примеры, данные корпусов, а также выдержки из разных источников, содержащиеся в Каталоге семантических переходов, — см. сайт компьютерной базы данных “Database of Semantic Shifts” (далее DatSemShift) <https://datsemshift.ru/>. Каталог представляет собой составляемый группой исследователей под руководством А.А. Зализняка постоянно пополняющийся список семантических переходов, понимаемых как «наличие некой концептуальной смежности между двумя языковыми значениями А и В, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах “одного слова в широком смысле”» [3, с. 411] в диахронии или в синхронии.

Представляется, что, будучи употребленными по отношению к лицу, лексемы с исходным значением WILD, UNTAMED¹ (= ‘дикий (о животных)’) могут получать семантическое развитие в четырех

¹ Исследуемые значения обозначаются в статье условными англоязычными ярлыками в соответствии с принципом номинации, принятым в DatSemShift.

основных направлениях, так что результат этой деривации можно описать при помощи семантических ярлыков 1) SHY (= ‘робкий, застенчивый, нелюдимый’); 2) RUDE, IMPOLITE (= ‘грубый, невежливый, невоспитанный’); 3) AGGRESSIVE (= ‘жестокый, агрессивный’); 4) IMPULSIVE (= ‘буйный, несдержанный, импульсивный’). Путь семантического развития прилагательных с первым значением WILD, UNTAMED, очевидно, является косвенным проявлением антропоцентризма языковой концептуализации мира, поскольку характеристика животного в каждом случае переосмысливается как определенное свойство человека.

При этом третье и четвертое значения очевидно ближе друг к другу, чем каждое из них по отношению к первому: как ярлык IMPULSIVE, так и ярлык AGGRESSIVE используются для описания “экстенсивного” поведения, позитивно, нейтрально или — чаще всего — негативно оцениваемой повышенной эмоциональной активности субъекта, тогда как лексемы со значением SHY выражают противоположную идею — семантику эмоциональной “закрытости”, пассивности, интроверсии. Что же касается значения RUDE, то оно имеет общие семантические компоненты и с первым значением, и с двумя последними: это сходство заключается в представлении о неумении общаться с людьми в первом случае и в идее опасности, исходящей от лица, а также в негативной оценке такого поведения говорящим во втором. Ниже, в разделе 2, будет предложена гипотеза относительно генезиса каждого из четырех производных значений на основе исходного, которая, как представляется, позволяет дать интерпретацию сходству и различиям между ними.

2. Развитие переносных значений у прилагательных с исходным значением WILD, UNTAMED

Прежде чем приступить к анализу четырех значений, которые параллельно образуются в языках мира на основе исходной семантики, обозначаемой при помощи ярлыка WILD, UNTAMED, следует охарактеризовать само это первое, прямое, значение. Это представляется особенно важным в связи с тем, что, как это всегда происходит при семантической деривации, новый тип употребления лексемы базируется на конкретных компонентах исходной семантики, выборочно задействуя некоторые из них, и, более того, связан со спецификой представления этого значения в наивной картине мира [4, с. 349–351].

Обратившись к толковым словарям ряда индоевропейских языков, принадлежащих разным

группам, можно, в частности, зафиксировать, что в [5, с. 399] прилагательное *дикий* в своем первом значении получает толкование ‘не прирученный, живущий на воле в отличие от домашнего (о животных и птицах)’, что иллюстрируется предложениями *дикий зверь, дикий конь, дикая коза*, а также — в рамках подзначения — ‘некультивируемый, растущий на свободе в отличие от садового, огородного (о растениях)’ (см. *дикая малина, дикий виноград, дикий лук*). Схожим образом устроено толкование, предложенное для прилагательного *sauvage* в [6]: ‘живущий на свободе в природных условиях, не подвергающийся человеческому влиянию’ (см. *les bêtes sauvages de la jungle* ‘дикие звери джунглей’); ‘растущий на природе, не возделываемый и не прививаемый, особенно если речь идет о видах, для которых это обычно характерно’ (см. *fleurs, fruits, plantes sauvages* ‘дикорастущие цветы, плоды, растения’). В [7, с. 3923] прилагательное *wild* в первом значении получает синкретичную, не разделяемую на подзначения дефиницию ‘не одомашненный; [...] живущий в дикой природе, дикорастущий’ (см. примеры *wilde Erdbeeren, Rosen, Pferde* ‘дикая земляника, роза, лошадь’).

Рассматривая приведенные толкования и иллюстрирующие их примеры, можно отметить, во-первых, что в наивной картине мира, в сознании носителя языка между употреблениями прилагательного по отношению к животным или к растениям, регулярно объединяемыми в одной словарной статье по принципу неподконтрольности объекта живой природы человеку, существования в естественных условиях, существует более четкая граница. Это связано с присущим наивной картине мира европейца представлением о некоторой иерархии объектов мира как о шкале, на которой животные находятся ближе к человеку, а растения сближаются с противоположным полюсом — неживой природой (см., например, [8]). В связи с этим представляется естественным, что формирование всех четырех значений, возникающих на первой ступени семантического развития прилагательных со значением WILD, UNTAMED, будет основано не просто на первом значении соответствующих лексем, но на его реализации в конкретной сфере применения — в отношении животных, а не растений. Далее эта гипотеза будет прокомментирована на конкретном языковом материале.

Во-вторых, сама семантика WILD, UNTAMED как конкретизированный вариант более общей идеи WILD также задействована в образовании двух из трех вышеперечисленных производных

значений, относящихся к человеку, в трансформированном или по крайней мере суженном виде. Представляется, что в “наивной зоологии” понятие дикого животного сопровождается периферийной идеей хищности (и логически вытекающей из нее опасности для человека — о важности импликаций для семантической деривации см. [9, с. 39]), которая в словарных статьях, отражающих научную картину мира, никак не фиксируется.

Такое понимание обязательных и необязательных, но зачастую существенных признаков класса “дикие животные” можно соотнести с теорией прототипов [10], согласно которой каждая категория выделяемых человеческим сознанием явлений действительности имеет центр — своих прототипических представителей² — и периферию, то есть объекты, которые обладают только частью ассоциирующихся с категорией признаков (например, воробей — более прототипическая птица, чем не умеющий летать пингвин). Прототипическими дикими животными для носителей европейских языков, вероятно, можно назвать хищных лесных животных, таких как волк или медведь; при этом очевидно, что в языках других ареалов центр этой категории будет смещаться (например, к нему могут принадлежать львы или тигры), но травоядные животные, по всей видимости, в любом случае будут находиться на периферии этого класса.

Несмотря на то что в литературе констатируется культуро- и лингвоспецифичность противопоставления центра и периферии категорий (см., например, [12]), очевидно также, что резкие расхождения между языками близких культур, распространенными на соседних территориях, в этом отношении достаточно редки. Именно из этого (вероятно, общеевропейского) разделения, по всей видимости, следует возможность образования на основе семантики WILD, UNTAMED значений AGGRESSIVE и IMPULSIVE: кажется интуитивно верным, что, употребляя соответствующее прилагательное по отношению к излишне эмоциональному или агрессивному лицу, говорящий ориентируется на представление о “прототипических” диких животных (хищных и представляющих опасность для человека и скота), таких

² См. определение лексического прототипа в [11, с. 91]: “инвариантный ассоциативно-смысловый комплекс, закрепленный за словом в сознании коммуникантов, формирующийся не только на основе семантической структуры слова, грамматической оформленности, словообразовательной структуры, мотивационных связей, но и имеющейся в обществе традиции употребления”; “своего рода стереотипы в рамках обыденного мышления”.

как волк или медведь, а не об элементах класса, относящихся к его периферии, таких как, к примеру, заяц или дикая лошадь.

В то же время маловероятно, что значение SHY также сформировалось на основе ассоциации с хищным животным, поскольку метафорическому развитию значений вида ‘опасный’ → ‘застенчивый’ едва ли возможно дать убедительное объяснение. Представляется, таким образом, что для образования этого значения разделение категории “дикие животные” на центр и периферию менее существенно, и ключевым семантическим компонентом для его возникновения становится идея отсутствия регулярного взаимодействия с людьми, которое отличает диких животных от одомашненных. Более того, можно предположить, что основой для формирования значения SHY послужил опыт столкновения человека с неприрученными животными, которые зачастую бывают домашними (см. *дикая кошка, дикая собака, дикая лошадь*): как и от таких животных, от лиц, характеризующихся при помощи прилагательного со значением SHY, ожидается умение взаимодействовать с людьми, однако эти ожидания не оправдываются.

Наконец, анализируя происхождение значения RUDE, можно отметить, что соответствующие употребления прилагательных типа *дикий* имеют ряд общих черт со всеми вышеописанными. С одной стороны, представление о грубости лица отчасти смежно с представлением о его закрытости, некоммуникабельности (что в полной мере реализуется в семантике русского прилагательного *нелюдимый*, см. характерный пример, приводимый в [5, с. 399]: *Пропали ее жизнерадостность и общительность. Она стала хмурой и нелюдимой*³ — то есть одновременно замкнутой, необщительной и не соблюдающей нужные социальные конвенции).

С другой стороны, грубость зачастую воспринимается как признак потенциальной опасности субъекта, как проявление агрессивности в некоторой ее “облегченной” форме. Эти наблюдения позволяют заключить, что при формировании значения RUDE актуализируется максимально обобщенное представление о диких животных, объединяющее в себе центр и периферию этой категории, а также набор различных ассоциаций с такими существами и их поведением.

Кроме того, очевидно, что между употреблениями лексем типа *дикий* в разных значениях не всегда возможно провести четкую границу

³ В. Кожевников. Простая история.

(см. SHY и RUDE; RUDE и AGGRESSIVE; AGGRESSIVE и IMPULSIVE). Несмотря на то что ярлыки SHY и AGGRESSIVE, казалось бы, обозначают два противоположных типа поведения, значения, приобретаемые рассматриваемыми прилагательными при употреблении применительно к человеку, можно рассматривать как своего рода спектр, где замкнутость и неумение общаться с людьми граничит с грубостью, а грубость переходит в открытую агрессию и жестокость.

Синкретизм исследуемых значений находит отражение и в лексикографическом описании прилагательных типа *дикий*, см., например, толкование итальянского *selvatico* в [13, с. 3921] и португальского *selvagem* в [14, с. 2539], соединяющие в себе идеи SHY и RUDE, или дефиницию испанского *salvaje* в [15, с. 985], в которой совмещаются значения RUDE и AGGRESSIVE. Можно выделить только две пары значений, которые представляются однозначно дискретными и неспособными синкретично выражаться в рамках одного употребления: SHY/AGGRESSIVE и SHY/IMPULSIVE, — поскольку их семантика содержит несочетаемые, вступающие в противоречие компоненты: идею замкнутости либо, напротив, экстенсивности, а также — зачастую — представление об уязвимости субъекта или же об опасности, исходящей от него.

Впрочем, в словарях можно встретить и любопытные толкования, соединяющие в себе все четыре рассматриваемых значения, см. толкование одного из значений румынского прилагательного *sălbatic*: *aprig, impulsiv, nesociabil, ursuz* ‘свирепый, импульсивный, необщительный, угрюмый’ [16, с. 829]. Такое смешение значений неслучайно проявляется в описаниях полисемии: оно непосредственно связано с естественным механизмом семантической эволюции слова, поскольку “есть основания полагать, что онтологически развитие многозначности проходит путь <...> от самого общего представления, в котором метафорически или метонимически мотивированные переносы вообще не осознаются как порождающие отдельные сущности, — к постепенному расчленению и оппозиции частных значений” [17, с. 43]. Попытка анализа, “расчленения” синкретично воспринимаемых носителями и описываемых в словарях значений будет последовательно предприниматься в этой работе во всех случаях, где это возможно.

Контекстуальный синкретизм отдельных значений прилагательных типа *дикий* не позволяет, однако, свести все или некоторые из них к одному более широкому, поскольку они все же фиксируют различные, пусть иногда и взаимосвязанные, характеристики лица, а при их формировании,

как было продемонстрировано выше, задействованы разные когнитивные механизмы. Таким образом, ниже каждое из описанных четырех значений будет рассмотрено как некоторый самостоятельный семантический комплекс и — в последнюю очередь — будет охарактеризована возможность употребления таких прилагательных и образованных от них наречий в более широком круге контекстов, не ограниченном сферой человека.

3. Употребление прилагательных с исходным значением WILD, UNTAMED в значении SHY

Значение, которому соответствует ярлык SHY, более других нуждается в предварительном описании, поскольку лишь частично совпадает со значением английского прилагательного *shy* и лексем, которые чаще всего используются для перевода этого прилагательного на другие языки (рус. *робкий* и *застенчивый*, нем. *schüchtern*, фр. *timide*). В ряде случаев оно действительно может быть описано с помощью этих прилагательных, но обычно сближается в первую очередь со значением русского прилагательного *нелюдимый*, употребляющегося по отношению к человеку, которому свойственна замкнутость, угрюмость, стремление проводить время в одиночестве. Представляется, что понятия застенчивости и нелюдимости, важные для интерпретации рассматриваемого значения, различаются намеренностью/ненамеренностью такого поведения: человек, которого называют нелюдимым, делает осознанный выбор в пользу определенного типа взаимодействия с окружающими, а не обречен на него особенностями характера.

Значение SHY у лексем типа *дикий* представляется менее распространенным в европейских языках, чем противоположные, “экстенсивные” значения, однако все же представлено в структуре ряда полисемичных слов. Оно, безусловно, характерно собственно для русского прилагательного, причем следует отметить, что это единственное из вышеописанных производных значений, которое выделяется в [5, с. 399]: ‘избегающий, чуждающийся людей; застенчивый, нелюдимый’. Интересно также отметить, что значение SHY регулярно реализуется в русском языке при употреблении диминутива *дикуватый*⁴ (см. соположение этой лексемы в приводимых ниже примерах

⁴ См. также глагол *дичиться* ‘вести себя нелюдимо, замкнuto, избегать общения с кем-л.’: *Танюшка не отходила от нас ни на шаг. Поначалу она дичилась меня, пряталась за Федора, выглядывая то из-за плеча, то из-под руки* (С. Шуртаков. Первое свидание) — пример из [5, с. 404].

с близкими к нему по значению прилагательными (*кроткий, застенчивый*): *Застенчивая, диковатая — да, но совсем не тихая и не кроткая*. [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)] *Сам он был кроткий, диковатый, а мечтал — о том, чтобы на одной из плиток площади написать слово *stebuklas* — чудо*. [Н.Л. Трауберг. Сама жизнь (2008)]

Анализ фиксируемых в [18] контекстов, содержащих лексему *дикий*, позволяет констатировать, что для диминутива значение SHY более характерно, чем для производного прилагательного. Как представляется, этот факт можно связать с тем, что идея собственности дикости все же ассоциируется преимущественно с идеей “экстенсивности”, агрессивности, опасности, т.е. ключевыми семантическими компонентами других исследуемых нами значений, и в меньшей степени с представлением о кротости, застенчивости, незащищенности и т.д. Уменьшительный суффикс “смягчает” это представление, выражая отношение говорящего к предмету речи как к низшему в некоторой иерархии (о связи идеи малого с представлением о незначительности, “не-страшностью”, “не-опасностью” см. [19, с. 131]), а следовательно, безопасному, и делает возможным частое употребление лексемы *диковатый* в значении SHY.

Среди романских языков это значение свойственно, в частности, французской лексеме *sauvage*. Оно фиксируется в словарях (см., например, статью в [6]) и иллюстрируется примерами из литературы: *Ce garçon **sauvage**, accoutumé à se tapir loin du monde et de qui c'était l'unique souci de n'être pas vu* (Maugiac, Baiser Lépreux, 1922, p. 166) ‘Этот диковатый мальчик, который привык прятаться вдали от всех и заботился только о том, чтобы его не увидели’. Близкое значение (как представляется, практически синкретичное с RUDE) способно выражать итальянское прилагательное *selvatico*, ср. ит. *è un uomo selvatico ma buono* ‘это нелюдимый, но добрый человек’ [20, с. 1616]; в этом же словаре отдельно приводится более дискретное устаревшее значение *solitario, romito* ‘одиночка, отшельник’, которое, как представляется, соединилось в контекстах наподобие процитированного выше с представлением о незнании правил общения, неумении себя вести.

Это же значение обнаруживается и у венгерского прилагательного *vad*, ср. *vad fiú* ‘диковатый мальчик’ и особенно показательный пример *Gyere közelebb, ne légy olyan vad!* ‘Подойди поближе, не дичись так!’ [21, с. 705]. Французский и венгерский примеры демонстрируют сочетаемость прилагательных типа *дикий* в переносных значениях с обозначениями ребенка, что будет повторно

отмечено и подробнее прокомментировано ниже, в разделе 6.

4. Употребление прилагательных с исходным значением WILD, UNTAMED в значении RUDE

Как уже отмечалось выше, значение RUDE отчасти пересекается со значением SHY, рассмотренным в предыдущем разделе. Грубое поведение человека, по отношению к которому употребляется лексема *дикий* в этом значении, связывается говорящим не с его злонамеренностью, а с незнанием правил приличия, неумением соблюдать социальные нормы, своего рода “природным”, “неокультуренным” состоянием. Очень характерно в этом отношении частотное в русском языке сочетание *дикий мужик* ‘крестьянин, отличающийся от представителей высших сословий необразованностью и отсутствием манер’: *Русскую революцию устроила тупая, необразованная, мечтательная и подлая Русская интеллигенция и жадный, грубый и дикий мужик...* [П.Н. Краснов. Ложь (1938–1939)]; *Внизу дикие мужики, а тут блины с шампанским и богородица троеручица*. [И.А. Бунин. Чистый понедельник (1944)] Показателен также пример с другим сочетанием, в котором метатекстовое толкование прилагательному дает сам автор: *Никаких настоящих ковбоев с пистолетами я так и не встретила в Техасе, но всё же техасцы — народ более дикий (в смысле грубый, прямолинейный), чем все остальные американцы*. [Ольга Панфилова. Америка от А до Я // “Богатей” (Саратов), 2003.03.20]⁵

Кроме того, схема семантического развития WILD, UNTAMED → RUDE весьма продуктивна в романских языках. Так, оно фиксируется в статье, посвященной лексеме *sauvage* в [6], см. *Je la devinaî sauvage, pleine de fausse gaieté et de malédictions* (Colette, Naiss. Jour, 1928, p. 14) ‘Я почувствовал, что она невоспитанна, полна фальшивой веселости и злобы (букв. проклятий)’. Это же значение представлено в семантической структуре когнатов французского прилагательного — испанского *salvaje* (ср. пример из [22, с. 1573] *Es tan salvaje que me da vergüenza ir con él* ‘Он такой невоспитанный, что мне стыдно с ним ходить’) и итальянского *selvatico* (ср. пример из [23, с. 1939] *è un uomo burbero e selvatico, ma non cattivo* ‘он грубый и невоспитанный, но не злой человек’).

В связи со значением RUDE следует упомянуть также французское прилагательное *brutal*, образованное от существительного *brute* ‘зверь’. Оно не имеет собственно значения ‘дикий’, но

⁵ Все примеры в этом абзаце взяты из [18].

безусловно базируется на представлении о поведении диких зверей, поскольку исходная семантика лексемы *brute* (в современном языке использующейся преимущественно в переносном смысле — для характеристики невоспитанного человека) предполагает именно идею противопоставления зверя человеку как более развитому существу, см. толкования из французских толковых словарей: *animal considéré dans ses instincts sauvages* ‘животное, рассматриваемое с точки зрения его диких инстинктов’ [24] и *animal considéré dans ce qu’il a de plus primitif et de plus éloigné de l’homme* ‘животное, рассматриваемое с точки зрения его самых примитивных черт, максимально отличающих его от человека’ [6]. В связи с этим представляется возможным отнести к настоящему разделу исследования сочетания типа *un ivrogne grossier et brutal* ‘грубый и невоспитанный пьяница’ [24].

5. Употребление прилагательных с исходным значением WILD, UNTAMED в значении AGGRESSIVE

Значение, которому соответствует ярлык AGGRESSIVE, также нуждается в предварительном толковании, поскольку объединяет в себе как минимум два подзначения. С одной стороны, прилагательные типа *дикий* могут использоваться для характеристики агрессивно ведущего себя человека в состоянии ярости, злости; с другой стороны, они способны употребляться и для описания жестокого, бесчеловечного поведения, даже преступления. В последнем случае характерны примеры из разных языков, в которых прилагательное употребляется по отношению не к лицу, а к некоторому поступку, см., к примеру, ит. *vendetta selvaggia* ‘жестокая месть’ [25, с. 2434] и *omicidio selvaggio* ‘жестокое убийство’ [13, с. 2055].

Примеры употребления лексем с первым значением WILD, UNTAMED в качестве характеристики лица, ведущего себя агрессивно или жестоко, обнаруживаются в значительном количестве европейских языков. В частности, соответствующие контексты встречаются в романских языках: см. толкование фр. *sauvage* в [6], иллюстрируемое, в частности, следующим примером: [*Ravaillac*] *entendit en pleine chaire les prêtres (...) demander à grands cris s’il n’y aurait pas quelque cœur généreux, mâle ou femelle, pour délivrer ce pays du tyran, comme cette bonne dame Judith du sauvage Holopherne* (Tharaud, Trag. de Ravaillac, 1913, p. 18). ‘[Равальяк] услышал, как священники с кафедры (...) спрашивают во всеуслышание, не найдется ли какой-нибудь великодушный человек, мужчина или женщина, который бы спас эту страну от тирана, как славная дама Юдифь от жестокого

Олоферна’. Характерны также приводимые в этой же статье речения *assassin sauvage* ‘жестокий убийца’, *ennemi sauvage* ‘жестокий враг’: такая сочетаемость свидетельствует о тесной связи этого значения с идеей опасности, напрямую производной от исходной семантики WILD, UNTAMED.

То же значение обнаруживается и в полисемии испанского прилагательного *salvaje* (см. пример из [22, с. 1573] *No seas salvaje y deja de maltratar al gato* ‘Не будь жестоким, перестань мучить кошку’). Это же значение представляется характерным для рум. *sălbatic*, причем в [16, с. 829] подчеркивается, что прилагательное актуализирует его в сочетаниях как с именами лиц, так и с именами событий и действий. В примерах из словарных статей, посвященных итальянской лексеме *selvaggio*, как правило, реализуется последний тип сочетаемости, ср. *un selvaggio assassinio* ‘жестокое убийство’ [20, с. 1616].

Значение AGGRESSIVE можно выявить также и у германских лексем — к примеру, при анализе употребления немецкого прилагательного *wild*. Факт выражения им такой семантики фиксируется в [7, с. 3923], где иллюстрируется примером *Wenn du ihm das sagst, wird er wild* ‘Если ты ему это скажешь, он придет в ярость’. Представляется, что агрессивное поведение, обозначаемое немецкой лексемой в таких контекстах, проявляется в первую очередь как выражение негативных эмоций (ярость, злость, гнев), а не как осуществление насильственных действий (ср., например, приведенные выше примеры из французского языка). В то же время, поскольку оба типа поведения, называемые при помощи лексем типа *дикий*, можно охарактеризовать как проявления агрессии, хотя и в разных масштабах и с разными последствиями, представляется целесообразным обозначать их единым ярлыком.

То же значение, хотя и не очень частотное, обнаруживается и у норвежского когната немецкой лексемы — прилагательного *vill*: *Her kommer en, som er vild paa mig*⁶ ‘Вот идет человек, сердитый на меня’ [26]. Такое управление нехарактерно для употребления этого прилагательного в современном языке, однако значение лексема полностью не утратила: оно сохранилось в устойчивом сочетании *vill og blodig* ‘досл. дикий и кровавый’, ср. *Han siktet rundt seg, vill og blodig*⁷ ‘В гневе, он прицелился’ [26].

Близкая к значению AGGRESSIVE семантика свойственна также и венгерскому прилагательному

⁶ Henrik Wergeland, Samlede Skrifter, IV.

⁷ Ailo Gaup, Natten mellom dagene.

vad, ср. толкование из [21, с. 705] *önuralom nélküli, hirtelen haragú* ‘не способный себя контролировать, внезапно приходящий в ярость’ и пример из этого же словаря *vad bolond* ‘буйный дурак’. Первая часть этого толкования сближает описываемое значение со значением IMPULSIVE, однако вторая содержит в себе семантический компонент агрессивного поведения и потенциальной опасности для окружающих, что позволяет квалифицировать это значение как подходящее под ярлык AGGRESSIVE.

В аналогичном значении употребляется и английское прилагательное *feral* ‘одичавший’, см. *The riots were blamed on feral teenagers* ‘Виновниками беспорядков называли буйных подростков’ [27]. В этой связи интересна также история его французского когната — прилагательного *féroce*: оно произошло от латинской лексемы *ferox* ‘импульсивный; гордый’, которая, в свою очередь, производна от *ferus* ‘дикий’ (ср. совр. фр. *fier* ‘гордый’) [28, с. 844]. В современном языке прилагательное *féroce*, с одной стороны, способно выражать значение ‘хищный’, близкое к предлагаемому в этой работе суженному пониманию ярлыка WILD, UNTAMED (см. толкование *se dit d'un animal sauvage qui tue par instinct* ‘о диком животном, имеющем инстинкт убийства’ [24] и сочетания с существительными типа *panthère* ‘пантера’, *alligator* ‘аллигатор’). В переносном значении это прилагательное используется для характеристики поведения человека как жестокого, немилосердного, см. *de féroces gardiens* ‘суровые стражи’ [24].

Аналогичным образом употребляются и другие романские когнаты, ср. ит. *bestie feroci* ‘дикие звери’ и *nemico feroce* ‘жестокий враг’ [20, с. 656], исп. *El lobo es un animal feroz* ‘Волк — это хищное животное’ и разг. *un hombre feroz* ‘страшный человек’ [29, с. 922] (характерно, что семантический компонент восприятия такого человека как страшного отмечен в толковании). У румынского прилагательного *feroce* второе значение (см. *privire feroce* ‘жестокий взгляд’ [16, с. 330]) стало единственным: по отношению к животным эта лексема в современном языке не употребляется.

Этот тип употребления адъективной лексемы характерен и для русского прилагательного *дикий*. Так, особенный интерес представляет следующий контекст из [18], в котором сложно отграничить смысл AGGRESSIVE от идеи высокой степени проявления признака: *Больше того, в известном смысле он подходил на роль дикого ревнивца лучше, чем кто бы то ни было из Ольгиных поклонников — именно потому, что меньше всего подходил для неё внешне.* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)] С одной стороны, поведение ревнивого человека

действительно зачастую ассоциируется с агрессивностью, резкими проявлениями ярости; с другой — здесь можно предположить и разговорное употребление прилагательного *дикий* как интенсификатора, в лексической функции Magn [30, с. 89]. Таким образом, последнее, наиболее отвлеченное значение, свойственное лексемам типа *дикий* (см. раздел 7), может быть связано не только с понятием импульсивности, но и с представлением об агрессии как частном случае крайней степени реализации некоторого признака.

6. Употребление прилагательных с исходным значением WILD, UNTAMED в значении IMPULSIVE

Значение IMPULSIVE предлагается понимать как идею несдержанности, неконтролируемости поведения человека, чрезмерно яркого проявления им эмоций. Важно отметить, что хотя семантический компонент “экстенсивности” поведения сближает это значение с предыдущим, идея агрессии или жестокости при соответствующем употреблении лексем типа *дикий* не находит воплощения. Представляется также, что при использовании в этом значении такие прилагательные практически утрачивают негативную коннотацию в сравнении со значением AGGRESSIVE. Именно в связи с этим, а также благодаря развитию на основе этой семантики значения ‘сильный (об эмоциях)’ (см. об этом ниже) становится возможным употребление прилагательных типа *дикий* и образованных от них наречий в лексической функции Magn.

Характерно, что абсолютное большинство примеров употребления прилагательных в этом значении демонстрирует сочетаемость прилагательного с обозначением ребенка, ср. нем. *ein wildes Kind* [7, с. 3923] и ит. *un piccolo selvatico* [25, с. 2434] ‘неугомонный, темпераментный ребенок’, норв. *ville barn* [31]⁸, шв. *vilda ungar* [32] и ирл. *páistí fáine* [33, с. 539] ‘неугомонные дети’, а также примеры, в которых соответствующее существительное не фигурирует, но контекст позволяет однозначно утверждать, что в качестве субъекта подразумевается именно ребенок, подросток: англ. *She was completely wild in high school* ‘В старших классах она была совершенно неконтролируемой’ [27] и исл. *Hann var miklu villtari áður en hann fór í háskólann* ‘До поступления в университет он был намного более буйным’ [34]. Впрочем, сочетания типа порт. *temperamento selvagem* ‘буйный нрав’

⁸ Описываемое значение является единственным у родственного лексеме *vill* прилагательного *viltar*, см. близкое к приводимым здесь примерам сочетание *en viltar liten jente* ‘неугомонная девочка’ [31].

[35, с. 1822], норв. *vill av begeistring, raseri* ‘охваченный диким энтузиазмом, яростью; досл. дикий от энтузиазма, ярости’ [31] и отчасти ирл. *fiáin chun ruda* ‘полный желаний, букв. дикий что-то сделать’ [33, с. 539] демонстрируют, что рассматриваемые прилагательные могут актуализировать это значение не только в употреблении применительно к детям.

Регулярная сочетаемость прилагательных типа *дикий* в значениях IMPULSIVE и SHY (см. раздел 3) с обозначениями ребенка, как представляется, позволяет предположить, что в наивной картине мира дети находятся ближе к животным на “шкале одушевленности”, чем взрослые⁹. Именно детям, в силу их небольшого жизненного опыта и незнания социальных конвенций, может быть свойственно “нестандартное” для человека как социального существа поведение: как излишняя замкнутость, некоммуникабельность, так и, наоборот, чрезмерная темпераментность, неконтролируемость.

Помимо этого, прилагательные с первым значением WILD, UNTAMED зачастую используются в отдельном круге контекстов, также связанных со сферой поведения человека, но не предполагающих прямой характеристики лица при помощи прилагательного. Так, исследуемые адъективные лексемы способны сочетаться с именами эмоций или их проявлений, что можно рассматривать, с одной стороны, как актуализацию значения IMPULSIVE (поскольку бурное проявление определенной эмоции представляет собой подвид бурного проявления эмоций как типа поведения, характерного для человека в целом), с другой — как употребление в функции интенсификатора.

Такие примеры встречаются во многих европейских языках, см. рус. *дикая свирепость, дикое страсти* [5, с. 399], ит. *furia selvaggia* ‘дикая ярость’, *urlo selvaggio* ‘дикий вой’ [35, с. 2434], нем. *eine wilde Panik* ‘дикая паника’, *in wildem Zorn* ‘в диком гневе’ [7, с. 3923], шв. *vilt raseri* ‘дикий гнев’ [32], венг. *vad harag* ‘дикий гнев’, *vad szenvedély* ‘безумная страсть’ [21, с. 705], а также датский пример с наречием *vildt forelsket* ‘безумно влюблен’ [37]. Особенно интересны в этом контексте сочетания с существительными, которые обозначают эмоции, необязательно имеющие яркие внешние проявления и, следовательно, воспринимаемые

⁹ См. описание существующих в разных языках “шквал одушевленности” с грамматической точки зрения в [36]; представляется, что для нужд лексикологии, в частности исследования сочетаемости, такого рода шкала может быть детализирована (например, за счет оппозиций взрослые vs. дети, домашние vs. дикие животные).

как безопасные для окружающих, ср. венг. *vad félelem* ‘дикий страх’ [21, с. 705]. Представляется, что сдвиг в сочетаемости лексем типа *дикий*, делающий возможными такие употребления, основан на механизме проксимальной метонимии, а именно переносе фокуса внимания с проявляющего определенные эмоции субъекта на его действия (о языковой метонимии как переносе фокуса внимания см. [38, с. 158]; о проксимальной метонимии как смещении определения с лица на его действия см. [39, с. 2]).

7. Употребление прилагательных с исходным значением WILD, UNTAMED и производных от них наречий в функции Magn

Все рассмотренные выше производные значения лексем типа *дикий* представляют собой случаи переноса существующих в наивной картине мира представлений о животных в сферу человека. Однако такого рода прилагательные и производные от них наречия зачастую обнаруживают способность употребляться не исключительно в отношении лица, а в более широком круге контекстов — актуализируя лексическую функцию Magn, то есть маркируя высокую степень проявления некоторого признака (ярлык VERY в базе DatSemShift).

Следует отметить, что приобретение словом функции интенсификатора представляет собой весьма продуктивный тип семантического перехода: см. рус. *сильная усталость, полный бред, страшная сила, ужасно интересно* и т.д., а также аналогичное замечание на материале английского языка в [40, с. 441]. Случай прилагательных типа *дикий* и образованных от них наречий представляет собой яркий случай расширения значения слова (см. один из первых подробных анализов этого явления в [41, с. 115–121]): изначально обозначая сильную, бурную эмоцию, они постепенно начинают употребляться по отношению к широкому кругу явлений, в том числе не имеющих отношения к внутренней жизни и поведению человека.

Представляется, что последний тип употребления соответствующих лексем непосредственно связан с описанным выше значением IMPULSIVE и в особенности с контекстами типа *дикая свирепость*, то есть базируется на семантическом компоненте высокой степени проявления чувств и эмоций, причем как однозначно негативно, так и скорее позитивно оцениваемых говорящим. Такие сочетания можно рассматривать как промежуточную ступень семантического развития, узкий круг так называемых bridging contexts

(см., например, [42]), которые делают возможным появление у слова принципиально новой семантики. С одной стороны, в таких употреблениях реализуется идея импульсивности, метонимически переносимая с субъекта внутреннего состояния на само это состояние и далее на его внешние проявления, с другой — в них описывается некое крайнее, чрезмерное проявление эмоции, что позволяет говорить об использовании лексемы с исходным значением WILD, UNTAMED в роли функции Magn.

Употребления прилагательных типа *дикий* в bridging contexts в дальнейшем делают возможными и сочетания с лексемами самой различной семантики, в том числе с другими прилагательными и глаголами. Наиболее тесную связь с исходным значением IMPULSIVE сохраняют употребления в сочетании с существительными, обозначающими ситуации, которые развиваются во времени и могут быть оценены по шкале интенсивности. Как и поведение человека или проявление эмоций, они могут быстро, неконтролируемо развиваться, ср. нем. *ein wildes Schneegestöber* ‘дикий снегопад’ [43, с. 741], ит. *inflazione selvaggia* ‘дикая инфляция’ [25, с. 2434], исп. *el urbanismo salvaje* ‘бурная урбанизация’ [44, с. 4003], венг. *vad szél* ‘дикий ветер’, *vad zaj* ‘дикий шум’, *vad fájdalom* ‘дикая боль’ [21, с. 705].

Однако наибольший интерес, как кажется, представляют случаи, когда прилагательные типа *дикий* или образованные от них наречия употребляются с существительными (наречиями, другими прилагательными), которые обозначают ситуацию, не предполагающую развитие, не обязательно протяженную во времени (ср. исп. *la salvaje hedentina* ‘дикая вонь’ [44, с. 4003], венг. *vad hideg* ‘дикий холод’ [21, с. 705], дат. *vildt uenige* ‘совершенно несогласны’ [37]), или даже неакциональный признак (ср. рус. *дико интересно* [18], норв. *jeg var vilt lykkelig* ‘мне дико повезло’¹⁰ [26], дат. разг. *vildt fedt* ‘дико круто, букв. дико жирно’ [37]). Также следует упомянуть просторечные примеры типа рус. *я дико извиняюсь*, в которых в принципе не обозначается степень проявления акционального признака (поскольку действием, как и всегда при употреблении перформативных глаголов, является само высказывание): говорящий в таком случае просто использует “усиленную” формулу вежливости.

Таким образом, если описанные выше четыре перехода должны рассматриваться как случаи радиальной полисемии, то значение VERY

представляет собой крайнее звено цепочечной полисемии WILD, UNTAMED → IMPULSIVE → VERY. Исходное значение исследуемых лексем принадлежит семантическому полю “Животный мир”, на первом шаге деривации переосмысливается как относящееся к человеку, чтобы затем, при переходе к последнему звену цепочки значений, выйти на более высокую степень абстракции и утратить непосредственную связь с обозначением живых существ. Впрочем, все пять рассмотренных в статье переходов, включая возникновение у прилагательных и наречий интенсифицирующей семантики, принадлежат натуралистической метафорической макросистеме [45, с. 80], то есть системе когнитивных метафор, основанных на наивно-языковых представлениях о человеке и других живых существах.

8. Заключение

Анализ языковых данных позволяет заключить, что для прилагательных с первым значением ‘дикий (о животных)’ характерно приобретение переносных значений, связанных с обозначением человека по признаку — как правило, черте характера или модели поведения. С наибольшей регулярностью в европейских языках осуществляются семантические переходы, основанные на представлении о неконтролируемости дикого животного, опасности, исходящей от него: WILD, UNTAMED → AGGRESSIVE и WILD, UNTAMED → IMPULSIVE. Во многих языках европейского ареала обнаруживаются также переходы, в основе которых лежит идея отсутствия контакта животных с человеком и, соответственно, их ненормального для человека поведения: WILD, UNTAMED → SHY и WILD, UNTAMED → RUDE, IMPOLITE. Следует также подчеркнуть, что два и более производных значения могут реализоваться синкретично в рамках одного употребления одной лексемы.

Не меньший интерес представляет и наиболее абстрактное значение соответствующих прилагательных и наречий — их употребление в лексической функции Magn. Будучи изначально связанными с идеей бурного, неконтролируемого проявления чувства, они впоследствии утрачивают эту связь, так что их семантическая сочетаемость существенно расширяется.

Таким образом, на первом шаге деривации совершается перенос существенных для наивной картины мира свойств дикого животного в сферу человеческого характера, а на втором значении выходит на высшую степень абстракции, сохраняя только семантический компонент интенсивности проявления признака. Значение IMPULSIVE,

¹⁰ Ima Lønning Aarø, Jeg kommer snart.

принадлежащее сфере человеческого, выступает в качестве срединного звена цепочки переходов, обеспечивающей появление высказываний типа *Это дико красиво*.

Описанные в статье семантические переходы обнаруживаются в языках разных групп и семей и, вероятнее всего, не ограничиваются европейским ареалом. Распространенность этих пяти семантических переходов позволяет говорить о важности оппозиции “дикое/домашнее животное” для наивной картины мира и в очередной раз констатировать на конкретном примере взаимопроникновение между различными сферами живой природы, находящее отражение в лексике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Nguyen V.T., Tran T.H.T.* Semantic alternation from animal to human under semantic field perspectives. *CLient Journal*, 2 (1), 2020. P. 18–29.
2. *Lehrer A.* Semantic Fields and Semantic Change. *Coyote Papers: Working Papers in Linguistics from A-Z, Exploring Language: Linguistic Heresies from the Desert*, 2016. 119–128.
3. *Зализняк А.А.* Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32–51.
4. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды, Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1995.
5. *Словарь русского языка / Ред. А.П. Евгеньева.* М.: Русский язык, 1985. Т. 1.
6. *TLFi: Trésor de la langue Française informatisé.* ATILF / CNRS – Université de Lorraine. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm>
7. *Duden Deutsches Universalwörterbuch / Ed. G. Drosowski.* Mannheim: Bibliographisches Institut, 1983.
8. *Sorlin S., Gardelle L.* Anthropocentrism, egocentrism and the notion of Animacy Hierarchy. *International Journal of Language and Culture*, 5 (2), 2019.
9. *Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
10. *Rosch E.H.* Natural categories. *Cognitive Psychology* 4, 1973. P. 328–350.
11. *Песина С.А.* Слово в когнитивном аспекте. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
12. *MacLaury R.E.* Social and cognitive motivations of change: measuring variability in color semantics. *Language* 67 (1), 1991. P. 34–62.
13. *Dizionario italiano, con sinonimi e contrari.* Milano: Garzanti, 1998.
14. *Dicionário Houaiss da língua portuguesa / Ed. A. Houaiss, M. Villar, F.M. Franco.* Rio de Janeiro: Editora Objetiva, 2001.
15. *Diccionario general ilustrado de la lengua española / Ed. R.M. Pidal, S.G. Gaya, M.A. Ezquerro.* Barcelona: Bibliograf S.A., 1987.
16. *Dicționarul explicativ al limbii române.* Bucurest: Editura academei republicii socialiste România, 1975.
17. *Зализняк А.А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
18. Национальный корпус русского языка. 2003–2022. URL: <https://ruscorpora.ru>
19. *Фуфаева И.В.* Метафора малого: русские диминутивы. РГГУ, 2020.
20. *Zingarelli N.* Vocabolario della lingua italiana. Bologna: Zanichelli, 1970.
21. *A magyar nyelv értelmező szótára. / Ed. László O.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1962.
22. *Rico F.* Gran diccionario de la lengua española. Barcelona: Larousse, 2000.
23. *Treccani: dizionario della lingua italiana.* Firenze: Guinti, 2013.
24. *Dictionnaire Larousse online.* URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>
25. *Dizionario italiano Sabatini Coletti. / Ed. F. Sabatini, V. Coletti.* Florence: Giunti, 1997.
26. *Det Norske Akademis Ordbok.* URL: <https://naob.no>
27. *Longman dictionary of contemporary English / Ed. by D. Summers.* 4th ed. White Plains, NY: Longman, 2003.
28. *Dictionnaire historique de la langue française / Ed. A. Rey.* Paris: Le Robert, 2011.
29. *Grande dizionario italiano dell'uso. / Ed. T. de Mauro.* Torino: UTET, 2004.
30. *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей “Смысл <—> Текст”. Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974.
31. *Bokmålsordboka. Språkrådet og Universitetet i Bergen.* URL: <https://www.ordbok.uib.no>
32. *Svenska Akademiens Ordböcker. Svenska Akademien.* URL: <https://svenska.se>
33. *O'Dónaill N.* Focloir Gaeilge-Bearla. Baile Atha Cliath: An Gum, 1992.
34. *ISLEX-ordabókin.* URL: <https://islex.arnastofnun.is/is/>
35. *Novo dicionário Aurélio da língua portuguesa / Ed. M.B. Ferreira, M. Dos Anjos.* Curitiba: Editora Positivo.
36. *Corbett G.G.* Number. (Cambridge Textbooks in Linguistics.) Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

37. Den Danske Orbog. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. URL: <https://www.ordnet.dk/ddo/forside>
38. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
39. Apresjan V., Lopukhina A., Zarifyan M. Representation of Different Types of Adjectival Polysemy in the Mental Lexicon. *Frontiers in Psychology*, 12, 2021.
40. Brinton Laurel J., Arnovik Leslie K. The English language. A linguistic history. Oxford: Oxford University Press, 2006.
41. Bréal M. Semantics: Studies in the Science of Meaning. New York: Dover Publications. 1964.
42. Larrivé K., Kallel A. The empirical reality of bridging contexts. *Journal of Historical Linguistics* 10:3, 2020. P. 427–451.
43. Brockhaus Wahrig: deutsches Wörterbuch in sechs Bänden / Ed. G. Wahrig, H. Krämer, Hildegard, H. Zimmermann. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1984.
44. Diccionario del español actual / Ed. M. Seco, O. Andrés, G. Ramos. Madrid: Aguilar, 1999.
45. Балашова Л.В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014.
8. Sorlin, S., Gardelle, L. *Anthropocentrism, egocentrism and the notion of Animacy Hierarchy*. *International Journal of Language and Culture*. 2019, No. 5 (2).
9. Kustova, G.I. *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of Derivative Meanings and Mechanisms of Language Extension]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004. (In Russ.)
10. Rosch, E.H. *Natural categories*. *Cognitive Psychology*. 1973, No. 4, pp. 328–350.
11. Pesina, S.A. *Slovo v kognitivnom aspekte* [The Word from a Cognitivist Perspective]. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2011. (In Russ.)
12. MacLaury, R.E. *Social and cognitive motivations of change: measuring variability in color semantics*. *Language*. 1991, No. 67 (1), pp. 34–62.
13. *Dizionario italiano, con sinonimi e contrari*. Milano: Garzanti, 1998.
14. *Dicionário Houaiss da língua portuguesa*. Ed. A. Houaiss, M. Villar, F.M. Franco. Rio de Janeiro: Editora Objetiva, 2001.
15. *Diccionario general ilustrado de la lengua Española*. Ed. R.M. Pidal, S.G. Gaya, M.A. Ezquerro. Barcelona: Bibliograf S.A., 1987.
16. *Dicționarul explicativ al limbii române*. Bucurest: Editura academei republicii socialiste România, 1975.
17. Zaliznyak, A.A. *Mnogoznachnost v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in Language and the Ways of its Representation]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2006. (In Russ.)
18. *Nacionalnyj korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. 2003–2022. URL: <https://ruscorpora.ru>
19. Fufaeva, I.V. *Metafora malogo: russkie diminutivy* [The Metaphor of Smallness: Russian Diminutives]. Moscow, RSUH Publ., 2020. (In Russ.)
20. Zingarelli, N. *Vocabolario della lingua italiana*. Bologna: Zanichelli, 1970.
21. *A magyar nyelv értelmző szótára*. Ed. László O. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1962.
22. Rico F. *Gran diccionario de la lengua española*. Barcelona: Larousse, 2000.
23. *Treccani: dizionario della lingua italiana*. Firenze: Guinti, 2013.
24. *Dictionnaire Larousse online*. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>
25. *Dizionario italiano Sabatini Coletti*. Ed. F. Sabatini, V. Coletti. Florence: Giunti, 1997.
26. *Det Norske Akademis Ordbok*. URL: <https://naob.no>
27. *Longman dictionary of contemporary English*. Ed. by D. Summers. 4th ed. White Plains, NY: Longman, 2003.
28. *Dictionnaire historique de la langue française*. Ed. A. Rey. Paris: Le Robert, 2011.

REFERENCES

1. Nguyen, V.T., Tran, T.H.T. *Semantic alternation from animal to human under semantic field perspectives*. *CLient Journal*. 2020, No. 2 (1), pp. 18–29.
2. Lehrer, A. *Semantic Fields and Semantic Change*. *Coyote Papers: Working Papers in Linguistics from A–Z, Exploring Language: Linguistic Heresies from the Desert*. 2016, pp. 119–128.
3. Zaliznyak, A.A. *Semanticheskij perekhod kak objekt tipologii* [Semantic Shift as an Object of Typology]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2013, No. 2, pp. 32–51. (In Russ.)
4. Apresyan, Yu.D. *Izbrannyye trudy, tom 1. Leksicheskaya semantika* [Selected Works, Vol. 1. Lexical Semantics]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kultury” Publ., 1995. (In Russ.)
5. *Slovar russkogo yazyka* [The Dictionary of Russian Language]. Ed. A.P. Evgenjeva. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1985. Vol. 1. (In Russ.)
6. *TLFi: Trésor de la langue Française informatisé*. ATILF – CNRS – Université de Lorraine. URL: <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm>
7. *Duden Deutsches Universalwörterbuch*. Ed. G. Drosowski. Mannheim: Bibliographisches Institut, 1983.

29. *Grande dizionario italiano dell'uso*. Ed. T. de Mauro. Torino: UTET, 2004.
30. Melchuk, I.A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelej "Smysl <—> Tekst". Semantika, sintaksis* [An Essay of a Theory of Linguistic Models "Meaning—Text". Semantics, Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1974. (In Russ.)
31. *Bokmålsordboka*. Språkrådet og Universitetet i Bergen. URL: <https://www.ordbok.uib.no>
32. *Svenska Akademiens Ordböcker*. Svenska Akademien. URL: <https://svenska.se>
33. O'Dónaill, N. *Foclóir Gaeilge-Bearla*. Baile Atha Cliath: An Gum, 1992.
34. *ISLEX-ordabókin*. URL: <https://islex.arnastofnun.is/is/>
35. *Novo dicionário Aurélio da língua portuguesa*. Ed. M.B. Ferreira, M. Dos Anjos. Curitiba: Editora Positivo.
36. Corbett, G.G. *Number*. (Cambridge Textbooks in Linguistics.) Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
37. *Den Danske Orbog*. Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. URL: https://www.ordnet.dk/ddo/forside_
38. Paducheva, E.V. *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in Lexical Semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004. (In Russ.)
39. Apresyan, V., Lopukhina, A., Zarifyan, M. *Representation of Different Types of Adjectival Polysemy in the Mental Lexicon*. *Frontiers in Psychology*. 2021, No. 12.
40. Brinton, Laurel J., Arnovik, Leslie K. *The English language. A linguistic history*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
41. Bréal, M. *Semantics: Studies in the Science of Meaning*. New York: Dover Publications. 1964.
42. Larrivé, K., Kallel, A. *The empirical reality of bridging contexts*. *Journal of Historical Linguistics*. 2020, No. 10:3, pp. 427–451.
43. *Brockhaus Wahrig: deutsches Wörterbuch in sechs Bänden*. Ed. G. Wahrig, H. Krämer, Hildegard, H. Zimmermann. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1984.
44. *Diccionario del español actual*. Ed. M. Seco, O. Andrés, G. Ramos. Madrid: Aguilar, 1999.
45. Balashova, L.V. *Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Russian Metaphor: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2014. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 23 августа 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 11 октября 2022 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2022 г.

Дата публикации: 31 декабря 2022 г.

Received by Editor on August 23, 2022

Revised on October 11, 2022

Accepted on October 15, 2022

Date of publication: December 31, 2022

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800023671-4

Маркирование глагола по числу в нахско-дагестанских языках

© 2022 г. А. Н. Закирова

Аспирант Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
aigul.n.zakirova@gmail.com

Резюме. В статье предпринимается попытка обзора специализированного маркирования глаголов по числу на материале грамматик нахско-дагестанских языков. Во-первых, обсуждаются возможные способы анализировать такое маркирование: 1) как согласование, т.е. как операцию копирования того или иного морфологического признака, 2) как особую категорию глагольного числа. Во-вторых, в статье обсуждаются способы морфологического выражения числа на глаголах и факторы, которые его обуславливают. Выясняется, что для нахских и аваро-андо-цезских языков характерны в основном такие стратегии маркирования по числу, которые ограничены лексически; при этом сами маркеры числа локализованы в глагольной основе. С другой стороны, во многих ветвях семьи распространена также и другая ситуация, при которой маркирование по числу ограничено определённым набором ТАМ-форм глагола, т.е. грамматическими факторами. В-третьих, рассматривается диахрония маркирования по числу. Делается предположение, что формы глагола, маркированные по числу, часто восходят к конструкциям с причастиями в позиции предиката. Грамматикализация этих конструкций в глагольные формы приводит к тому, что изначально именное маркирование по числу на причастии как вершине именной группы развивается в глагольное маркирование по числу.

Благодарность. Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор благодарит Н.Р. Добрушину за ценные замечания и комментарии к черновой версии текста.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, глагол, согласование по числу, глагольное число, внутригенетическая типология.

Для цитирования: Закирова А.Н. Маркирование глагола по числу в нахско-дагестанских языках // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 102–114. DOI: 10.31857/S160578800023671-4

Number Marking of the Verb in the East Caucasian Languages

© 2022 Aigul N. Zakirova

Postgraduate student of the HSE University,
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia
aigul.n.zakirova@gmail.com

Abstract. The purpose of this article is to provide a review of dedicated number marking on verbs in the East Caucasian languages. The review is based on the data drawn from grammatical descriptions. First of all, possible ways to analyze number marking on verbs are discussed: 1) as agreement, i.e. as an operation by which morphological features are copied from one word form onto another, 2) as a special category of verbal number. Second, the article discusses the ways in which number is marked on verbs and the factors by which this marking is conditioned. As it turns out, the Nakh and the Avar-Ando-Tsez branches feature number marking strategies, which are limited to a lexically defined set of verbs. Number markers in this

case are localized in the verb stem. On the other hand, in many branches of the family, a different situation is also common: number marking is conditioned by the TAM-forms of the verb, i.e. by grammatical factors. Third, the diachrony of number marking is considered. The article proposes that the verb forms which are marked for number often go back to copular constructions where the predicate position is occupied by a participial form. As a result of grammaticalization of these constructions into verbal forms, the original nominal number marking on the participle develops into verbal number marking.

Acknowledgements. The support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged. The author also thanks N.R. Dobrushina for valuable remarks and comments on the draft version of the text.

Key words: East Caucasian languages, Nakh-Dagestan languages, verb, number agreement, verbal number, intragenetic typology.

For citation: Zakirova, A.N. *Markirovanie glagola po chislu v nahsko-dagestanskih yazykah* [Number Marking of the Verb in the East Caucasian Languages]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 6, pp. 102–114. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800023671-4

Языки нахско-дагестанской семьи распространены главным образом на территории трёх субъектов Российской Федерации: Республики Дагестан, Чеченской Республики и Республики Ингушетия. Кроме того, небольшая часть носителей нахско-дагестанских языков проживает на территории соседних государств — Грузии и Азербайджана. База данных языков мира Glottolog 4.0 [1] насчитывает 34 языка нахско-дагестанской семьи, хотя, по-видимому, это число следует считать приблизительным из-за значительной диалектной раздробленности большинства этих языков.

В нахско-дагестанских языках имеются разнообразные механизмы согласования: так, в разных языках семьи засвидетельствовано согласование по грамматическому классу (роду), числу, лицу, одушевлённости и косвенности. Некоторым из этих механизмов посвящены обзорные статьи: среди них можно назвать статью о классно-числовом согласовании Д. Форкер [2], работы о согласовании по лицу А.Е. Кибрика и М.Г. Селезнёва [3], Й. Хельмбрехта [4] и Н.Р. Сумбатовой [5], работы о согласовании по косвенности А.Е. Кибрика [6] и М.А. Даниэля [7].

Если говорить о стратегиях согласования, типичных для глагольных словоформ, то для нахско-дагестанского глагола прежде всего характерно классно-числовое согласование, которое встречается во всех ветвях семьи и возводится к пранахско-дагестанскому языку [8, с. 184–187]; [9]; [10]; [2]. Приведем пример такого согласования из багвалинского языка, в котором каждое существительное относится к одному из трёх классов — мужскому (M), женскому (F) или среднему (N), а глагол согласуется с ним в классе и числе. При этом во множественном числе

показатели мужского и женского классов совпадают (гlossa NPL), но противопоставлены среднему классу (NPL):

(1) БАГВАЛИНСКИЙ (<АВАРО-АНДИЙСКИЕ) [11, с. 64–65]

<i>a. wafa</i>	<i>w-ivi</i>	<i>d. wafa-bi</i>	<i>b-ivi-r</i>
мальчик	m-останавливаться	мальчик-PL	npl-останавливаться-npl
‘Мальчик остановился’.		‘Мальчики остановились’.	
<i>b. jaf</i>	<i>j-ivi</i>	<i>e. jafi-bi</i>	<i>b-ivi-r</i>
девочка	f-останавливаться	девочка-pl	hpl-останавливаться-hpl
‘Девочка остановилась’.		‘Девочки остановились’.	
<i>c. sama</i>	<i>b-ivi</i>	<i>f. sama-bi</i>	<i>r-ivi</i>
осел	n-останавливаться	осел-pl	npl-останавливаться
‘Осел остановился’.		‘Ослы остановились’.	

Согласование по лицу, по-видимому, является инновацией в отдельных ветвях нахско-дагестанской семьи. Имея разные диахронические источники, системы согласования по лицу в нахско-дагестанских языках устроены по-разному; за примерами мы отсылаем читателя к работам Й. Хельмбрехта [4] и Н.Р. Сумбатовой [12].

Помимо механизмов классно-числового и личного согласования, некоторые языки нахско-дагестанской семьи имеют специализированные механизмы согласования глагола по числу, то есть такие, при которых согласование выражается отдельно, а не кумулятивно с классным согласованием. Таким специализированным механизмам и посвящена эта статья.

Дальнейшее изложение устроено следующим образом. В разделе 1 глагольное согласование по числу обсуждается в ряде внешне похожих явлений — прежде всего в сравнении с категорией глагольного числа. В разделе 2 проводится обзор маркирования по числу на глагольных формах в нахско-дагестанских языках; при этом рассматриваются как случаи согласования, так и случаи

глагольного числа. Для разных случаев обсуждаются способы морфологического выражения маркирования и факторы, которые обуславливают маркирование по числу. Обзор охватывает все встретившиеся нам типы маркирования, но не претендует на полное перечисление всех случаев маркирования во всех языках семьи. Раздел 3 посвящён диахроническим источникам маркирования по числу. В Заключении подводятся итоги исследования.

1. Глагольное маркирование по числу: согласование по числу и внешне похожие явления

За маркированием глагола по числу могут стоять разные явления. С одной стороны, числовое маркирование на глаголе может быть случаем **согласования** – морфосинтаксической операции, при которой число *контролёра* согласования (в данном случае именной группы) дублируется на *мишени* согласования (в данном случае на глаголе). С другой стороны, маркирование глагола по числу может быть манифестацией самостоятельной категории **глагольного числа** (*verbal number*, тж. *глагольная множественность*, *pluractionality*), которая выражает в глаголе количественные характеристики аргумента или количество событий, обозначаемых глаголом [13]; [14]; [15]; [16]; [17]. Выбор, анализировать ли то или иное явление как согласование глагола по числу или как категорию глагольного числа, зависит в первую очередь от того, существует ли обязательная зависимость между числом именной группы и числом на глаголе. Например, в примере (2b) из статьи М. Митун [18] множественное число участника маркируется на глаголе, но не на ИГ *haku* ‘человек’, что является аргументом в пользу постулирования в языке инесенью категории глагольного числа.

(2) ИНЕСЕНЬЮ (< ЧУМАШ) [19, с. 458]

a.	s.iy. <i>axi-</i>
3PL.ITERATIVE
‘Они танцуют’.	<i>kum</i>
танцевать	
b.	s.iy. <i>axi-</i>
3PL.ITERATIVE
‘Они танцуют’.	<i>kum</i>
танцевать	<i>ha-ku</i>
ART-человек

В типологических работах отмечалось, что глагольное число имеет некоторые свойства, отличающие его от согласования. Наличие этих свойств не обязательно говорит о том, что то или иное явление следует анализировать как глагольное число, а скорее представляет собой типологический фон для сравнения.

Во-первых, глагольное число имеет тенденцию выражаться в глагольной основе – с помощью чередований или же супплетивных вариантов основы, а также с помощью редупликации [13].

Во-вторых, глагольное число тяготеет к маркированию числа S/P-участника, в то время как глагольное согласование в большинстве языков мира контролируется S/A-участником [20]; [13]; [21, с. 84]. В случае нахско-дагестанских языков, однако, это свойство оказывается тривиально верным из-за эргативного строя предложения, при котором глагольное согласование также происходит с S/P-участником.

В-третьих, глагольное число нередко выражается только на лексически заданном множестве глаголов, в то время как остальные глаголы остаются немаркированными [14, с. 257–258]; [24].

В сборнике под редакцией П. Аквавивы и М.А. Даниэля [23, с. 882, 891] предлагается точка зрения, что синтаксическое глагольное согласование с ИГ, маркированной по числу, и независимое глагольное число не образуют бинарного противопоставления: скорее, это точки континуума, между которыми существуют и промежуточные случаи. Для некоторых языков имеются сильные аргументы в пользу выделения категории глагольного числа, в других же несоответствие числа на глаголе с числом ИГ-контролёра может рассматриваться как семантическое согласование, т.е. имеет место ситуация, промежуточная между глагольным согласованием и глагольным числом. Кроме того, глагольное согласование по числу и категория глагольного числа не только демонстрируют синхронное сходство, но и могут быть связаны диахронически: так, Г. Корбетт [14, с. 256] приводит примеры развития глагольного числа в глагольное согласование.

Во время как согласование глагольных форм по числу в нахско-дагестанских языках обычно происходит с абсолютным (S/P-) аргументом, в некоторых языках нахско-дагестанской семьи императивные и прохибитивные формы согласуются не с абсолютивом, а с адресатом каузации. Например, в мегебском даргинском показатель множественного числа императива *-na* контролируется числом адресата:

(3) МЕГЕБСКИЙ ДАРГИНСКИЙ (< ДАРГИНСКИЕ) [24, с. 122–123]

a.	<i>b-ak'-e-na!</i>
HPL-прийти.PFV-IMP-IMP.PL
‘Подойдите ко мне!’ {обращение к нескольким людям} |
|----|---|

- b. *b-aʰbʔ-a* *urf-be!*
 HPL-УБИТЬ.PFV-IMP.TR мальчик-PL
 ‘Убей этих мальчиков!’
- c. *w-aʰbʔ-a-na* *rasul!*
 M-УБИТЬ.PFV-IMP.TR-IMP.PL Расул
 ‘Убейте Расула!’ {обращение к нескольким
 людям}

Так как показатель *-na* присоединяется к императивным формам 2 лица, возникает вопрос, следует ли рассматривать это явление как согласование только по числу или же мы имеем дело с кумулятивным согласованием по лицу и числу. Кроме того, особенности контроля согласования также являются аргументом в пользу того, что перед нами не обычное согласование по числу, а некоторое другое явление.

Итак, за числовым маркированием на глаголе может стоять согласование глагола по числу с именными группами, категория глагольного числа или же согласование императивных форм с адресатом. Так как в этом исследовании мы опираемся в основном на данные грамматик, во многих случаях различие этих ситуаций оказывается проблематичным. Таким образом, мы будем рассматривать все три типа случаев числового маркирования на глаголе. Для разных случаев мы обсудим, какие факторы обуславливают маркирование по числу (лексические vs. грамматические), а также как морфологически выражается такое маркирование.

2. Обзор данных

Прежде чем мы перейдём к обсуждению морфологических средств маркирования по числу в нахско-дагестанских языках, необходимо кратко описать структуру нахско-дагестанской семьи. Она состоит из следующих ветвей:

нахская ветвь (*чеченский, ингушский, цоватушинский*);

аваро-андо-цезская ветвь (аварская ветвь: *аварский*; андийская ветвь: *ахвахский, андийский, багвалинский, тиндинский, ботлихский, годоберинский, чамалинский, каратинский, тукитинский*; цезская ветвь: *бежтинский, гунзибский, цезский, гинухский, хваришинский*);

даргинская ветвь (диалектный континуум, в котором в настоящее время принято выделять несколько даргинских языков [25]);

лезгинская ветвь (*арчинский, табасаранский, агульский, лезгинский, удинский, будухский, крызский, рутульский, цахурский*);

лакская ветвь (*лакский*);

хиналугская ветвь (*хиналугский*).

Факторы маркирования по числу в нахско-дагестанских языках можно разделить на две группы: лексические (некоторые глагольные лексемы маркируются по числу, а другие не маркируются) и грамматические (некоторые глагольные формы маркируются по числу, а другие не маркируются). При этом существует корреляция между факторами маркирования по числу и его морфологическим выражением: если маркирование обусловлено лексически, то оно обычно выражается в основе (корне), если же оно обусловлено грамматически, то чаще всего оно выражается на правой периферии глагольной формы. Эту закономерность можно проследить в Таблице 1, суммирующей данные разделов 2.1–2.3.

2.1. Согласование по числу, обусловленное лексически

В этом разделе речь пойдёт о случаях, когда специализированное маркирование по числу является лексическим свойством определённого круга глаголов. В таком случае морфологически оно обычно выражается в глагольном корне или в морфеме, расположенной в непосредственном контакте с ним, например, при помощи чередований или супплетивных вариантов глагольного корня, посредством инфиксов или при помощи суффиксов, непосредственно примыкающих к корню.

2.1.1. Согласование по числу, выражаемое в глагольном корне

Глагольное маркирование по числу может выражаться в корне. Частный случай такого механизма – это чередование сегментов корня по определённым правилам. Например, во всех языках андийской ветви, кроме ботлихского, тукитинского и нижнеандийских диалектов, формы множественного числа от некоторых глаголов образуются посредством чередования гласного, следующего за КЧП (т.н. *глагольный аблаут*). Приведем пример из зиловского диалекта андийского языка:

(4) АНДИЙСКИЙ (<АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

<i>a. armil-ʔa-k.u</i>	<i>den</i>	<i>ifi-wa</i>	<i>w-uʔo</i>
армия.OBL-SUP-EL	я	дом-M:DIR	M-прийти.AOR

‘Я пришел домой из армии’ (текст).

<i>b. he-de-w</i>	<i>ʃalimadu-l</i>	<i>w-oʔo</i>	<i>honol-di</i>
DEM-SL-M	ученый.PL-PL	M-PL.прийти	DEM.OBL-LAT

‘Эти ученые пришли сюда’ (текст).

Согласование по числу выражается не только в финитных клаузах, но также и в нефинитных, ср. пример (5), в котором согласование по числу

наблюдается на атрибутивизованной форме глагола:

(5) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

<i>if:i-l</i>	<i>j-oʔinn-e-s:i</i>	<i>miq'i</i>
мы.EXCL-PL	F-PL.уйти-НАВ-ATR	дорога
'дорога, по которой мы идем' (элиц.)		

В зиловском андийском чередование гласного в корне наблюдается только у тех глаголов, которые после КЧП имеют гласные верхнего подъема (в мужском классе *u*, в остальных — *i*). Таким образом, описанный механизм является чередованием корня, которое ограничено лексически. Несмотря на это, глагольный аблаут ведет себя как согласование, а не как глагольное число: маркирование на глаголе строго коррелирует с маркированием на абсолютном аргументе.

В то время как в андийском языке формы множественного числа доступны при согласовании как с одушевлёнными, так и с неодушевлёнными существительными, в некоторых других языках андийской ветви такое глагольное маркирование возможно только для существительных, обозначающих людей. Так, в каратинском языке существительное мужского класса *wafa* 'мальчик' во множественном числе вызывает чередование гласного в глагольном корне (6а, с), а существительное *ʒama* 'осел' такого чередования не вызывает (6б, d).

(6) КАРАТИНСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ) [26, с. 114]

a. <i>wafa</i>	<i>w-oʒa</i>	c. <i>wafa-j</i>	<i>b-aʒwa</i>
мальчик	M-прийти.AOR	мальчик-PL	HPL-PL.прийти.AOR
'Мальчик пришел.'		'Мальчики пришли'	
b. <i>ʒama</i>	<i>b-eʒwa</i>	d. <i>ʒama-j</i>	<i>r-eʒwa</i>
осел	N-прийти.AOR	осел-PL	NPL-прийти.AOR
'Осел пришел.'		'Ослы пришли.'	

Типологически такая картина представляется ожидаемой, так как согласование по числу гораздо чаще вызывается одушевлёнными контролёрами, чем неодушевлёнными [27, с. 184–185]. С другой стороны, ещё одна причина, которая могла бы мотивировать чередование гласного в глагольной форме NPL, лежит в диахронической плоскости. В большинстве андийских языков показатель среднего класса (N) и показатель NPL совпадают, имея вид *-b-* [8, с. 102]: ср. пример (1) из багвалинского. Это совпадение могло бы привести к неразличению глагольных форм с показателями N и NPL. В багвалинском различению форм N и NPL помогает суффиксальный КЧП *-r*. Можно предположить, что в андийских языках, имеющих

чередование гласного в корне, это чередование также служит различению форм N и NPL.

Другой, менее распространенный тип выражения числа в глагольных корнях, — это нерегулярные чередования и супплетивизм. В гагатлинском андийском так ведут себя глаголы *wok'ulidu* 'плакать' (мн. ч. *wok'ul:idu*, *l* → *l:*), *wuk:udu* 'упасть' (мн. ч. *wuk'udu*, *k*: → *k'*), *wutlidu* 'закончиться' (мн. ч. *wugin:u*, супплетивная основа), *wuxidu* 'убрать' (мн. ч. *wux:udu*, *xi* → *χ:u*) [28, с. 181–182]. О поведении этих глаголов у нас меньше данных, так что трудно с уверенностью сказать, имеем ли мы дело с согласованием или глагольным числом.

Маркирование по числу в глагольных корнях посредством чередований обнаруживается также в нахских языках, — чеченском [29, с. 201–205], ингушском [30, с. 313–318] и цова-тушинском [31, с. 151]. Во всех трёх языках возможность такого согласования является лексической характеристикой основы, а способы его выражения в целом являются когнатными. Так, во всех языках нахской ветви имеются глаголы с чередованием *ll* → *χk*; в чеченском и ингушском есть глаголы с общим чередованием *d* → *lχ*, а в чеченском и цова-тушинском — глаголы с когнатным чередованием *a* → *ow* (в цова-тушинском *ow* соответствует *ap*).

В нахских языках имеются и другие чередования:

(7) ИНГУШСКИЙ (< НАХСКИЕ) [30, с. 313].

a.	<i>yz</i>	<i>wa-xeira</i>
	3SG	вниз-сесть.PST
	'Он сел'.	
b.	<i>yzh</i>	<i>wa-xeishar</i>
	3PL	вниз-сесть.PL.PST
	'Они сели'.	

2.1.2. Суффиксы и инфиксы

Механизмы специализированного маркирования глаголов по числу имеются и в восточноцезских языках — гунзибском [32, с. 81] и бежтинском [33, с. 336–359]. Как и в андийских языках, множественное число глаголов в цезском и бежтинском образуется с помощью разнообразных лексически ограниченных морфологических операций в корне. В [32] для гунзибского и в [33] для бежтинского эти операции описываются как суффиксация и инфиксация. Например, в гунзибском выделяются инфикс *-a/ -α/ -ya/ wa* и суффикс *-baa*, которые образуют формы множественного числа примерно от 40% всех глаголов [32, с. 81–83].

Пример глагола с инфиксальным показателем множественного числа — гунзибский глагол ‘гореть’:

(8) ГУНЗИБСКИЙ (< ЦЕЗСКИЕ) [32, с. 82]

<i>a. qoqo r-ek'e</i>	<i>b. qoqo-wa r-e<ya>k'e</i>
дом N2-гореть.PRS	дом-PL N2-PL.гореть.PRS
‘Дом горит’.	‘Дома горят’.

Пример глагола с суффиксальным показателем множественного числа — глагол ‘играть’:

(9) ГУНЗИБСКИЙ (< ЦЕЗСКИЕ) [32, с. 22]

<i>a. əg k'išaa</i>	<i>b. əg-ra k'iša-baa-∅</i>
тот играть-PRS	тот-PL играть-PL-PRS
‘Он играет’.	‘Они играют’.

Согласно [32], показатели множественного числа глагола в цезских языках могут маркировать не только числовые, но и аспектуальные значения, что говорит о том, что гунзибские глагольные формы множественного числа могут быть ближе к категории глагольного числа, чем андийские формы с аблаутом:

(10) ГУНЗИБСКИЙ (< ЦЕЗСКИЕ) [32, с. 82].

<i>a. iyu=ʔabu zuq'u-n</i>	<i>lo k'ok'o-r-ar</i>
родители быть-GER	быть.NPL болеть-PTCP.PST-PL
‘Родители заболели’.	
<i>b. iyu=ʔabu zuq'un</i>	<i>lo k'o<wα>k'e-r-ar</i>
родители быть-GER	быть.NPL болеть<PL>-PTCP.PST-PL
‘Родители часто болели’.	

Как и в андийском, в гунзибском глаголы, которые маркируются по числу, маркируются во всех контекстах, будь то финитные или нефинитные формы. Маркирование по числу в глаголах предшествует ТАМ-показателям и показателям словообразовательных категорий, ср. формы каузатива:

(11) ГУНЗИБСКИЙ (< ЦЕЗСКИЕ) [32, с. 149]

<i>q'ara hič'a-k'-do</i>	<i>heresi nis-ár,</i>	<i>biq'a-baa-k'-do</i>
ребенок бояться.PL-CAUS-COND	ложь сказать-FUT	голодать-PL-CAUS-COND
<i>žo</i>	<i>n-uc-ár</i>	
вещь	N2-прятать-FUT	

‘Если ты будешь пугать своих детей, они тебя предадут, если будешь заставлять их голодать, они будут воровать вещи’.

2.2. Согласование по числу, выражаемое не в глагольном корне

Рассмотрим теперь случаи маркирования глагола по числу, не зависящие от лексических характеристик глагола. Как правило, в таких

случаях маркирование по числу является свойством отдельных ТАМ-форм глагола.

Например, по числу маркируются формы глагола, имеющие причастное происхождение. В агульском языке долженствовательная форма образуется с помощью суффикса причастия от масдара в генитиве; в позиции предиката к ней присоединяется показатель множественного числа *-ar*, который также встречается на существительных, ср. *bec* ‘бык’ — *bec-ar* ‘быки’ [34, с. 69].

(12) АГУЛЬСКИЙ (< ЛЕЗГИНСКИЕ) [34, с. 143]

<i>mi</i>	<i>kitab-ar,</i>	<i>wa-š</i>	<i>ruxub-an-t:-ar</i>	<i>e</i>
DEM	книга-PL	ты-ERG	читать.MSD-GEN-PTCP.PL-PL	СОП
‘Эти книги, которые ты должен прочесть’.				

Кроме долженствовательной формы, маркирование по числу в агульском имеется также на императиве и прохибитиве, ср. аналогичные табасаранские примеры (18–19).

В верхнеандийских диалектах андийского языка суффиксальное маркирование по числу возможно для большинства глагольных форм [35]; [36]. Показатель множественного числа в андийском выглядит единообразно для разных глаголов — *-(V)l* и присоединяется на правой периферии глагола после ТАМ-аффиксов. Такое маркирование возможно в следующих формах глагола: в перфекте (13, только рикванинский говор), прогрессиве (14), будущем (15), императиве непереходных глаголов (16) и хабиуталисе (17).

(13) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Риквани

<i>rejqχur b-erwa-b</i>	<i>rihil-l'a</i>
<i>w-ogo-d-il</i>	<i>if:il</i>
война N1-начаться-PTCP.PST	время.OBL-SUP.ESS
M-PL.прийти-PRF-PL	мы.EXCL
<i>kurtfalil-tu</i>	<i>DEM-LL-M</i>
Курчалой-ESS	
‘Когда война началась, мы переехали в этот Курчалой’ (текст).	

(14) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

<i>gurdibo-l</i>	<i>gelgedi-r-(il)</i>	<i>fipaneru-la</i>
рубашка.PL-PL	висеть-PROG-PL	шкаф.OBL-IN.ESS
‘Рубашки висят в шкафу’ (элиц.).		

(15) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

<i>he-ge-j-il</i>	<i>se-j-kol-ol</i>	<i>reχudu-k:u</i>
<i>j-oʔ-ija-l.</i>		
DEM-LL-F-PL	один-F-немного-PL	после-EL
F-PL.прийти-FUT-PL		
‘Они придут немного позже’ (элиц.).		

(16) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

<i>hono-b-ul=lo</i>	<i>b-oχi-j</i>	<i>χanf:u-j</i>
<i>joʔik'wal-χo</i>		<i>w-oʔo-m-ul</i>

DEM-N1-PL=ADD N1-PL.взять-CVВ царь.OBL-F(GEN)
жена.OBL-APUD.LAT M-PL.уйти-IMP-PL
'Вот эти (вещи) возьмите и идите к жене царя' (текст).

(17) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

bis:il i-<w>a=k'o *w-o?inn-e-l?*
вы что-М:DIR=WH.НАВ М-PL.уйти-НАВ-PL
'Куда вы ходите?' (элиц.)

В то же время формы аориста типа **w-o?o-l* [M-PL.прийти.AOR-PL] отвергались носителями зиловского диалекта как неграмматичные; ни одной такой формы не встретилось в текстах на андийском, рикванинском и зиловском диалектах. Таким образом, оказывается, что возможность согласования зависит от видовойременной формы глагола. Верхнеандийский показатель *-(V)l* на большинстве глагольных форм является факкультативным и даже редким (см. количественные данные в [36]); единственным исключением является форма императива, на которой *-(V)l*-маркирование обязательно.

-(V)l-маркирование в андийском возможно только при абсолютном аргументе во множественном числе и не несет семантики многократности / дистрибутивности. Это дает основание говорить, что *-(V)l* скорее является согласовательным показателем, а не показателем глагольного числа.

Наконец, в нескольких языках даргинской и лезгинской ветвей маркируются по числу формы императива и прохибитива:

(18) ТАБАСАРАНСКИЙ (< ЛЕЗГИНСКИЕ) [37, с. 275]

a. *bik'* *b. bik'-aj*
писать.IMP *писать.IMP-PL*
'Пиши!' 'Пишите!'

(19) ТАБАСАРАНСКИЙ (< ЛЕЗГИНСКИЕ) [37, с. 275]

a. *mi-bik'-an* *b. mi-bik'-an-aj*
ПРОН-писать-ПРОН *ПРОН-писать-ПРОН-PL*
'Не пиши!' 'Не пишите!'

При этом по крайней мере для некоторых таких случаев отмечается, что маркирование по множественному числу отражает множественность адресата, то есть числовое маркирование на императиве происходит с другим контролёром, чем классное согласование, — ср. пример (3), цитируемый как (20). То же верно для агульского, крызского, а также нескольких даргинских идиомов: ширинского, аштынского, ицаринского, тантынского [Нина Добрушина, л.с.].

(20) МЕГЕБСКИЙ ДАРГИНСКИЙ (< ДАРГИНСКИЕ)
[24, с. 122–123]

a. *b-ak'-e-na!*
NPL-прийти.PFV-IMP-IMP.PL
'Подойдите ко мне!' { обращение к нескольким людям}

b. *b-a^hb^h-a* *urf-be!*
NPL-убить.PFV-IMP.TR мальчик-PL
'Убей этих мальчиков!'

c. *w-a^hb^h-a-na* *rasul!*
M-убить.PFV-IMP.TR-IMP.PL Расул
'Убейте Расула!' { обращение к нескольким людям}

2.3. Промежуточные случаи

Кроме случаев маркирования, обусловленных лексически (раздел 2.1), и случаев, обусловленных грамматическими характеристиками (раздел 2.2), нам попался промежуточный случай: в тукитинском языке у части глаголов формы аориста множественного числа имеют конечный *i* (21). При этом такая мена *a → i* характерна не для всех глаголов. Таким образом, в тукитинском маркирование по числу одновременно лексически ограничено и зависит от грамматической формы глагола.

(21) ТУКИТИНСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ) [26, с. 117]

a. *w-ota* *d. b-et-i*
M-исчезнуть NPL-исчезнуть-PL
'[Он] потерялся.' '[Они (одуш.)] потерялись.'

b. *j-eta*
F-исчезнуть
'[Она] потерялась.'

c. *b-eta* *f. r-et-i*
N-исчезнуть NPL-исчезнуть-PL
'[Оно] потерялось.' '[Они (одуш.)] потерялись.'

2.4. Промежуточные итоги

В этом разделе были рассмотрены несколько случаев маркирования глаголов по числу в нахско-дагестанских языках. Данные в таблице 1 не претендуют на полноту: например, в ней не учтено множество конструкций с причастием в позиции предиката, устроенных примерно так же, как агульская долженствовательная конструкция. Представляется, однако, что случаи согласования, перечисленные в таблице 1, могут послужить базой дальнейших исследований числового маркирования на глаголах в нахско-дагестанских языках.

Таблица 1. Маркирование глаголов по числу в нахско-дагестанских языках

Языки	Лексические / грамматические ограничения	Морфологические средства выражения	Где локализовано	Согласование или глагольное число?
андийские (верхнеандийские диалекты, каратинский, чамалинский, тиндинский, годоберинский, ахвахский, багвалинский)	лексические	глагольный аблаут	в корне	согласование
верхнеандийские диалекты	лексические	супплетивные варианты основы	в корне	?
нахские (чеченский, ингушский, цова-тушинский)	лексические	супплетивные варианты основы	в корне	?
цезские (восточноцецские: бежтинский, гунзибский)	лексические	суффиксы и инфиксы	в корне или непосредственно за ним	есть контексты, типичные для глаг. числа
андийский	грамматические (большинство ТАМ-форм глагола)	суффикс <i>-(V)l</i>	на правой периферии словоформы	согласование
агульский	грамматические (долженствительное наклонение)	суффикс <i>-ar</i>	на правой периферии словоформы	?
тукитинский	лексические и грамматические	конечное <i>-i</i> (чередование гласных или же суффикс)	на правой периферии словоформы	?
даргинские (ширинский, аштынский, ицаринский, тантынский); лезгинские: табасаранский, крызский, агульский, арчинский, удинский, будухский	грамматические (формы императива и прохитива)	суффиксы	на правой периферии словоформы	?

Из данных в таблице 1 можно вывести следующие закономерности: для нахских и аваро-андо-цезских языков характерно маркирование по числу в основе глагола, которое оказывается ограничено определённым кругом лексем. В языках мира такое поведение характерно для глагольного числа, а не для согласования по числу, однако только для цезских языков мы располагаем аргументами в пользу такого анализа. Это может быть связано как с неполнотой грамматических описаний нахско-дагестанских языков, так и с их типологически нетривиальными свойствами: в конце концов, и классно-числовое согласование в нахско-дагестанских языках является лексически ограниченным и маркируется контактно с корнем.

В лезгинской ветви число часто маркируется в императивных и прохитивных формах, причём по крайней мере в части языков это число адресата, а не абсолютного аргумента.

3. Диахронические источники числового маркирования на глаголе

Происхождению глагольного согласования по лицу посвящена обширная литература. Чаще всего показатели личного согласования развиваются из личных местоимений [38, с. 399–437]; [39]; [40]; [41, с. 322], но засвидетельствованы и другие источники [42]. Согласовательные показатели числа на глаголе нередко восходят к именным показателям множественного числа; возможное объяснение этому заключается в именном происхождении глагольных форм [23, с. 891].

Рассмотрим происхождение согласовательных показателей числа в нахско-дагестанских языках.

Согласно [8, с. 189–190], согласование по числу с помощью аблаута гласного, представленное в андийских языках, может быть достаточно древним явлением, которое имеет когнаты в цезских языках, где определённые чередования гласных передают видовые противопоставления. О происхождении супплетивных вариантов основы, маркирующих число, нам ничего не известно.

В [8, с. 107–110] высказывалась идея, что многие синтетические формы глагола по происхождению являются перифрастическими. В частности, наличие именных показателей числа в агульской долженствительной конструкции (12) можно объяснить происхождением глагольных форм, используемых в этих конструкциях, от причастий.

Это же объяснение применимо к верхнеандийскому *-(V)l*: именные предикаты, в частности прилагательные, в верхнеандийских диалектах

всегда присоединяют именной показатель множественного числа $-(V)l$:

(22) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

he-ge-w-ul *baɔo-l /* **baɔu*
DEM-LL-M-PL красивый-PL красивый
'Они красивые' (элиц.).

Конструкция с причастием прошедшего времени на $-b$, семантика которой может быть предва- рительно охарактеризована как результативная, также требует согласования причастия по числу:

(23) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

a. *umuru* *χoro-χa* *w-uk'o-b*
жизнь овца.PL.OBL-APUD.ESS М-быть-PTCP.PST
'Он всю жизнь провел с баранами' {т.е. был чабаном}
(текст).

b. *he-t'ej* *w-oɔo-b-ul* *he-w-ul.*
DEM-MAN М-PL.прийти-PTCP.PST-PL DEM-M-PL
{Расскажи им историю.} 'Они для этого пришли'
(текст).

В зиловском диалекте также есть хабитуальное причастие на $-ija$, которое употребляется в позиции предиката. Однако в этой позиции оно чаще всего не присоединяет показателя $-(V)l$, ср. пример из текста:

(24) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

itli-di=gu=lo *he-ge-b-ul*
dana-?o *waspitywat* *dʒid-ija*
мы.INCL.OBL-ERG=INT=ADD DEM-LL-N1-PL
вещь.PL.OBL-SUP.LAT воспитывать делать-FUT
motf'il
ребенок.PL
'Мы на этом должны воспитывать детей' (текст).

Вариативное поведение формы на $-ija$ можно рассматривать как аргумент в пользу того, что $-(V)l$ -согласование – это "атавизм", сохранившийся в редуцированном виде с тех времен, когда форма на $-ija$ была частью причастной конструкции.

Такая же трактовка возможна для формы непеходного императива, которая совпадает с причастием на $-b$ и при множественном числе адресата всегда присоединяет $-(V)l$. С другой стороны, согласование форм прогрессива, хабитуалиса и риквантинского перфекта оказывается сложнее объяснить таким образом: так, формам прогрессива и перфекта соответствуют некоторые нефинитные формы (масдар и простой конверб), но эти формы не имеют в современном зиловском андийском причастных употреблений. Форма хабитуалиса не имеет никаких нефинитных

употреблений. Конечно, для таких форм, как хабитуалис, можно постулировать выравнивание в результате аналогии, однако апелляция к аналогии снижает силу объяснения. Более детальное обсуждение см. в статье А.Н. Закировой [36].

Путь развития, подобный описанному выше, предлагается также для гунзибского и бежтинского языков: согласно [43, с. 448]; [8, с. 157], маркирование множественного числа на глаголах произошло от суффиксов множественного числа существительных. Действительно, в современном гунзибском языке имеются, помимо других, суффиксы множественного числа $-wa$, $-ya$, $-ba$, $-a$ [32, с. 39–41].

Однако в таком случае в бежтинском и гунзибском развитие показателей множественного числа, по-видимому, зашло ещё дальше, чем в андийском. Так, в бежтинском согласование по числу лексически задано, но если определённая лексема согласуется по числу, то согласование для этой лексемы обязательно в любой форме [Заира Халилова, л.с.]. В то время как в андийских диалектах суффиксы множественного числа присоединяются после словоизменительных показателей времени и наклонения, в гунзибском и бежтинском показатели множественного числа интегрированы в корень (в случае инфиксов) или сразу следуют за ним (в случае суффиксов) [32, с. 81]; [33, с. 336–359]. Более того, числовое маркирование на глаголах, которого мы бы не ожидали в исходной причастной конструкции, в этих языках иногда имеет прочтения, связанные с множественностью ситуаций. Таким образом, если реконструкция Э.А. Ломтадзе верна, то мы имеем дело с грамматикализацией глагольного числа из глагольного согласования по числу, которое противоположно засвидетельствованному прежде направлению.

Заключение

В этой статье мы рассмотрели маркирование глагольных форм по числу в нахско-дагестанских языках.

Как выяснилось, в нахских и аваро-андо-цезских языках маркирование по числу чаще всего локализовано в основе глагола и ограничено определённым кругом лексем. Кроме того, есть случаи маркирования по числу на правой периферии глагольной словоформы, причём показатель числа тождествен именному показателю множественного числа. Скорее всего, такие случаи объясняются причастным происхождением глагольной формы.

Особняком стоит числовое маркирование императивных и прохибитивных форм в лезгинской и даргинской ветвях: по крайней мере в части языков на этих формах маркируется число адресата каузации, а не абсолютного аргумента.

Числовое маркирование, локализованное в корне, внешне напоминает скорее категорию глагольного числа, а не согласование по числу, однако только для цезских языков имеются аргументы в пользу этой точки зрения. Это может быть связано с неполнотой грамматических описаний нахско-дагестанских языков или с их типологически нетривиальными свойствами: так, в нахско-дагестанских языках классно-числовое согласование тоже является лексически ограниченным и маркируется контактно с корнем.

Что касается диахронических источников показателей числа на глаголе, были идентифицированы следующие: исходно видовые чередования в корне, показатели опатива и именные показатели множественного числа. Если верна гипотеза о происхождении гунзибского и бежтинского инфиксального и суффиксального маркирования, то эти языки представляют собой интересный пример развития согласования по числу в категорию глагольного числа.

Дальнейшее изучение маркирования по числу глагольных форм, на наш взгляд, должно сосредоточиться на более точном установлении природы глагольного маркирования в рассмотренных случаях с помощью текстов и элицитации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ADD — аддитивная частица, AOR — аорист, APUD — локализация возле ориентира, ART — артикль, CAUS — каузатив, COND — условное наклонение, CVB — деепричастие, DEM — указательное местоимение, DIR — директив, EL — элатив, ERG — эргатив, ESS — эссив, EXCL — эксклюзивное местоимение, F — женский класс, FUT — будущее время, GEN — генитив, GER — герундий, HAV — хабитуалис, HPL — множественное число класса людей, IMP — императив, IN — инессив, INCL — инклюзивное местоимение, INT — интенсифицирующая частица, ITERATIVE — итератив, LAT — латив, LL — местоимение нижнего уровня, M — мужской класс, MAN — наречие образа действия, MSD — масдар, N — неодушевлённый класс, NPL — множественное число неодушевлённого класса, OBL — косвенная основа, PFV — перфектив, PL — множественное число, PRF — перфект, PROG — прогрессив, PRON — прохибитив, PRS — настоящее

время, PST — прошедшее, PTCP — причастие, SG — единственное число, SL — указательное местоимение среднего уровня (на одном уровне с говорящим), SUP — локализация над ориентиром, TR — переходность, WH — вопросительное слово.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hammarström H., Forkel R., Haspelmath M., Bank S. Glottolog 4.4. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. <https://doi.org/10.5281/Zenodo.4761960>. (доступно онлайн по адресу <http://glottolog.org>). 2021.
2. Forker D. Gender agreement is different // *Linguistics*. 2018. Vol. 56(4). P. 865–894.
3. Кибрик А.Е., Селезнев М.Г. Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке // А.Е. Кибрик (ред.). *Табасаранские этюды*. М., 1982. С. 17–33.
4. Helmbrecht J. The syntax of personal agreement in East Caucasian languages // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 1996, Vol. 49 (2), P. 127–148.
5. Sumbatova N. Person hierarchies and the problem of person marker origin in Dargwa: facts and diachronic problems // Authier G., Maisak T. (eds.). *Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages*. Bochum: Diversitas linguarum, 2011. P. 313–160.
6. Kibrik A. Je. Direct-oblique agreement of attributes in Daghestanian // Plank F. (ed.) *Double case: agreement by Suffixaufnahme*. Oxford, 1995, P. 216–229.
7. Даниэль М.А. Согласование по косвенности в нахско-дагестанских языках: обзор эмпирических данных // *Рема*. 2021. № 2. С. 102–130.
8. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука, 1988.
9. Bond O., Corbett G.G., Chumakina M., Brown D. *Archi: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective*. Oxford University Press, 2016.
10. Ганенков Д.С., Майсак Т.А. Падеж, согласование и аргументная структура в нахско-дагестанских языках // *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2017. Т. 13. Ч. 1.
11. Татевосов С.Г. Части речи. Категория класса // Кибрик А.Е., Татевосов С.Г., Лютикова Е.А., Казенин К.И. (ред.). *Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари*. М.: Наследие, 2001.
12. Сумбатова Н.Р. Личная иерархия и личное согласование в языках нахско-дагестанской семьи // Ландер Ю.А., Сумбатова Н.Р. *Даргинский говор селения Танта: грамматический очерк, вопросы синтаксиса*. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 540–565.

13. Durie M. The Grammaticization of Number as a Verbal Category // Proceedings of the Twelfth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1986, P. 355–368. doi:10.3765/bls.v12i0.1876.
14. Corbett G.G. Number. Cambridge, 2000.
15. Mattioli S. Typology of pluractional constructions in the languages of the world. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019.
16. Mattioli S. Pluractionality: A cross-linguistic perspective. Language and Linguistics Compass. Vol. 14 (3). doi:10.1111/lnc3.12366. 2020.
17. Шлуинский А.Б. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // Вопросы языкознания. 2006. №. 1. С. 46–75.
18. Mithun M. Lexical categories and the evolution of number marking // Hammond M., Noonan M. (eds.). Theoretical Morphology: Approaches in Modern Linguistics. New York: Academic Press, 1988. P. 211–234.
19. Applegate R.B. Ineseño Chumash Grammar. Doctoral dissertation, University of California, Berkeley, CA, 1972.
20. Frajzyngier Z. Ergativity, number, and agreement // Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1985. Vol. 11. P. 96–106.
21. Mithun M. The languages of native North America. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
22. Veselinova L. Suppletion in verb paradigms (Typological Studies in Language, Vol. 67). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006.
23. Acquaviva P., Daniel M. (eds.). Number in the World's Languages: A Comparative Handbook. Walter de Gruyter GmbH: Berlin / Boston, 2022.
24. Dobrushina N. Moods in Mehweb // Daniel et al. (eds.) The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax. Berlin: Language Science Press, 2019. P. 117–165.
25. Коряков Ю.Б. Даргинские языки и их классификация // Т. А. Майсак и др. (ред.). Дурхъаси хазна, 2021. С. 139–154.
26. Магомедбекова З.М. Каратинский язык: грамматический анализ, тексты, словарь. Тбилиси, 1971.
27. Corbett G.G. Agreement. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
28. Салимов Х.С. Гагатлинский говор андийского языка. Махачкала, 2010.
29. Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. Грозный, 1960.
30. Nichols J. Ingush grammar. Berkeley, 2011.
31. Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык: фонетика, морфология, синтаксис, лексика. Л., 1953.
32. Berg van den H. A grammar of Hunzib. München, 1995.
33. Комри Б., Халилов М.Ш., Халилова З.М. Грамматика бежтинского языка: Фонетика. Морфология. Словообразование. Лейпциг – Махачкала, 2015.
34. Магомедов А.А. Агульский язык (Исследование и тексты). Тбилиси, 1970.
35. Закирова А.Н. Согласование по числу в андийском языке: экспансия из парадигмы существительных // Родной язык. 2020. № 2. С. 94–123.
36. Закирова А.Н. Согласование прилагательных по числу в андийских диалектах: глагол // Т.А. Майсак, Н.Р. Сумбатова, Я.Г. Тестелец (ред.). Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р.О. Муталова. М.: Буки Веди, 2021. С. 94–114.
37. Магомедов А.А. Табасаранский язык: (Исследование и тексты). Тбилиси, 1965.
38. Givón T. Syntax: an introduction (Vol. 1). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001.
39. Lehmann Ch. Universal and Typological Aspects of Agreement // Seiler H., Stachowiak F. J. (eds.). Apprehension, Vol. 2. Narr, Tübingen, 1982, P. 201–267.
40. Fuß E. The rise of agreement: A formal approach to the syntax and grammaticalization of verbal inflection (Vol. 81). John Benjamins Publishing, 2005.
41. Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
42. Creissels D. Person variations in Akhvakh verb morphology: functional motivation and origin of an uncommon pattern // Sprachtypologie und Universalienforschung. 2008. № 61 (4). С. 309–325.
43. Ломтадзе Э.А. მრავლობითის წარმოება კაპუჭურ-ჰუნზურ ენის ზმნაში [Образование множественного числа в глаголе капучинско-гунзибского языка] // Иберийско-кавказское языкознание. 1953. Т. V. С. 417–446. [На груз. яз.]

REFERENCES

1. Hammarström, H., Forkel, R., Haspelmath, M., Bank, S. *Glottolog 4.4*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. <https://doi.org/10.5281/Zenodo.4761960>. (available online at <http://glottolog.org>, accessed on 2022.10.29.).
2. Forker, D. *Gender agreement is different*. Linguistics. 2018, Vol. 56 (4), pp. 865–894.
3. Kibrik, A.E., Seleznev, M.G. *Sintaksis i morfologiya glagolnogo soglasovaniya v tabasaranskomazyke* [Syntax and Morphology of Verbal Agreement in Tabasaran]. A.E. Kibrik (red.). *Tabasaranskie etyudy*

- [Studies in Tabasaran]. Moscow, 1982, pp. 17–33. (In Russ.)
4. Helmbrecht, J. *The syntax of personal agreement in East Caucasian languages*. Sprachtypologie und Universalienforschung. 1996, Vol. 49 (2), pp. 127–148.
 5. Sumbatova, N. *Person hierarchies and the problem of person marker origin in Dargwa: facts and diachronic problems*. Authier G., Maisak T. (eds.). Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages. Bochum: Diversitas linguarum, 2011, pp. 313–160.
 6. Kibrik, A. Je. *Direct-oblique agreement of attributes in Dagestaniyan*. Plank F. (ed.) Double case: agreement by Suffixaufnahme. Oxford, 1995, pp. 216–229.
 7. Daniel, M. A. *Soglasovanie po kosvennosti v nakhsko-dagestanskikh yazykakh: obzor empiricheskikh dannyykh* [Agreement in Obliqueness in East Caucasian: A Formal Survey]. Rhema. 2021, No. 2, pp. 102–130. (In Russ.)
 8. Alekseev, M. E. *Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya avaro-andijskikh yazykov* [Comparative Morphology of the Avar-Andic Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russ.)
 9. Bond, O., Corbett, G. G., Chumakina, M., Brown, D. Archi: *Complexities of agreement in cross-theoretical perspective*. Oxford University Press, 2016.
 10. Ganenkov, D. S., Majsak, T. A. *Padezh, soglasovanie i argumentnaya struktura v nakhsko-dagestanskikh yazykakh* [Case, Agreement and Argument Structure in the East Caucasian Languages]. *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN* [Acta linguistica petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences]. 2017, Vol. 13, Part. 1. (In Russ.)
 11. Tatevosov, S. G. *Chasti rechi. Kategoriya klassa* [Parts of Speech. The Category of Noun Class]. Kibrik, A. E., Tatevosov, S. G., Lyutikova, E. A., Kazenin, K. I. (eds.). *Bagvalinskij yazyk: Grammatika. Teksty. Slovori* [Bagvalin Language: Grammar. Texts. Dictionaries]. Moscow, Nasledie Publ., 2001. (In Russ.)
 12. Sumbatova, N. R. *Lichnaya ierarkhiya i lichnoe soglasovanie v yazykakh nakhsko-dagestanskoy semji* [Person Hierarchy and Person Agreement in the East Caucasian Languages]. Lander, Yu. A., Sumbatova, N. R. *Darginskij govor seleniya Tanty: grammaticheskij ocherk, voprosy sintaksisa* [Tanty Dargwa: a Grammar Sketch, Issues in Syntax]. Moscow, Yazyki slavjanskoj kultury Publ., 2015, pp. 540–565. (In Russ.)
 13. Durie, M. *The Grammaticization of Number as a Verbal Category*. Proceedings of the Twelfth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1986, pp. 355–368. doi:10.3765/bls.v12i0.1876.
 14. Corbett, G. G. *Number*. Cambridge, 2000.
 15. Mattioli, S. *Typology of pluractional constructions in the languages of the world*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019.
 16. Mattioli, S. *Pluractionality: A cross-linguistic perspective*. Language and Linguistics Compass. Vol. 14 (3). doi:10.1111/lnc3.12366. 2020.
 17. Shluinsky, A. B. *K tipologii predikatnoj mnozhestvennosti: organizaciya semanticheskoy zony* [Towards a Typology of Predicative Plurality: the Structure of the Semantic Zone]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language]. 2006, No. 1, pp. 46–75. (In Russ.)
 18. Mithun, M. *Lexical categories and the evolution of number marking*. Hammond, M., Noonan, M. (eds.). *Theoretical Morphology: Approaches in Modern Linguistics*. New York: Academic Press, 1988, pp. 211–234.
 19. Applegate, R. B. *Ineseño Chumash Grammar*. Doctoral dissertation, University of California, Berkeley, CA, 1972.
 20. Frajzyngier, Z. *Ergativity, number, and agreement*. Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1985. Vol. 11, pp. 96–106.
 21. Mithun, M. *The languages of native North America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
 22. Veselinova, L. *Suppletion in verb paradigms* (Typological Studies in Language, Vol. 67). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006.
 23. Acquaviva, P., Daniel, M. (eds.). *Number in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Walter de Gruyter GmbH: Berlin, Boston, 2022.
 24. Dobrushina, N. *Moods in Mehweb*. Daniel et al. (eds.) *The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax*. Berlin: Language Science Press, 2019, pp. 117–165.
 25. Koryakov, Yu. B. *Darginskie yazyki i ikh klassifikaciya* [The Dargwa Languages and Their Classification]. T. A. Majsak et al. (eds.). *Durkhsi khazna*. 2021, pp. 139–154. (In Russ.)
 26. Magomedbekova, Z. M. *Karatinskij yazyk: grammaticheskij analiz, teksty, slovar* [The Karata Language: Grammar Analysis, Texts, Dictionary]. Tbilisi, 1971. (In Russ.)
 27. Corbett, G. G. *Agreement*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
 28. Salimov, H. S. *Gagatlinskij govor andijskogo yazyka* [The Gagatli Dialect of Andi]. Makhachkala, 2010. (In Russ.)
 29. Yakovlev, N. F. *Morfologiya chechenskogo yazyka* [The Morphology of Chechen]. Grozny, 1960. (In Russ.)
 30. Nichols, J. *Ingush grammar*. Berkeley, 2011.
 31. Desheriev, Yu. D. *Bachbiskij yazyk: fonetika, morfologiya, sintaksis, leksika* [The Batsbi Language: Phonetics, Morphology, Syntax, Vocabulary]. Leningrad, 1953. (In Russ.)

32. Berg van den, H. *A grammar of Hunzib*. München, 1995.
33. Komri, B., Khalilov, M.Sh., Khalilova, Z.M. *Grammatika bezhtinskogo yazyka: Fonetika. Morfologiya. Slovoobrazovanie* [The Grammar of Bezhta: Phonetics, Morphology, Word Formation]. Leipzig – Makhachkala, 2015. (In Russ.)
34. Magometov, A.A. *Agulskij yazyk (Issledovanie i teksty)* [The Agul Language: a Study and Texts]. Tbilisi, 1970. (In Russ.)
35. Zakirova, A.N. *Soglasovanie po chislu v andijskom yazyke: ekspansiya iz paradigmy sushchestvitelnykh* [Number Agreement in Andi: Expansion from the Nominal Paradigm]. *Rodnoj yazyk* [Mother Language]. 2020, No. 2, pp. 94–123. (In Russ.)
36. Zakirova, A.N. *Soglasovanie prilagatelnykh po chislu v andijskikh dialektakh: glagol* [Number Agreement of Adjectives in Dialects of Andi: the Verb]. T.A. Majsak, N.R. Sumbatova, Ya.G. Testelec (eds.). *Durkhsi khazna. Sbornik statej k 60-letiju R.O. Mutalova* [Durkhasi hazna. Collection of Articles for the 60th Anniversary of R.O. Mutalov]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2021. S. 94–114. (In Russ.)
37. Magometov, A.A. *Tabasaranskij yazyk: (Issledovanie i teksty)* [Tabasaran: a Study and Texts]. Tbilisi, 1965. (In Russ.)
38. Givón, T. *Syntax: an introduction* (Vol. 1). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001.
39. Lehmann, Ch. *Universal and Typological Aspects of Agreement*. Seiler, H., Stachowiak, F.J. (eds.). *Apprehension*, Vol. 2, Narr, Tübingen, 1982, pp. 201–267.
40. Fuß, E. *The rise of agreement: A formal approach to the syntax and grammaticalization of verbal inflection* (Vol. 81). John Benjamins Publishing, 2005.
41. Kuteva, T., Heine, B., Hong, B., Long, H., Narrog, H., Rhee, S. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
42. Creissels, D. *Person variations in Akhvakh verb morphology: functional motivation and origin of an uncommon pattern*. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2008, No. 61 (4), pp. 309–325.
43. Lomtadze, E.A. *Mravlobitis c'armoeba k'ap'uč'ur-hunzuri enis zmnāši* [The Formation of Plural in the Hunzib Verb]. *Iberijsko-kavkazskoe yazykoznanie* [Iberian-Caucasian Linguistics]. 1953, Vol. V, pp. 417–446. (In Georgian)

Дата поступления материала в редакцию: 13 сентября 2022 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 11 октября 2022 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2022 г.

Дата публикации: 31 декабря 2022 г.

Received by Editor on September 13, 2022

Revised on October 11, 2022

Accepted on October 15, 2022

Date of publication: December 31, 2022

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S160578800023672-5

**Демидова О. Р., Потехина Е. А. Гендерные модели в культуре, или
О философии мужского и женского. СПб.: Алетейя, 2023. 178 с.**

**[Review:] Demidova O. R., Potekhina E. A. Gender Models in Culture,
or On the Philosophy of the Masculine and the Feminine. St. Petersburg,
Aletheia Publ., 2023, 178 p. [In Russ.]**

Небольшая, но емкая монография О.Р. Демидовой, известной исследовательницы литературы и культуры Серебряного века и русского зарубежья, одной из первых, кто стал заниматься гендерными штудиями в России, и ее ученицы Е.А. Потехиной представляет собой нечто вроде введения в философско-антропологическую гендеристику – введения, легко читающегося, не способного утомить тех, кто только начинает входить в эту проблематику, и в то же время вмещающего в себя солидный круг сведений.

Книга состоит из четырех разделов: первый, вводный, посвящен культурфилософским предпосылкам и методологическим основаниям, на которых строится книга, во втором разбирается эволюция концептов мужского и женского в философско-антропологической перспективе, в третьем идет речь об инвариантных культурных моделях маскулинного, в четвертом – о моделях фемининного. При этом исследование имеет очень широкую пространственно-временную перспективу, поскольку парадигма гендерных моделей в культуре рассматривается от античности до современности и как на Западе, так и в России.

Материалом исследования послужил огромный круг текстов культуры – от философских трактатов античности и Средневековья до современных телевизионных шоу, включая классические феминистские манифесты, произведения литературы и кинематографа. Как ни удивительно, этот предельно разнообразный материал не создает впечатления отрывочности, фрагментарности повествования, интеллектуального “винегрета”; авторам удается создать очень цельный и четко построенный текст, дающий панораму того, как понимались в культуре мужественность и женственность, как менялось это понимание.

Именно поэтому книга годится на роль введения в гендеристику – причем для широкого читателя: здесь нет особого крена ни в одну из специальных дисциплин, а использование терминологии очень аккуратное; при всей точности в понятиях эта книга интеллектуально демократична.

Слово «гендер» понимается здесь в духе гендерных исследований 1960–1970-х годов (совпавших со второй волной феминизма), то есть в дихотомии с биологическим полом по критерию “биологическое / социологическое”. Если пол подразумевает физиологические различия между мужчинами и женщинами, то гендер – социальные: «...гендер рассматривается как “совокупность социальных репрезентаций, а не природой закрепленная данность”, “то, что мы думаем о поле в границах наших социокультурных представлений”» (с. 11). Более поздняя и более радикальная постструктуралистская концепция, предложенная Джудит Батлер, согласно которой “пол как таковой в рамках культурного контекста отсутствует, существуя (реализуясь) лишь как гендер, который, в свою очередь, не является постоянной, застывшей характеристикой субъекта, а, напротив, непрерывно видоизменяется, конструируется” (с. 72), после короткой, но убедительной полемики отодвигается в сторону. В общем, эта книга по-хорошему консервативна. Центральное же понятие книги – гендерные модели – определяется как “абстрактные инвариантные образцы феминного и маскулинного, представляющие собой идеальные обобщенные модели мужчины и женщины определенных типов в отвлечении от их конкретных реализаций, конструирующиеся во многом на основе существующей в обществе совокупности стереотипов” “посредством различных социальных институтов” (с. 14).

Выявляемые на этой основе инвариантные модели маскулинности и фемининности включают три группы: наиболее консервативные и культурно одобряемые (“традиционная женщина”, “женщина-мать” и “традиционный мужчина”), альтернативные, обретающие статус культурно одобряемых при определенных общественно-политических обстоятельствах (модели маскулинной фемининности “женщина героического типа” и “деловая женщина”, модель радикальной маскулинности “мачо”), и маргинальные, или культурно порицаемые, но при этом продуктивные (“роковая женщина”, “женщина-вамп” и модели фемининной маскулинности “метросексуал” и “мужчина-содержанка”). Эти модели убедительно анализируются на большом материале культуры. При этом читатель вполне может задать себе вопрос, все ли гендерные модели здесь учтены; скажем, такие типичные культурные амплуа, как “инженю”, “девица в беде”, “синий чулок” (она же “старая дева”) и пр., столь ярко проявившие себя в театре, массовой литературе, карикатуре, — вписываются ли они в модель “традиционной женщины” или не совсем? А куда девать “эмансипированную женщину” — тип, очень популярный в культуре рубежа XIX и XX вв.? Напротив, насколько обосновано разведение “роковой женщины” и “женщины-вамп” (хотя ему и даются объяснения)? Вообще, каково соотношение гендерных моделей и литературных амплуа в их гендерной детерминированности? Книга оставляет место для заинтересованных вопросов и подталкивает к собственной читательской рефлексии.

Очень удачно в монографии то, что анализируемые гендерные модели рассматриваются в постоянной привязке к исторической, общественно-политической ситуации, — так, убедительно показано, что популярность фильмов “нуар” и их героинь, “женщин-вамп”, в огромной степени проистекает из военной и послевоенной обстановки: “...они возникли тогда, когда маскулинности снова был брошен вызов, на этот раз вследствие изменений, произошедших в структуре семьи и распределении гендерных ролей в Америке военного и послевоенного времени. <...> Всенародная мобилизация привела к тому, что многие женщины заняли место мужчин на производстве, и это всячески поощрялось правительством и обществом. <...> С окончанием войны необходимость во всеобщем труде на благо страны отпала, и пропаганда начала оказывать давление на женщин, не желающих оставлять работу и возвращаться в лоно семьи <...> ...подобное положение вещей порождало кризис гендерной

самоидентификации у женщин, а эмансипация, подстегнутая войной, пугала мужчин, привыкших к своей доминирующей роли в рамках прежнего патриархатного общественного уклада” (с. 144–145). Отсюда — кинематографические “женщины-вамп”, стремящиеся отстоять свою субъектность, но лишённые обществом законной возможности это сделать, прибегающие к “запрещённым” приемам; с другой стороны, эти героини являют собой проекцию мужских страхов, имеющие корнем расшатывание прежнего привилегированного положения мужчин. Столь же “вписаны” в общественно-политические обстоятельства и другие анализируемые в книге гендерные модели.

Собственно, сам анализ теоретических работ, фильмов, литературных произведений, хотя и по необходимости краток, как правило, весьма филигранно выполнен, попадает “в точку”. Таковы, например, разборы пьес Т. Уильямса «Трамвай “Желание”» и А. Миллера “Вид с моста” в связи с типом “мачо”. Некоторые детали анализа опять же провоцируют к читательскому диалогу; так, при разборе фильма “После смерти” (1915), сюжет которого достаточно подробно пересказывается, авторы высказывают догадку о том, что «мотив посмертной мести героини отсылает к пушкинской “Пиковой даме”, не единожды привлекавшей внимание российских кинематографистов в первые десятилетия XX в.» (с. 152). Между тем, не упоминается основной источник сюжета этого фильма — “таинственная повесть” И.С. Тургенева “Клара Милич (После смерти)”. Видимо, здесь имеет место некая аберрация памяти о читателе, который может этого и не знать; вообще же, книга к таким аберрациям не склонна.

Конечно, не следует забывать и о таком несомненном достоинстве этой монографии, как сжатый, но очень четкий, последовательный и содержательный пересказ основных философских сочинений и концепций, касающихся соотношения полов и, прежде всего, места женщины в мире и в культуре. Здесь читатель найдет всё, чтобы начать ориентироваться в истории проблемы.

Подытоживая: эту книгу можно рекомендовать как профессионально написанный, нескучный, снисходительный к читателю по части времени, затрачиваемого на чтение и осмысление, путеводитель по гендерной теории в ее философско-антропологической, культурологической и художественной перспективе. Основные социальные движения в этой области здесь оказываются отражены в зеркале культуры — так, что всё сказанное в книге будет осознано и запомнено.

Здесь нет зауми, чрезмерной сложности, которая в иных сочинениях кажется сверхзадачей авторов; есть – взвешенность суждений, убедительность, широта охвата, простота и в то же время точность выражений. Книга эта будет полезна и более продвинутому в гендеристике читателю – многие частные наблюдения здесь подталкивают к собственной рефлексии, к обдумыванию новых тем и произведений. А также – к междисциплинарности исследований.

В. Б. Зусева-Озкан
Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
v.zuseva.ozkan@gmail.com

Veronika B. Zuseva-Özkan
Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher
at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
v.zuseva.ozkan@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию: 12 сентября 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 22 сентября 2022 г.
Статья принята к публикации: 15 октября 2022 г.
Дата публикации: 31 декабря 2022 г.

Received by Editor on September 12, 2022
Revised on September 22, 2022
Accepted on October 15, 2022
Date of publication: December 31, 2022

Благодарность. Рецензия написана при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>) в ИМЛИ РАН.

Acknowledgements. This review was carried out with support of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>) at the IWL RAS.

Для цитирования: *Зусева-Озкан В.Б. (рец.) Демидова О.Р., Потехина Е.А. Гендерные модели в культуре, или О философии мужского и женского. СПб.: Алетейя, 2023. 178 с. // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 115–117. DOI: 10.31857/S160578800023672-5*

For citation: *Zuseva-Özkan, V.B. (Rev.) Demidova O.R., Potekhina E.A. Gendernye modeli v kulture, ili O filosofii muzhskogo i zhenskogo. SPb.: Aleteja, 2023. 178 s. [[Review:] Demidova O.R., Potekhina E.A. Gender Models in Culture, or On the Philosophy of the Masculine and the Feminine. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2023, 178 p. [In Russ.]] Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 6, pp. 115–117. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800023672-5*

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТОМА 81, 2022 год

	Вып.	Стр.
<i>Амитина Е.А.</i> см. Маньковский А.В.	3	104
<i>Антопольский А.Б.</i> Метаданные лингвистических ресурсов: история и современное состояние	1	21
<i>Баршт К.А. (рец.)</i> Ходель Р. Андрей Платонов: родина и электричество / Роберт Ходель; Международный Платоновский семинар. М.: Полимедиа, 2021. 206 с.; (Поэтика Андрея Платонова; вып. 5)	5	115
<i>Беленов Н.В.</i> см. Карпов В.И. и др.	5	82
<i>Бережнов Д.А.</i> Психологизм Набокова на фоне традиционной парадигмы русской литературы	5	40
<i>Блищ Н.Л. А.М.</i> Ремизов и наследники: тайные тропы филологической прозы конца XX века	6	34
<i>Борзенко Е.О.</i> см. Добрушина Е.Р.	4	81
<i>Борисова (Ворон) П.А. (рец.)</i> Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост., отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 384 с. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 6)	4	115
<i>Борлыкова Б.Х., Меньев Б.В.</i> О письменных источниках сарт-калмыков	5	74
<i>Брылева К.В.</i> Готье против Верлена: об одном предпочтении Н. Гумилева во французской поэзии	1	96
<i>Воронцов Д.О.</i> см. Карпов В.И. и др.	5	82
<i>Гиндин С.И.</i> Механизм формирования темы в тексте в представлении Б.В. Томашевского и Г.А. Шенгели (по работам 1925 года)	5	100
<i>Городилова Н.И.</i> Роман “Анна Каренина” в оценке “Русского вестника”	1	82
<i>Гэнь Ли.</i> Китайский подтекст в рассказе Ю. Буйды “Китай”	2	65
<i>Дампилова Л.С., Николаева Н.Н.</i> Жанр клятв в монгольско-маньчжурских источниках и по фольклорно-этнографическим данным	3	64
<i>Двинятина Т.М.</i> Ранняя лирика И.А. Бунина: истоки и влияния	5	5
<i>Дзицойты Ю.А., Фалилеев А.И.</i> Осет. <i>tug / tugæ</i> ‘сперма’ и некоторые вопросы общеиранской и индоевропейской реконструкции	5	57
<i>Добрушина Е.Р., Борзенко Е.О.</i> Языковая игра с падежным окончанием -ов, или Как падонки сменились котиками	4	81
<i>Довгий О.Л.</i> О заглавиях басен, или Кто главный в поэтическом мире графа Хвостова	6	53
<i>Дубаков Л.В.</i> Барон Унгерн в литературе 1920-х годов: двусторонняя оптика Гражданской войны	2	48
<i>Дьёндьёши М., Кибальник С.А.</i> Криптопоэтика и формы ее проявления	6	5
<i>Ермакова О.П.</i> Замечания о различной природе метонимии	1	51
<i>Ермолова М.В.</i> О некоторых особенностях употребления перфектных и плюсквамперфектных конструкций в псковских говорах (на материале одного говора Опочецкого района Псковской области)	2	92
<i>Закирова А.Н.</i> Маркирование глагола по числу в нахско-дагестанских языках	6	102
<i>Зусева-Озкан В.Б. (рец.)</i> Демидова О.Р., Потехина Е.А. Гендерные модели в культуре, или О философии мужского и женского. СПб.: Алетейя, 2023. 178 с.	6	115
<i>Зусева-Озкан В.Б.</i> “Шпага кавалера”, “Победитель” и “Актер”: единство и преемственность трех пьес М.Е. Лёвберг	4	21
<i>Ивинский А.Д.</i> “Фелица” Г.Р. Державина, “Велизарий” Ж.-Ф. Мармонтеля и технология литературного успеха при дворе Екатерины II	1	74
<i>Изумрудов Ю.А.</i> Неизвестная статья Б.А. Садовского “Философия брака”: пушкинский контекст	6	44
<i>Йожа Д.З.</i> Перевоспитание Нарцисса в “Обыкновенной истории” И.А. Гончарова	2	5
<i>Карпов В.И., Сенатор С.А., Воронцов Д.О., Беленов Н.В.</i> Петер Симон Паллас и становление академической полевой лексикографии в России	5	82
<i>Кешокова Е.А.</i> см. Шишкова И.А.	3	18
<i>Кибальник С.А.</i> Мой “Анти-Бахтин” (к вопросу о научной интерпретации “фантастического рассказа” Ф.М. Достоевского “Сон смешного человека”)	1	65

<i>Кибальник С.А.</i> см. Дьёндьёши М.	6	5
<i>Клейн Иоаким.</i> Державин и возвращение победоносного царя	4	5
<i>Клементьев Р.Е.</i> “...В серый пролетарский монастырь под звон рапповских колоколов...”: поэт Владимир Луговской – из “попутчиков” в рапповцы	4	33
<i>Коржова И.Н.</i> см. Леденёв А.В.	6	16
<i>Коровин В.Л.</i> “Три оды парафрастические псалма 143”: Религия и политика в поэтическом состязании Третьяковского, Ломоносова и Сумарокова в 1743 г.	3	40
<i>Красухин К.Г.</i> Корень *d ^h eh ₁ - ‘ставить, полагать; делать’ в греческом и итальянских языках (на индоевропейском фоне)	1	37
<i>Крысько В.Б., Ладыженский И.М., Мольков Г.А.</i> От Моравии до Пскова: текст и экстратексты Софийской триоди	3	74
<i>Кудлай О.С.</i> Исповедальный монолог в “Братьях Карамазовых” Ф.М. Достоевского и “Мнимых величинах” Н.В. Нарокова	2	60
<i>Ладыженский И.М.</i> см. Крысько В.Б. и др.	3	74
<i>Леденёв А.В., Коржова И.Н.</i> Художественные ресурсы пунктуации в произведениях В.В. Набокова: от языкового к образному знаку	6	16
<i>Маньковский А.В., Амитина Е.А.</i> “Радуюсь за ваши успехи вокруг Фонтана...”: Три письма из архивов Г.О. Винокура и Б.В. Томашевского	3	104
<i>Меняев Б.В.</i> см. Борлыкова Б.Х.	5	74
<i>Михайлова Т.А.</i> Ирландская сага: границы жанра (формальный подход)	4	60
<i>Мольков Г.А.</i> см. Крысько В.Б. и др.	3	74
<i>Морозов С.Н.</i> Ранняя проза И.А. Бунина: источниковедение, текстология, атрибуция, датировка	4	43
<i>Москвин В.П.</i> Стихотворение О. Манделштама “За то, что я руки твои не сумел удержать...”: комментарии к темным местам	2	27
<i>Московская Д.С.</i> М.А. Шолохов в англоязычной кросс-культурной коммуникации: к истории перевода романа “Тихий Дон” на английский язык	6	26
<i>Муратова Я.Ю.</i> Вячеслав Иванов и феномен байронизма: аспекты свободы	3	10
<i>Ненарокова М.Р.</i> Русский Байрон в XXI веке: заметки о современных переводах <i>Sun of the Sleepless</i>	3	32
<i>Николаева Н.Н.</i> см. Дампилова Л.С.	3	64
<i>Никуличева Д.Б.</i> Субъективная и объективная ориентация в пространстве средствами местоименного дейксиса в датском языке	3	93
<i>Орлова М.В.</i> Кто такой <i>дикий ревнивец</i> и почему нам <i>дико интересно</i> : полисемия прилагательных типа <i>дикий</i> в сфере человеческого	6	89
<i>Пастернак Е.А.</i> О строфических предпочтениях Г.Р. Державина (на материале прижизненного собрания сочинений)	4	52
<i>Пименова Н.Б. (рец.)</i> J. Fernández-Domínguez, A. Bagasheva, C. Lara-Clares (eds.) <i>Paradigmatic Relations in Word Formation. (Empirical Approaches to Linguistic Theory, Vol. 16)</i> . Leiden, Boston: Brill, 2020. 265 p. [на английском языке]	5	110
<i>Полонский В.В.</i> Семантическое <i>сфумато</i> : трансформация античного источника в романе Д.С. Мережковского “Юлиан Отступник”	2	22
<i>Потапов В.В.</i> см. Потапова Р.К.	2	78
<i>Потапова Р.К., Потапов В.В.</i> Интернет-меметика как эмоциогенная среда сетевой коммуникации	2	78
<i>Примочкина Н.Н.</i> “Перед нами блестящая метафора России...” (Символика и поэтика очерков М. Горького “Проводник” и “Мамаша Кемских”)	5	26
<i>Протопопов И.А.</i> см. Протопопова А.В.	3	52
<i>Протопопова А.В., Протопопов И.А.</i> Женское творчество глазами Зинаиды Гиппиус	3	52
<i>Птенцова А.В.</i> Вопросы, которые трудно закрыть: многозначность слов <i>ЗАКРЫВАТЬ, ЗАКРЫВАТЬСЯ, ЗАКРЫТИЕ</i> и ее представление в Активном словаре русского языка	4	89
<i>Рахилина Е.В. (рец.)</i> Бурас М.М. Лингвисты, пришедшие с холода. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. 410 с., ил. (Великие шестидесятники)	4	109
<i>Резникова Т.И.</i> О развитии абстрактной семантики: глаголы ‘делать’ в диахронической перспективе	5	48
<i>Сабурова Л.Е.</i> Отражение эпохи “экономического бума” в произведениях Итало Кальвино	5	32

<i>Савельев В.С.</i> О порядке слов в древнерусских именных группах с местоименными прилагательными (на материале прямой речи “Повести временных лет”)	1	56
<i>Семенова А.В.</i> К вопросу о литературном фоне “Бориса Годунова” А.С. Пушкина (трагедия М.М. Хераскова “Борислав”)	2	54
<i>Сенатор С.А.</i> см. Карпов В.И. и др.	5	82
<i>Стенин И.А.</i> Несколько наблюдений над причастным пассивом в тундровом ненецком языке	4	96
<i>Супрунова Д.А.</i> “Добрая ночь” Байрона и Козлова как русская народная песня	3	24
<i>Тимошенко С.П.</i> Лексикализованные обозначения времени: опыт корпусной разметки	6	70
<i>Урманчиева А.Ю.</i> Надо ли реконструировать для прасамодийского * <i>ō</i> : источники <i>o</i> после палатальных согласных в первых и непервых слогах в тундровом ненецком	6	61
<i>Фалилеев А.И.</i> см. Дзиццойты Ю.А.	5	57
<i>Фуфаева И.В.</i> XVI Международная конференция “Лицо в языке и коммуникации”	1	114
<i>Халтрин-Халтурина Е.В.</i> Байрон в России: о подготовке 47-го съезда Международной ассоциации байроновских обществ	3	5
<i>Цзян Пэй.</i> О переводах и переводчиках басен И.А. Крылова в Китае	1	90
<i>Чекалина Е.М.</i> Этот сильный свистящий: о морфологическом потенциале фонемы <i>s</i> в шведском языке	2	71
<i>Черепанов Д.Д.</i> “У него мания величия”: образ “гения силы” в трагедии Ф. Шиллера “Разбойники”	5	18
<i>Четверикова Т.Д.</i> см. Шелов С.Д.	1	5
<i>Шаповалов А.В.</i> К вопросу о формах авторского присутствия в древнерусском летописании XI–XIII вв. (интерпретация и типология)	1	105
<i>Шелов С.Д., Четверикова Т.Д.</i> Лексикографическое описание специального слова в общем толковом словаре: пометы, ремарки, комментарии	1	5
<i>Шестакова Л.Л. (рец.)</i> Панов М.В. Поэтический язык Серебряного века. Символизм. Футуризм. Курс лекций / Расшифровка, подготовка текста, предисловие и примечания Л.Б. Парубченко.	2	106
СПб.: Нестор-История, 2019. 424 с., ил.		
<i>Шишкова И.А., Кешокова Е.А.</i> Мережковский и Байрон	3	18
<i>Шмурак Р.И.</i> Фольклор и упрек: опыт сентимент-анализа на базе конструкций	4	70